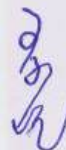

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ИНСТИТУТ МОНГОЛОВЕДЕНИЯ, БУДДОЛОГИИ И ТИБЕТОЛОГИИ
СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

На правах рукописи

Ху Буцинъ

**АНТРОПОНИМИЯ МОНГОЛОВ ВНУТРЕННЕЙ МОНГОЛИИ
И БУРЯТ РОССИИ**

Специальность 5.9.6 – Языки народов зарубежных стран
(монгольские языки)

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук, доцент Цыренов Б.Д.

Улан-Удэ
2024

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава 1. Теоретико-методологические основы изучения антропонимии в монголоведении	9
1.1. Теоретическая база исследования антропонимии в монгольском языкознании.....	9
1.2. История изучения антропонимии монгольских народов на территории России, Монголии и КНР)	31
Выводы по главе 1.	45
Глава 2. Образование и функционирование антропонимов в бурятском языке и монгольском языке АРВМ КНР	47
2.1. Официальные именные формулы	47
2.1.1 Личное имя.....	49
2.1.2 Фамилия.....	56
2.1.3. Отчество	65
2.2. Неофициальные именные формулы	69
2.2.1. Прозвища.....	70
2.2.2. Неофициальные личные имена	87
Выводы по главе 2.	96
Глава 3. Современное состояние антропонимии в монгольском языке АРВМ КНР и в бурятском языке	99
3.1. Имянаречение у современных монголов АРВМ КНР и бурят.....	99
3.1.1. Легендарные и событийные имена	99
3.1.2. Соименование монгольских и бурятских антропонимов	104
3.1.2.1. Горизонтальное соименование.....	108
3.1.2.2. Вертикальное соименование	114
3.1.3. Антропонимы с нумеративным компонентом.....	118
3.2. Культурно-исторические особенности употребления собственных имен в монгольском языке АРВМ КНР и в бурятском языке	129
3.2.1. Табу наречения	129
3.2.2. Табу обращения	137
3.3. Проблема стандартизации антропонимов монгольского языка АРВМ КНР и бурятского языка	145
3.4. Современное состояние детского и юношеского антропонимикона монголов АРВМ Китая и бурят России	157
Выводы по главе 3.	163
Заключение.....	165
Литература	171
Приложения	190

Введение

Актуальность исследования обусловлена возрастающим интересом к изучению универсальных и специфических языковых явлений в родственных языках, обусловленных особенностями истории, влиянием языков и культур контактных народов. В исследованиях подобного рода выявляется влияние внутриязыковых и внешних факторов на становление и развитие лексики тех или иных языков в целом, а также некоторых разрядов лексического фонда, наиболее подверженных этому влиянию в культурно-историческом плане. Антропонимическая лексика монгольского и бурятского языков как маркер исконно национального сознания неоднократно становилась объектом научного интереса. Обзор трудов по данной тематике показывает, что подавляющее большинство монгольских исследований основано на изучении антропонимов Монголии, в то время как антропонимы монгольского языка Внутренней Монголии освещены крайне скудно. В то же время, исследования бурятского антропонимикона носят разноаспектный и систематический характер. Сравнительное изучение монгольских языков на основе новых данных, выявление и классификация процессов, в частности, антропонимического характера, имевших место в истории развития этих языков, в том числе путем сравнения отдельных языков монгольской группы, позволят исследователям глубже понять внутренние и внешние факторы влияния и закономерности их развития. В этой связи актуальным представляется сравнительное исследование антропонимических систем двух отдельных монгольских языков, которое позволит выявить их генетическую и историко-культурную близость, а также поздние ареальные контакты внутри монгольской группы. В связи с этим, в данном диссертационном исследовании рассматриваются антропонимические модели общемонгольского происхождения.

Интерес к именам собственным, их происхождению и развитию возник еще в далеком прошлом. Они выделялись как особый класс слов, изучались

отношения между собственными именами и апеллятивной лексикой, или нарицательными именами, а также между собственными именами и их денотатами. В XIX в. между учёными (Дж. Ст. Милль, Х. Джозеф и др.) продолжалась дискуссия об именах собственных. И именно в этот период начал закладываться научный, теоретический подход в изучении ономастики. Относительно зарождения и развития российской ономастики А. А. Гируцкий отметил, что «в России интерес к именам собственным как объекту лингвистического исследования одним из первых проявил А. Х. Востоков. Фактически же научный статус специальной языковедческой дисциплины ономастика получила в 1930 г. на 1-м Международном ономастическом конгрессе во Франции» [Гируцкий, 2003, С. 161].

С 70-х годов прошлого века появилось несколько теоретических работ советских ономатологов. Это, прежде всего, книги А. А. Белецкого «Лексикология и теория языкознания (ономастика)» (Киев, 1972), А. В. Суперанской «Общая теория имени собственного» (М., 1974), В. Д. Бондалетова «Русская ономастика» (М., 1983), коллективный труд А. В. Суперанской, В. А. Сталтмане, Н. В. Подольской, А. Х. Султанова «Теория и методика ономастических исследований» (М., 1986), М. Э. Рут «Образная номинация в русском языке» (Екатеринбург, 1992). Помимо этого, также опубликованы статьи и работы Ю. А. Карпенко «Теоретические основания разграничения собственных и нарицательных имен» (1975, № 4), А. Д. Зверева «О собственных и нарицательных именах» (1976), И. И. Ковалика «О собственных и нарицательных именах в украинском языке» (1977), был издан сборник «Имя нарицательное и собственное» (1978), появились исследования, посвященные теоретическим вопросам антропонимики, топонимики, космонимики, ктематонимики и других видов онимов.

Целью исследования является выявление типологических и специфических черт антропонимии монгольского языка Внутренней Монголии и бурятского языка России.

Достижение поставленной цели предполагает решение следующих задач:

- систематизировать основные особенности образования антропонимов в исследуемых языках и истории развития их антропонимикона;
- изучить официальные и неофициальные антропонимические модели монгольского языка АРВМ и бурятского языка;
- раскрыть основные черты номинативных стратегий монгольского языка АРВМ и бурятского языка;
- выявить культурно-историческую специфику монгольского языка АРВМ и бурятского антропонимикона;
- провести анализ современного состояния имяназвания у монголов АРВМ и бурят в России на материале детского и юношеского антропонимикона.

Научная новизна исследования состоит в том, что работа представляет собой первый опыт сравнительного исследования антропонимических систем монгольского языка Внутренней Монголии и бурятского языка в аспекте внутренних традиций и влияния внешних языковых и культурных факторов. Общими факторами развития антропонимических систем монголов АРВМ КНР и бурят РФ являются родство языков и их общее происхождение, но дальнейшее их функционирование идет под влиянием государственных языков Китая и России.

Теоретическая значимость обуславливается тем, что выводы и положения, полученные в результате проведенного исследования, послужат для дальнейшего изучения ономастических связей, истории сложения и развития систем антропонимикона монгольских языков, общей лексикологии, лексикографии, словообразования данных языков.

Практическая ценность работы определяется возможностью использования ее положений при разработке курсов, спецкурсов по сравнительной и исторической лексикологии, грамматике, общей и

ономастической лексикографии монгольского, бурятского и других монгольских языков и их диалектов. Результаты также будут полезны при составлении антропонимических словарей конкретных языков и монгольских языков в целом.

Объектом исследования является антропонимическая лексика монголов Внутренней Монголии и бурят России.

Предметом исследования выступают особенности формирования и функционирования антропонимов монгольского языка Внутренней Монголии и бурятского языка, их культурно-историческое содержание, современное состояние имяназвания у монголов в АРВМ и бурят в России.

Материалы исследования. В качестве источников фактического материала по бурятскому и монгольскому языкам послужили сведения, извлеченные из опубликованных научных работ как российских, так и зарубежных монголоведов. Кроме того, были привлечены полевые материалы, собранные нами во время экспедиций 2019–2020 гг. в Автономный район Внутренняя Монголия КНР и г. Улан-Удэ, Иволгинский, Кижингинский, Заиграевский районы Республики Бурятия РФ.

Методы исследования. Для достижения цели и решения поставленных задач в диссертации комплексно использованы следующие методы: описательный, сравнительно-сопоставительный, семантико-функциональный методы, метод компонентного анализа.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Антропонимия в бурятском монголоведении имеет давнюю традицию, в китайском монголоведении (АРВМ КНР). Начало исследований в этой области в АРВМ получило импульс под влиянием исследований в Монголии.
2. Современная монгольская и бурятская антропонимия отошли от общей древнемонгольской основы, сохранив ее отчасти в личных именах.
3. В современных условиях родовое имя, бытовавшее в системе именования в общемонгольском периоде, заменяется фамилиями, которые в

целом обусловлены официальными именными моделями в государствах (КНР и РФ).

4. В официальном именовании человека в бурятском языке, в отличие от монгольского, выражена гендерная маркировка, фиксируются составные антропоформанты, которые в монгольском языке преимущественно употребляется в словообразовании апеллятивной лексики.

5. Монгольские фамилии в АРВМ представлены тремя типами: первый слог имени отца, китаизированная (переводная) фамилия, имя отца в генитиве. Бурятские фамилии развивались поэтапно от имени отца в генитиве до соответствия русской модели с использованием формантов этого языка.

6. Отчества у монголов АРВМ не носят официальный характер и образуются по моделям «первый слог имени отца» и имя отца в генитиве.

7. Образование неофициальных имен у монголов АРВМ и бурят происходит посредством деривации (суффиксация, аббревиация, сложение) и неморфологическими способами: онимизации и трансонимизации. В бурятском языке, в отличие от монгольского, в образовании этого класса имен участвуют деминутивы, в т.ч. с употреблением соответствующих русских частиц.

8. В бурятской антропонимии выражено горизонтальное и вертикальное соименование, а в монгольском только горизонтальное, что обуславливается наличием табу на наречение именами представителей старшего поколения или умерших. У бурят сохраняется лишь табу на наречение «жесткими» именами.

9. В составе имен детей и юношей бурят и монголов АРВМ значительную часть составляют собственно национальные антропонимы, в число которых включаются тибетские и санскритские имена, осознаваемые ими, как собственно бурятские и / или монгольские.

Апробация диссертации. По теме диссертации опубликовано шесть научных статей, из них три статьи в реферируемых журналах из перечня ВАК.

1. Ху Буцинъ. К вопросу о монгольских антропонимах с нумеративным компонентом // Мир науки. Социология, филология, культурология. — Т 11. — №1. 2020. URL статьи: <https://sfk-mn.ru/PDF/31FLSK120.pdf>.

2. Ху Буцинъ. Табуированные обычаи монгольской антропонимии // Глобальный научный потенциал. — 2021. — Вып. № 4 (121). — С. 257–262.

3. Ху Буцинъ. Соименование монгольских антропонимов // Глобальный научный потенциал. — 2021. — Вып. № 5 (122). — С. 191–195.

В научных журналах и материалах научных мероприятий

1. Ху Буцинъ. Аффиксы гендерного различия в монгольских и бурятских антропонимах // Вестник БГУ. Язык. Литература. Культура. — 2020. — № 4. — С. 86–91.

2. Ху Буцинъ. О кличках традиционных пяти видов домашних животных в монгольском языке Внутренней Монголии // Актуальные проблемы монголоведных и алтаистических исследований: материалы III Международной научной конференции. — Элиста, 2019. — С. 180–183.

3. Ху Буцинъ. Хятад хэлэн дэхь Өвөр Монголын монгол газар усны нэрсийн тухай дөхөм өгүүлэх нь // Сетевое востоковедение: взаимодействие монгольских и тюркских этносов во времени и в пространстве: материалы III Международного научного форума. — Элиста, 2019. — С. 154–158.

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка литературы и приложений.

Глава 1. Теоретико-методологические основы изучения антропонимии в монголоведении

1.1. Теоретическая база исследования антропонимии в монгольском языкознании

Общеизвестно, что у каждого человека в мире есть собственное имя, являющееся особым символом, который может представлять, отличать его от других людей. Термин «собственное имя» представляет собой кальку с латинского *Nomen proprium* [Подольская 1978, С. 122]. Его может иметь каждый предмет, явление и понятие. Любое собственное имя, которое может иметь человек, является антропонимом.

Ономастика — раздел языкознания, изучающий собственные имена [ЛЭС, 1990, С. 346–347]. Эта отрасль науки о языке исследует происхождение, структуру, семантику, употребление собственных имен в разных языках и культурах. В начале своего развития ономастика часто рассматривалась как вспомогательная дисциплина, которая использовалась для анализа и понимания других областей знаний. В истории она использовалась для дешифровки древних, утраченных письменностей, анализа исторических документов и реконструкции культурных и социальных аспектов прошлого. Однако с течением времени ономастика начала развиваться как самостоятельная область исследования. С развитием научных методов она стала активно взаимодействовать с другими дисциплинами, такими как антропология, социология и история, что позволило ученым более глубоко и систематически исследовать имена в более широком контексте. Кроме того, формирование теоретических основ, включая теории именования, классификации и функционального анализа собственных имен, дополнило процесс развития ономастики, делая её важной областью научных исследований.

Антропонимы привлекали внимание ученых еще с древних времен, имени отводились различные символические свойства. «Имена собственные обратили на себя внимание уже древнеегипетских, древнегреческих и древнеримских ученых. Как особый класс слов они были выделены стоиками (в частности, Хрисиппом), однако и позднее — в эпоху Возрождения, в новое время (Т. Гоббс, Дж. Локк, Г. Лейбниц); в течение всего XIX столетия (Дж. Ст. Милль, Х. Джозеф и др.) продолжалась дискуссия о них, в ходе которой было высказано немало как однозначных (принимаемых многими учеными), так и совершенно противоположных суждений» [Бондалетов, 1983, С. 11]. Официальное признание ономастики как состоялось после I Международного ономастического конгресса, состоявшегося в 1930 во Франции.

Антропонимы, представляют собой особую систему имен собственных, обладающую своими лингвистическими особенностями. В эту систему входят имена личные, патронимы, фамилии, родовые имена, прозвища, а также имена героев в литературе, мифах и сказках.

В антропонимах часто отражается познание и пожелания номинаторов. Они, как и любые другие слова, подчиняются лингвистическим законам, однако формируют собственный слой, в котором проявляются свои закономерности. Они используются для индивидуального обозначения людей и выполняют функцию индивидуализирующей номинации.

Как отметила А. В. Суперанская, «номинация, или название, — это процесс, постоянно сопутствующий познанию человеком окружающего мира. Чем полнее и точнее познание, тем расчлененнее понятия и тем детальнее названия» [Суперанская, 2007, С. 236]. Таким образом, люди называют всё, что они познают или то, что возникает в их воображении и отображается во внутреннем мире. Впрочем, «человек — первейший объект ономастической номинации и центр ономастического пространства» [Шмелева, 2013, С. 13]. Исходя из этого своего постулата, Т. В. Шмелева выделяет в качестве первого класса онимов, который подвергнется анализу,

«антропонимы, совокупность которых принято называть антропонимией» [Там же].

Одно из определений антропонимики представлено у А. А. Гируцкого: «Антропонимика (от греч. *ánthrōpos* — человек и *ónoma* — имя) изучает собственные имена людей, богов, мифологических персонажей, литературных героев, так называемые антропонимы. Совокупность антропонимов какого-либо языка составляет его антропонимию. Главной номинативной особенностью антропонимов, как и топонимов, является то, что в отличие от обычных слов они обозначают не классы предметов, а единичные реалии, поэтому имен в языке огромное количество. Фактически каждый житель Земли обладает своим личным именем, поэтому только таких антропонимов свыше 5 миллиардов» [Гируцкий, 2003, С. 162-163]. У каждой страны и нации свои традиции и стандарты именования, которые выражаются в зафиксированной формуле образования антропонимов, их номенклатуре, мотивах именования и структуре имени. Таким образом, антропонимия является отдельной частью лексики любого языка, в том числе монгольского и бурятского языков. Она представляет собой комплекс разнообразной информации, в ней содержится богатая и разносторонняя информация об обществе, этносе, их истории, традициях, культуре и мировоззрении, истории развития языка данной конкретной нации и даже об интересах, мечтах людей какого-либо определенного времени.

Имена собственные выполняют важную функцию в языке, обозначая предметы независимо к описываемой ситуации. Они формируются на основе словарного состава языка и имеют особую специфику, отличаясь от нарицательных имен. Одним из основных признаков антропонимов является то, что они не переводятся и могут быть общими для нескольких языков.

Одна из дискуссионных точек касается значения антропонимов. Некоторые ученые считают, что они лишены самостоятельного значения и служат лишь для обозначения человека, другие утверждают, что у них есть денотативное значение, но оно отличается от значений апеллятивов.

Антропонимия монгольских языков также, как и антропонимия других языков, постоянно находится в состоянии перманентного развития и изменения, сохраняя при этом основополагающие конститутивные, базовые элементы. При этом поступательное развитие антропонимики происходит разными способами и путями.

В антропонимии монгольских языков «одним из способов образования простых онимов можно считать процесс трансонимизации — перехода онимов из одного ономастического разряда в другой» [Сундуева, 2005, С. 37]. Среди антропонимов монгольских языков наблюдаются единицы, относящиеся к таким ономастическим разрядам, как топонимы, космонимы, этнонимы (генонимы) и зоонимы. Согласно данным разрядам, мы можем разделить антропонимию монгольского и бурятского языков на топоантропонимы, космоантропонимы, этноантропонимы (геноантропонимы) и зооантропонимы.

Топоантропонимы — это антропонимы, образованные из топонима или с участием топонима. Топонимы функционируют в качестве постоянных географических названий определённой местности, у них наиболее стабильный характер, и они не подвержены изменениям на протяжении исторически длительного времени. Хотя некоторые искусственные, политически ангажированные топонимы изменяются по идеологическим или по каким-либо другим причинам, однако, стабильность естественных топонимов весьма надёжная. Благодаря тому, что топонимы всегда могут напоминать определённую местность, многие именуют своих детей по географическим названиям, чтобы подчеркнуть малую родину ребёнка или принадлежность его к тому месту. Поэтому «личные имена, образованные от топонимов, в большинстве своем указывают на место рождения денотата или его родителей» [Сундуева, 2005, С. 37]. К примеру, бурятское имя *Саяна* ‘*Саяан* — название горной цепи на юге Сибири’, монгольское имя *Шилийнхүү*, где *шилийн* — первый компонент топонима *Шилийнгол*, названия аймака во Внутренней Монголии Китая, где *шил* с монг. ‘гребень

горного хребта’.

Космоантропонимы представляют собой сочетание космонима с собственно антропонимом или апеллятивом и собственно космонимы, например, *Одон* ‘звезда’, бур. *Солбон*, монг. *Цолмон* ‘Венера — звезда утренней зари’. Этот разряд антропонимов можно назвать и теонимо-антропонимами, поскольку в монголоязычном мире многочисленные названия космонимов тесно связаны с теонимами. Космонимы отражают и сохраняют следы былых представлений человечества о мироздании. У многих народов мира небесные явления очень часто связаны с судьбой человечества, и каждое космическое название представляет одно определённое божество, поэтому человек и именует космическими названиями своих детей, чтобы их жизнь сияла, как звезда или находилась под покровительством небесного божества.

«Считается, что праязыком всех индоевропейских языков является санскрит. По всей видимости, отсюда и берет начало традиция называть дни недели названиями планет, а в дальнейшем и нарекать ими людей»¹. Таким образом, в монгольской и бурятской астрологиях до сих пор называют дни недели словами, происходящими из санскрита и тибетского языка. И это на определённом уровне стало основанием для наречения детей. Например, в монгольском и бурятском языках человека, родившегося в воскресенье, часто нарекают именем *Ням* бур., *Нима* монг. ‘воскресенье’ (тиб.), а родившегося в пятницу — именем *Баасан* монг., *Бабасан* бур. ‘пятница’ (тиб.) и т.д.

По наблюдению Е. В. Сундуевой, этнонимы и генонимы, на протяжении долгого времени употреблялись в качестве личных имен и стали утрачивать свое этническое содержание, постепенно превращаясь в собственно антропонимы [Сундуева, 2005, С. 39]. Например, от этнонимов образуются антропонимы *Манж* ‘маньчжур’, *Орос* ‘русский’, *Солонгос* ‘кореец’, *Төвд* ‘тибетец’, *Чантуу* ‘узбек’, *Хасаг* ‘казах’, *Хяргас* ‘киргиз’,

---

1 http://www.aginsk-pravda.ru/news/chto_obedinjaet_burjatskie_imena_s_nazvanijami_dnej_nedeli_i_planet/2015-01-26-3087-987.

Хятад ‘китаец’ и т. д.; от родовых названий образуются антропонимы *Баяд* ‘байт’, *Мянгад* ‘мингат’, *Өөлд* ‘элёт’, *Тангад* ‘тангут’. Подобные антропонимы у монголов АРВМ также наблюдаются, например, *Чахар* ‘чахарец (представитель племени чахар)’, *Хорчин* ‘хорчинец (представитель племени хорчин)’. Также при помощи таких компонентов, как *-хүү* ‘человек’, *-жин*, *-гоо*, *-цэцэг* ‘цветок’ могут образовываться составные имена: *Хорчин-Хүү* ‘человек из хорчинского племени’, *Монголжин* из *монгол* ‘монголы’, *Урадцэцэг* ‘цветок урадского племени’. В исторических преданиях, деловых записях бурят также встречаются такие личные имена, как *Мангад* ‘русский’, *Манжаа* из *манжа* ‘маньчжур’. Однако в настоящее время такие имена уже неактуальны.

Часто в качестве антропонима или зооантропонима были употребительны клички собак или просто разных пород и видов собак. Собака в традиционной культуре монголов и бурят считается по своей функциональной значимости вторым верным другом после коня, которая заключается в защите, охране человека, его имущества. Лексика, связанная с собакой, в монгольском и бурятском языках в основном имеет положительное значение. Интересно, что в составе антропонимикона в монгольском языке наблюдаются такие клички собак, как *Хасар* ‘волкодав’, *Басар* ‘волкодав’. В бурятском языке в прошлом были употребительны имена *Нохой* ‘собака’, *Гүлгэн* ‘щенок’, *Үлэгшэн* ‘сука (самка собаки)’, *Барда* ‘охранник двора (кличка собаки)’, *Хотошо* ‘дворовая собака, дворняжка’ и т.д. С последним именем бытует пословица: *хотошоо алдабал шонын баһамжа* ‘лишиться дворняжки — дать волкам раздолье’ [БРС, 2008, С. 454]. В регионе, именуемом Западной Бурятией (территория современной Иркутской области России), богато представлены имена, связанные с собакой, например: *Иминохой* — *эмэ* ‘самка’ + *нохой* ‘собака’, *Харанохой* — *хара* ‘черный’ + *нохой* ‘собака’, от которых с приходом Советской власти и распространением повсеместной регистрации бурятам было необходимо задокументировать свое имя в формате: *фамилия, имя, отчество*. Таким образом, от

приведенных выше и подобных им имен были образованы фамилии *Иминохоев, Харнохоев, Гулгенов, Улукшонов* и др.

Имена, образованные от слова *нохой* или с его участием, несли охранную функцию, оберегая новорожденного от злых духов, которые могли нанести вред его здоровью или даже убить, т.е. забрать его душу.

Кроме имен, образованных от различных наименований собаки, среди бурят были распространены имена, связанные с волком: *Шоно* ‘волк’, *Бэлтэргэ* ‘волчонок’. От этих имен так же, как и от имен, связанных с собаками, образованы фамилии: *Шоноев, Шеноев* (от *шоно* ‘волк’), *Бильтриков* (от *бэлтэргэ* ‘волчонок’) и т.д. Эти имена также выполняли охранную функцию в отношении своих носителей–детей.

Кроме того, в трудах таких исследователей, как Г. Рамстедт, А. Г. Митрошкина, Г. С. Биткеева, Т. Ж. Жанузаков, М. У. Монраев, Ч. Содном выявлена онимизация фонетических вариантов антропонимов, посредством которого образуются эвфемизмы в монгольском и бурятском языках. Например, монг. *Бух* — *Мух*, монг. *Даш* — *Маш*; бур. *Мүнхэ* — *Шүнхэ*, бур. *Тагар* — *Ташар*. Аналогичное явление уже редко встречаются в АРВМ, тем не менее отмечается их бытование. Об этом в своей статье кратко отмечает и Д. Хөгжилт [2019, С. 48].

С точки зрения происхождения и семантики монгольские личные имена разделяются на следующие группы: 1. имена, образованные от топонимов: монг. *Алтай* ‘название горы Алтая’, монг. *Хулун* ‘название озера Хулун’; бур. *Саяна* ‘от названия горы Саян’, бур. *Баргажан* ‘название долины Баргузин’; 2. имена, образованные от космонимов: монг. *Наран* ‘солнце’, *Саран* ‘луна’; бур. *Наран* ‘солнце’, *Солбон* ‘Венера’; 3. имена, образованные от названий животных: монг. *Арслан* ‘лев’, *Бар* ‘тигр’; бур. *Жараахай* ‘рыбёшка, малёк’, *Барас* ‘тигр’; 4. имена, образованные от названий растений: монг. *Цэцэг* ‘цветок’, *Нарс* ‘сосна’; бур. *Хуһан* ‘береза’, вост. бур. *Зандан* ‘санда́л’; 5. имена, образованные от природных явлений: монг. *Цасан* ‘снег’, монг. *Уул* ‘гора’, бур. *Нуур* ‘озеро’; 6. имена, образованные от названий металлов,

минералов: монг., бур. *Алтан* ‘золото’, монг. *Мөнгө* ‘серебро’, бур. *Булад* ‘сталь’, *Шулуун* ‘камень’, *Болор* ‘хрусталь’; 7. имена, образованные от названий предметов быта, обихода: монг. *Сүх* ‘топор’, монг. *Тогоо* ‘котёл’, бур. *Сүхэ* ‘топор’, *Тогоон* ‘котел’; 8. имена, выражающие пожелания: монг., бур. *Баяр* ‘радость’, монг. *Баясгалан*, бур. *Баясхалан* ‘веселье’, монг., бур. *Жаргал* ‘счастье’, *Алдар* ‘слава’; 9. имена, выражающие значение храбрости: монг., бур. *Баатар* ‘богатырь’, монг. *Зоригт* ‘смелость’, бур. *Зоригто* ‘смелый’; 10. имена-пожелания здоровья (монг. *Насанбат* ‘крепкая жизнь’, *Энх* ‘здоровый’, бур. *Энхэ* ‘здоровый’); 11. имена-пожелания богатства: монг. *Алтансан* ‘золотая сокровищница’, монг. *Баяндалай* ‘море богатства’; бур. *Баяндай* от слова *баян* ‘богатый’, бур. *Түмэн* ‘десять тысяч’; 12. имена-пожелания мудрости, светлой мысли: монг., бур. *Эрдэм* ‘учёный, образованный’, монг. *Билиг* ‘ум, разум’, бур. *Бэлиг*, *Бэлигтэ*, *Бэлигма*, монг., бур. *Тунгалаг* ‘чистый, светлый’, монг. *Цэлмэг*, бур. *Сэлмэг* ‘ясный, чистый’); 13. охранные имена, оберегающие от несчастий: монг. *Муунохой* ‘плохая собака’, монг. *Нэргүй* ‘без имени’, монг. *Хэнчбиш* ‘никто’, *Тэрбиш* ‘не тот’, бур. *Муухай* ‘некрасивый’, бур. *Үмхэй* ‘тухлый, вонючий’. Кроме того, монголы и буряты нарекают детей именами, выражающими очередность их рождения как монг. *Анхбаяр* ‘первая радость’, бур. *Анхай* ‘из анха — первый’, монг. *Отгонгэрэл* ‘последний свет (младший ребенок в семье)’, бур. *Дундай* ‘находящийся по середине; средненький (из детей)’.

Контактирующие языки также оказывали влияние на антропонимикон монгольского и бурятского языков. Монгольский и бурятский языки за долгую историю своего развития испытывали множество языковых влияний, и их антропонимы также подвергались большому влиянию соседствующих языков в этом процессе. Поэтому в структуре антропонимов монгольского и бурятского языков также произошли определенные изменения. В составных антропонимах монгольского языка бытуют имена, включающие слова из разных языков. Одними из самых популярных, по нашим материалам, являются следующие составные имена:

1. монг. + монг. (*Алтанцэцэг* ‘золотой цветок’);
2. монг.+ санскр. (*Алтан-Очир* ‘золотой перун’);
3. монг.+ тиб. (*Батноров* ‘крепкая драгоценность’);
4. монг. + кит. (*Алтанхуа* ‘золотой цветок’);
5. санск. + монг. (*Эрдэнэцэцэг* ‘драгоценный цветок’);
6. тиб.+ монг. (*Лувсанхүү* ‘умный, учёный мальчик’);
7. санскр. + тиб. (*Эрдэнэсүрэн* ‘драгоценный амулет’);
8. тиб.+ санскр. (*Дамдинбазар* ‘дамдин — имеющий шею лошади; базар — алмаз’).

Исконно бурятские имена представлены преимущественно простыми именами: *Алдар* ‘слава’, *Сэсэг* ‘цветок’, *Баяр* / *Баир* ‘радость’, *Жаргал* ‘счастье’. Однако под влиянием тибетского буддизма восточные буряты заимствовали и многочисленные тибетские и санскритские имена: *Доржо* ‘алмаз’, *Бабасан* ‘Венера (планета)’, *Цэрэн* ‘долгая жизнь’, *Агбаан* / *Агван* ‘владыка слова’.

Составные бурятские антропонимы так же, как и монгольские (АРВМ и Монголия), образованы сочетанием собственно бурятских имен, имен из разных контактирующих, кроме китайского, языков: 1. бур. + бур.: *Бата–Далай* ‘крепкое море’; 2. бур. + тиб.: *Бата–Доржо* ‘твердый алмаз’; 3. монг. + санскр.: *Элбэг–Очир* (монгольский вариант имени *Нацагдоржи*), употребляющийся наравне с ним’ санскр. + санскр. *Аюр–Жана* / *Аюрзана* ‘жизненная мудрость’; 4. санскр. + тиб. *Буда–Цэрэн* ‘долгая жизнь Будды’; 5. тиб. + тиб. *Агван–Доржо* ‘алмазный владыка слова’, 6. монг. + монг. *Оюунбилиг* ‘талантливый, одаренный; мудрый’.

В грамматическом плане монгольские антропонимы в основном состоят из существительных, прилагательных, числительных, местоимений и глаголов [http://data.stf.gov.mn/Publication/Thesis/ThesisViewPublic.aspx?id=127396], по которым антропонимы и определяются как *субстантивные*, *адъективные*, *нумеративные*, *местоименные* и *вербальные*. В отличие от монгольских антропонимов, в состав бурятских почти не входят вербальные

(глагольные) антропонимы. С другой стороны, и монгольская и бурятская антропонимическая лексика сходятся в том, что существительные в именах всегда занимают доминантную позицию. Так как «предметность как основное свойство категории собственных имен требует от слов, относящихся к ней, субстантивности. Поэтому при широких возможностях различных частей речи быть собственным именем лучшие «кандидаты» в имена собственные — существительные» [Суперанская, 2007, С. 109].

В монгольской и бурятской антропонимии заключена не только вековая история и традиция наименования, но и процесс развития этих народов в общемонгольский период и в период самостоятельности, во времена разделения государственными границами. Другими словами, монгольские и бурятские антропонимы появились по требованию общества того времени, в котором по мере его развития постепенно совершенствовались антропонимические категории для обеспечения коммуникационных потребностей людей. «Замечено, что любая лексика активно реагирует на все явления, происходящие в окружающей человека среде, и в этом смысле имена собственные играют своеобразную роль регистраторов определенных событий» [Шулунова, 1995, С. 5].

На самом деле, антропонимы любой нации выполняют функцию внутренней интеграции и внешней индивидуализации. Будь то фамилия или имя, его основная функция состоит в том, чтобы индивидуализировать человека или группу. На разных стадиях социального развития, в разном окружении и разных коммуникационных условиях, объекты и уровни индивидуализации имён также будут разными.

В первобытном обществе объектом индивидуализации в основном является целая группа людей, которая определяется названием монг. *овог*, бур. *обог* ‘род, племя, клан’ [БАМРС, III, С. 453; БРС, 2006, С. 9]. Как пишет Б. Я. Владимирцов: «Основным элементом древнего монгольского общества (XI–XIII вв.) был род (*obog* ~ *obox*), т. е. “своеобразный союз кровных родственников”» [Владимирцов, 1934, С. 46]. Род проявляется родовым

именем, например, такими, как: *Боржигин*, *Хэрийд* и т. п. Если род изначально существовал в матрилинейном обществе, то родовое имя обозначает кровное родство, к которому принадлежит каждый индивидуум, а когда в патрилинейном обществе появляется разрыв между богатыми и бедными, существование рода не только гарантирует это кровное родство, но и гарантирует общее развитие и воспроизводство этого сообщества. Так что каждый род может отличать себя от других родов по родовым именам, а также некоторым особенностям внешности. В то же время, поскольку род состоит из многих индивидов, данная организация также должна различать каждого индивида внутри. Следовательно, можно сказать, что древние монголы использовали общие родовые имена для общения между различными племенами, а личные имена обычно использовались для общения внутри рода. Примером может служить отрывок из «Сокровенного сказания монголов»: «когда Добун-Мерган по дороге ездил, ему встречается какой-то бедняк. На вопрос Добун-Мергана, кто он такой, тот отвечал :«Я — Маалих, Баяудаец (Баяудаец — от названия племени Баяуд)» [Козин, 1941, С. 80].

Эта история отражает положение древних монголов, использующих родовые имена. Видно, что роль и функция родового имени незаменимы с самого начала. Но по мере того, как из множества родовых племен (племя состоит из разных родов) поднималось одно сильное племя, а затем оно завоевывало всю степь или жизненное пространство всего племени, т.е. подчиняло себе все другие роды и создавало единую империю, роль имени постепенно становилась все более заметной. Потому что в этой единой национальной концепции род уже не был важнейшей социальной системой в обществе того времени, и его заменила десятичная система социального управления. Семья является основной единицей социальной группы, и на этой основе создается система по десяти дворам, ста дворам, тысяче дворов и десяти тысячам дворов. При таком общественном строе каждый род не держал в одиночку свои пастбища и скот, а постепенно, объединяясь и

смешиваясь друг с другом, образовывал единый монгольский этнос.

В течение всего процесса многие родовые имена перестали использоваться людьми, а другие родовые имена все еще существуют, но их внутренние компоненты претерпели множество изменений, либо расширились, либо сократились, либо ассимилировали других, либо ассимилировались с другими. В то же время многие иноземные народы интегрировались в эту большую группу, присоединялись к роду или образовывали новый род. Таким образом, хотя родовые имена все еще играют определенную роль, ясно, что личные имена играют более важную роль в повседневном общении. Это связано и с тем, что монголы с древних времен не использовали внутри родовых племен собственные родовые имена. Однако мы считаем, что статус личных имен не стал стабильным сразу. Для того, чтобы собственное имя обладало особым статусом для человека, оно должно было принадлежать человеку, занимавшему высокое положение в обществе того времени. Во многих случаях за именем этого человека следует титул или статус, которым он владеет, например, в «Сокровенном сказании монголов» встречаются такие имена, как: *Есугай-Баатур, Добун-Мерган, Дэй-Сечен, Наху-Баян, Чаур-беки, Хучжаур-учжин*.

Люди без социального статуса, такие как рабы, не имеют титулов. Они могут использовать только свои родовые имена во внешнем мире, а в общении между собой используют только свои имена, которые часто представляли собой прозвища, основанные на особенностях их внешности, характера и т.д. Лишь изредка пожилые рабы получают честь добавлять к своему имени что-то вроде *Эмген*. По словам А. Г. Митрошкиной, «имена людей не имели социальной дифференциации, поскольку одни и те же имена или однотипные имена давались новорожденным знатных семей и их прислуг. Но взрослые люди носили имена в соответствии с занимаемым положением в обществе...» [Митрошкина, 2007, С. 74].

А. Г. Митрошкина ещё отмечает, что значительную часть именований монголов XIII–XIV вв. составляют сложные образования. «Их можно

разделить на две группы. Одну группу составляют имена, данные при рождении, другую – прозвищные или титулованные имена. К первой группе относим имена, в которых ни один из входящих в них компонентов не представляет название титулов, занятие, профессию именуемого. Наличие же указанных терминов является показателем прозвищности имени, что относит их ко второй группе сложных имен» [Митрошкина, 2007, С. 68]. Например, к первой группе сложных образований относятся следующие имена: *Бухату-Салчжи* [Козин, 1941, С. 81], *Чилаун-Хайч* [Козин, 1941, С. 114], *Дутум-Мэнэн* [Рашид-Ад-Дин, т. 1, С. 18].

Вторая группа сложных имен отражает социальную организацию монгольского общества XIII–XIV вв. Эти социально обусловленные сложные имена включали в своем составе либо название рода, либо тот или иной титул [Там же]. Например: *Аучу-Баатур* [Козин, 1941, С. 116], *Чарха-ебуген* [Козин, 1941, С. 88], *Увас-Меркитский Даир-Усун* [Козин, 1941, С. 103].

По нашему мнению, имена с родовыми именами являются инородными именами для монгольских племен, поэтому перед их личными именами специально добавляли родовые имена.

Подводя итог, скажем, что составные имена древних монголов можно условно разделить на три типа: 1. простое имя + титул (*Чаур-беки* [Козин, 1941, С. 129]); 2. составное имя + титул / прозвище (*Чаурхан-Субеетай-баатур* [Там же, 1941, С. 107]); 3. составное имя (*Таргутай-Кирилтух* [Козин, 1941, С. 92], *Сорган-Шира* [Там же, С. 92]). Иными словами, сочетание имени человека и названия титула представляет собой комбинацию имени собственного и нарицательного имени. Если одно имя собственное может идентифицировать людей в небольшом диапазоне, то комбинация имен собственных и нарицательных может идентифицировать людей в более широком диапазоне. В принципе, нарицательное имя (титульное название) может использоваться с любым собственным именем, поэтому такая комбинация также позволяет в определенной степени избежать усложнения имени собственного.

По сравнению с древними монгольскими антропонимами, современные монгольские и бурятские антропонимы не только наследуют некоторые характеристики и формулы использования древних монгольских антропонимов, но также имеют характеристики, которые явно отличаются от них.

В настоящее время, в ситуации обращения обычно прибавляют термины родства и/или должности после личного имени, чтобы идентифицировать индивида. Например, монг. *Баатар ах* '(старший) брат Баатар', бур. *Баатар ахай* '(старший) брат Баатар', где *ах* и *ахай* букв. 'старший брат' является уважительным обращением не только к старшему (родному) брату, но и к старшему по возрасту или статусу человеку. Это в определённой степени похоже на древнюю формулу имен, в которой личное имя дополнялось термином, обозначающим титул или родство. Помимо этого, среди монголов до сих пор сохраняются личные и родовые имена, пользовавшиеся популярностью в древности: монг. *Цагаадай* от *цагаан* 'белый', *Төмөр* 'железо', *Алтан* 'золото', *Агтачин*, *Шарнууд*, а среди бурят кроме личных имен, ещё употребляются фамилии, образованные на основе исконных имён: *Тумур* 'железо' → *Тумуров*, *Баян* 'богатый' → *Баянов* / *Баинов*, *Бато* 'крепкий' → *Батоев*, *Хуса* 'баран' → *Хусаев*, *Заяа* 'судьба' → *Заяев*, *Батожабай* (от *Батожаб* 'прочно защищённый') бур. *Будаин* (от *Буда* 'Будда'), бур. *Жамсано* (от *Жамса* 'море') и т.д.

Что касается изменений, то по мере развития разных национальностей и взаимодействия разных этносов, по сравнению с древними монгольскими антропонимами, на которые в основном влияет тюркский язык, современные антропонимы монгольского и бурятского языков подвержены не только влиянию окружающих языков, с которыми они участвуют в культурном обмене, но и принимают влияние языков, популярных сегодня в мире.

Общеизвестно, что в древности каждый монгол (бурят) относился к определённому племени, и они различают родовыми именами невест и женихов, чтобы избежать кровосмешения в браке. Так, родовое имя играло очень важную роль. Однако в настоящее время родовое имя монголов и бурят

почти потеряло эту функцию, тем более, много монголов АРВМ не помнят своего родового имени. Иными словами, родовое имя в древности имело идентификационную функцию для групп людей, общностей, однако теперь оно просто указывает на происхождение человека.

Наряду с этим, родовое имя монголов АРВМ имеет тенденцию к превращению в фамилию, чья функция в основном направлена на идентификацию индивида в обществе. Примерами служат фамилии, происходящие от родовых имен. К примеру, *Хэ. Тайван* (*Хэ* от родового имени *Хэрийд*), *Бао. Ариун* (*Бао* от родового имени *Боржигин*), *Бай. Сарана* (*Бай* от родового имени *Баягууд*). А у бурят под влиянием антропонимической системы русского языка образовались фамилии, которые по происхождению не связаны с родовым именем.

С другой стороны, у личных имен монголов АРВМ и бурят ослабляется связь с нарицательным понятием, апеллятивной лексикой, обиходными понятиями и названиями. В принципе, во всех монгольских и бурятских именах и традициях их именования все они ориентируются на лексическое значение имен. И поскольку большинство имен происходит от нарицательных имен, считается, что личное имя сохраняет то же лексическое значение, что и нарицательное имя. Наверное, также в связи с этим монгольские и бурятские имена обычно употребляются в сочетании со словами с символическим и / или отталкивающим значениями. Однако во многих западных странах, в том числе и в России, высокоиндустриализированный, коммерциализированный и информативный социальный образ жизни заставляет, как правило, фокусироваться на различении лиц и облегчении общения, играя роль «квази-числа»; первоначальное значение имен стало неясным, как в оригинале значения имен *Давид* (первоначально 'любимый, любимец'), *Иоанн* (первоначально 'Господь сжалился') обычно не интересуют людей, и они даже не знают о них. Под таким влиянием сейчас у бурят также стали популярны многочисленные личные имена, заимствованные из еврейского, греческого,

арабского языков. А для монголов АРВМ появление фамилии как единиц антропонимической категории также в определённой степени демонстрирует этот процесс.

По мнению А. А. Гируцкого, «антропонимы несут в себе информацию о национальности, местности происхождения того или иного человека, о его принадлежности к тому или иному роду. Они также могут заключать сведения о роде занятий обозначенного именем лица, о его принадлежности к сословиям, кастам, тайным обществам, о переходе в другую веру и т.д. Антропонимы являются одним из источников изучения этнической истории народа» [Гируцкий, 2003, С. 166].

Другими словами, если в древности у монголов и бурят не существовало четкого разграничения между официальными и неофициальными антропонимами, то в современном мире эта разница постепенно проявляется. В связи с тем, что наше понимание об антропонимической системе монголов АРВМ и бурят основывается на изучении их официальных и неофициальных личных имен, у нас неизбежно возникает вопрос, по каким принципам определить официальные и неофициальные антропонимы в вышеупомянутых языках. Поскольку АРВМ и Республика Бурятия являются субъектами Китая и России, соответственно, их антропонимические системы фактически реализованы в соответствии с общей системой антропонимов двух вышеупомянутых стран. В Китае официально регистрируются фамилия и имя, а в России фамилия, имя и отчество. Поэтому официальные антропонимы Внутренней Монголии в настоящее время — это только фамилия и имя, Бурятии — фамилия, имя и отчество.

Ниже рассматриваются антропонимические категории монгольского языка АРВМ и системные связи единиц отдельно взятых категорий в сравнении с бурятской системой.

В современной системе официальных имен у монголов АРВМ имеются следующие категории: личное имя и фамилия.

Личное имя — «вид индивидуального антропонима. В русской традиции: 1. Основное, официальное имя, данное человеку при рождении, или (редко) выбранное имя себе взрослым человеком. 2. Неофициальная форма этого имени» [Подольская, 1978, С. 69]. Таким образом, личное имя в монгольском и бурятском языках также используется в качестве неофициальной формы имени. Оно и служит основным источником образования прочих официальных имен. В АРВМ монголы чаще всего используют данную категорию. Например, мужское имя монг. *Чулуу* ‘камень’, бур. *Алдар* ‘слава’, женское имя монг. *Ариун* ‘чистый, святой’, бур. *Туяна* ‘луч, свет’, также образуются различные варианты от исходных имен, например, монг. *Наанаа* — от *Нарантуяа* (луч солнца), бур. *Нараашка* — от *Нарана* ‘солнце’.

Фамилия является второй категорией официальных имён монголов АРВМ. Здесь фамилия представляет собой особую антропонимическую категорию, сложившуюся в монгольском языке как официальная форма именования кровнородственных групп людей. Её появление тесно связано с двухкомпонентной системой наименования Китая. Фамилии монголов АРВМ в основном состоят из таких составляющих, как родовое имя и китаизированное имя. В настоящее время родовое имя монголов в качестве официального антропонима используется в виде полной, либо сокращённой форме. При этом полномерная фамилия обычно составляет длинное слово, а сокращённая составляет короткое слово, а чаще всего один фонетический слог. Примерами полномерной фамилии могут служить следующие: *Хангин* 杭锦, примерами сокращённой фамилии являются Бао 包/鲍 от *Боржигин*, Ян 羊 от *Хоньчин* ‘овцевод’. Из приведенных выше примеров видно, что сокращённая фамилия происходит из транслитерированных и переводных фамилий. Как было сказано выше, существует китаизированная фамилия. Такая фамилия не имеет непосредственной связи с родовым именем, а образуется в основном из первого слова личного имени индивида или

комонима. Например, фамилия *Ma* 麻 образовалась от личного имени *Maishbat*, фамилия *Si* 希 образовалась от личного имени *Sharгал* [Гончиг 1983, С. 64]. Кроме того, фиксируются случаи, когда у монголов одно родовое имя является базой для производства разных фамилий. Это связано с проживанием носителей этих фамилий в разных населенных пунктах, так, первый компонент из названия поселения стал фамилией, проживающего там человека [Гончиг, 1983, С. 63].

Неофициальные имена как наиболее популярный коммуникативный антропоним образуют более разнообразные категории, по сравнению с официальными именами. В современной системе неофициальных имен у монголов АРВМ можно выделить следующие категории: прозвище, псевдоним, никнейм, личное имя, отчество, родовое прозвище и почтительное имя.

Прозвище — «вид антропонима. Дополнительное имя, данное человеку окружающими людьми в соответствии с его характерной чертой, сопутствующим его жизни обстоятельством или по какой-либо аналогии, по происхождению и др. мотивам» [Подольская 1978, С. 111]. «Хүний зан чанар, араншин, царай зүс, биеийн хэлбэр, дадал зуршилаас үүдэн нэрэлсэн, бусдаас нь онцгойлсон, ялгасан нэр юм» [Энхбат 2004, С. 30] (Имя, которое выделяет его из массы других людей, по особенностям характера, натуры, строения тела, привычек). Нами записаны в АРВМ и в Бурятии такие имена, как, например, монг. *Хамар Сэчэн* ‘нос Сэцэн’, бур. *Галзуу Галдан* ‘бешеный

Галдан'. У первого денотата крупный, несвойственный монголам, нос, а у второго взрывной, вспыльчивый характер.

Прозвище образуется от личного имени индивида плюс описательного имени, отражающего его самые яркие, приметные особенности. По нашим наблюдениям, монгольские и бурятские нейтральные прозвища в принципе разделяются на некоторые группы: прозвища, отражающие место рождения или проживания человека: монг. *Чулуутын Бат* 'Бат из (селения) Чулуута', бур. *Баргажан Бата* 'Бата, который раньше жил в Баргузинском районе Республики Бурятия', бур. *Хёлго Даша* 'Даша из Хилокского района'; прозвища, отражающие положение человека в обществе или его общественную оценку: монг. *Баяр Дарга* 'чиновник Баяр', *Нунханы Гэрлээ* 'Гэрлээ из сельскохозяйственного банка' (Нунхан = 农行 *pong hang* 'сельскохозяйственный банк'), бур. *Дондог Багша* 'учитель Дондог', *Дархан Гарма* 'Кузнец Гарма'. Ещё в бурятском языке существуют прозвища, образованные путём усечения и аббревиации, например, *Найман* 'от фамилии *Найманов*', *Жаба* 'от первых слогов фамилии и имени прозываемого *Жаргалов Бато*'.

Несмотря на то, что в личных именах монголов Внутренней Монголии также наблюдаются усечение и аббревиация (*Эбаа* — от *Эрдэнэбаяр*, *Шинээ* — от *Шинэ-Од*), такие имена не считаются прозвищами. Причины этого кроются в том, что монгольскими личными именами, образованными путём усечения и аббревиации могут непосредственно обращаться к именуемым людям, прямо, непосредственно, ведь «прозвища чаще употребляются в беседе о третьих лицах и редко выступают в качестве обращений» [Суперанская, 2003, С. 495].

Прозвище насмешливое — «прозвище, в котором явно или скрыто содержится насмешка, издевка над человеком, которому оно дано» [Подольская, 1978, С. 116]. Например, прозвища, содержащие издевку: *Өвгөн* 'старик' (денотат выглядит старше своего реального возраста); *Дэлдэн*

‘любитель лезть в чужое дело’. **Прозвище уничижительное** — «прозвище, в котором содержится желание называющего унижить, словесно уничтожить, выразить презрение к называемому человеку» [Подольская, 1978, С. 116], например: *Хуудуу Бат* ‘глупый, бестолковый Бат’, *Эргүү* букв. ‘бестолковый, придурковатый’.

Родовое прозвище — «это дополнительное именование, данное другими группами людей в соответствии с теми или иными обстоятельствами, связанными с жизнью данного рода или подрода» [Митрошкина, 2007, С. 33]. Например, в хошуне Архорчин АРВМ называют род *Мангуд* как *Мангас* ‘мангус’ (многоголовое человекоподобное чудовище, вредящее людям) [Сэржигоцоо, 1992, С. 129]; бур. *Ноёд* — ‘(род) князцы’. Между тем, А.В. Суперанской выделены ещё и прозвища семей (родов), характеризующие семейную ячейку как некоторую целостность. Данные прозвища могут быть представлены существительными в единственном числе, но чаще это существительное во множественном числе, базирующиеся на именах, фамилиях и прозвищах их глав [Суперанская 2004, С. 402].

Псевдоним — «вымышленное имя, существующее в общественной жизни человека наряду с настоящим именем или вместо него» [Подольская, 1978, С. 118]. «Псевдонимы — это особый разряд собственных имен, отношение которых к истинным именам в известной степени такое же как отношение собственных имен к нарицательным: если объект имеет собственное имя, он обязательно имеет и нарицательное. Если он имеет псевдоним, у него есть обязательно настоящее собственное» [Суперанская, 1969, С. 38]. Псевдонимы в настоящее время обычно используются в монгольской литературе. При публикации своих произведений немало творческих личностей используют псевдонимы. В Автономном районе Внутренняя Монголия КНР обладатели китаизированных имен предпочитают выбирать себе монгольские имена в качестве псевдонима. Например, монг. псев. *Дорнотэнгэр* — *Man quan* 满全 ‘целиком и полностью’, *Хайрхан* —

丁玉龙 Ding yu long ‘丁 фамилия, 玉龙 яшмовый дракон’; бур. псв. *Басаа Валера* — *Дабаев Валерий*.

Никнейм — ник; англ. *nickname* [nikneim] — первоначально «кличка, прозвище», от древнеанглийского *an eke name* — «другое имя», перешедшее в одинаково звучащее «*a nick name*»), также сетевое имя — псевдоним, используемый пользователем в интернете, обычно в местах общения (в блогах, форумах, чатах). «В интернете каждый человек, будь то студент или профессор, скрывается за никнеймом. Никнейм в переводе с английского — прозвище, уменьшительное имя. Но все-таки никнейм — это не кличка, главное отличие заключается в том, что прозвище дается человеку другими людьми, а ник человек выбирает себе сам. Прозвище дается человеку для того, чтобы обозначить какие-то особенные качества, выделить его среди других. Ник выбирается, наоборот, для того, чтобы скрыться за ним или показать, каким человек хочет себя видеть и каким хочет казаться другим» [<https://yaznaniye.ru/a/mmuh20Ft>]. Никнейм характеризует представившегося и является многофункциональным средством добавления выразительности в высказывания². Практически каждый пользователь интернета использует никнейм вместо своего официального имени. Например, монг. *Шилийн Чуурай* ‘эхэ горного хребта’, где во втором компоненте «Чуурай» мы видим фонетические особенности монгольского языка APBM, за литературную основу которого принят чахарский диалект южномонгольской группы восточномонгольских наречий; ср. х.-монг. *цуурай* ‘эхэ, отзвук, отголосок, резонанс’.

Отчество — «именование произведенное от имени отца» [Подольская, 1978, С. 107]. Во Внутренней Монголии отчество используется в двух формах: полном и сокращённом. Полное отчество используется в форме родительного падежа. Например: *Эрдэнийн Бат* ‘Бат сын Эрдэни’. Такой вид отчества обычно встречается в средствах массовой информации (СМИ) в

---

2 Википедия, Ник, <https://ru.wikipedia.org/wiki/Ник>.

АРВМ. Сокращённое отчество более популярно, и оно употребляется перед личным именем в виде первого слога имени отца денотата. Например, *Ба. Чулуу*. В бурятской антропимии также имеется именование по отцу. Они образуются от личного имени индивида плюс имя родственника в форме родительного падежа. Например, *Басайн Баярхоо* ‘Баирка Басая (Баярхо сын Басая)’.

Имя-величание — это эвфемическое имя, данное младшим поколением или близким людям в отношении почитаемого, уважаемого человека. В некоторых этнических группах АРВМ популярны имена-величания, которые используются в общении между родственниками. Например, узэмчины старшего дядю (со стороны матери) *Аваг* могут называть *Мама*, младшего дядю (со стороны матери) — *Жажса*. Кроме того, близкие знакомые, соседи также могут называть почтенного человека по данному имени. Также *узэмчины*³ называют уважаемых людей, особенно старших по возрасту следующими именами: *Авай, Уужсаа, Амаа, Агаа, Ангаа, А-и, Ажсаа, Авжээ, Авгай, Аниа, Анжсаа, Буужсаа, Баба, Жажса, Мани, Гага* [Хөгжилт, 2019, №2, С. 46-47].

Особенности образования неофициальных имен в монгольском языке АРВМ и в бурятском языке представлены в разработанной нами схеме (См. схему 1.2.).

---

3 <https://ru.m.wikipedia.org/wiki/Узэмчины>.

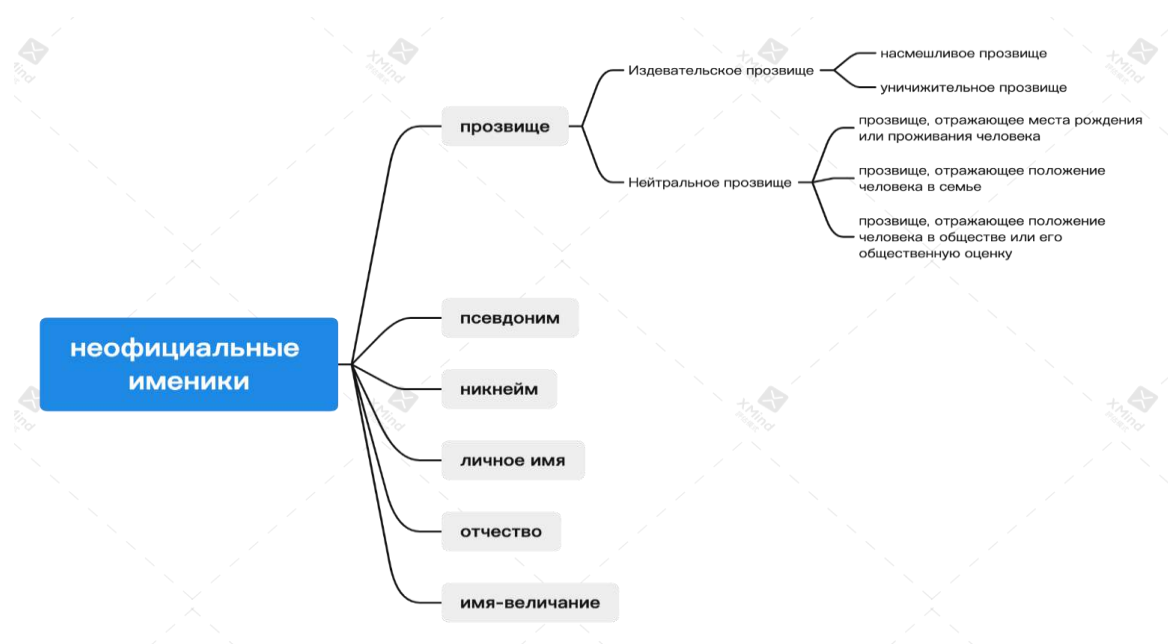

Схема 1.2. Неофициальные именники.

1.2. История изучения антропонимии монгольских народов на территории России, Монголии и КНР)

Ономастические исследования в монгольском и бурятском языках развивались под влиянием трудов таких русских учёных, как А.А. Реформатский, Е. Курылович, Ю. А. Карпенко, Л. П. Калакуцкая, А. В. Суперанская, М. В. Горбаневский и др., и на этой основе постепенно строились корпуса ономастических исследований в обоих языках, в том числе и исследований антропонимики.

Исследования по бурятской антропонимии начались в 50-х годах XX в. благодаря тому, что в СССР проявился активный интерес к ономастике. Первые попытки изучения имен собственных в бурятском языке представлены в работах Б. Р. Буянтуева (1951), В. Ф. Балабанова (1966) и В. О. Куликова (1957), которые большей частью носят описательный характер.

Статья И. Д. Бураева, Л. Д. Шагдарова «О бурятских личных именах» (1969) является одной из первых работ по бурятским антропонимам, где «представлен предварительный обзор всего корпуса бурятского именника.

Авторы, касаясь такого теоретического вопроса, как значение антропонима, полагают, что в основе лексического значения личного имени лежит не абстрактное понятие, а конкретное представление, возникающее в результате непосредственного общения с носителем данного имени или на основе суждений о нем» [Жапова, 2005, С. 7].

Свидетельством все расширяющегося интереса к изучению системы собственных имен в Бурятии можно считать выход в свет в 1976 г. сборника «Ономастика Бурятии», изданного Институтом общественных наук Бурятского филиала СО АН СССР. В сборнике анализируются общетеоретические и частные вопросы антропонимии (статьи Н. Б. Алдаровой, К. Д. Басаевой, В. И. Копыловой, А. Г. Митрошкиной, В. И. Рассадина, Л. Д. Шагдарова, Т. М. Михайлова, М. Д. Симонова), имена собственные бурят и других народов Сибири, а также вопросы общей ономастики (М. Н. Мельхеев, Ц. Б. Цыдендамбаев) и истории изучения имен собственных в Бурятии (Н. Б. Дугаров). Естественно, что работа основана на опыте предыдущих публикаций. Однако как продолжение уже начатого исследования, сборник отличается более широким кругом анализируемых вопросов и достаточно глубоким анализом материала, часть которого привлекается впервые.

Бурятские топонимы и антропонимы в этимологическом плане рассмотрены Ц. Б. Цыдендамбаевым в статье «Изучение ономастики Бурятии и исторически связанных с ней регионов — одна из актуальных задач современного бурятоведения» [Цыдендамбаев, 1976, С. 3–23]. Примечательно, что статья Ц. Б. Цыдендамбаева является установочной работой, опубликованная в этом первом специализированном сборнике научных статей, определяет основные цели и задачи бурятской ономастики.

Основные черты типологической общности в именах эвенков, бурят, халха-монголов и тюрков Саяно-Алтайского нагорья выявлены В. И. Рассадиным в работе «Антропонимы у тофаларов» [Рассадин, 1976, С. 111–141]. Л. Д. Шагдаровым бурятские антропонимы, заимствованные из

восточных языков (тибетского, санскритского), которые пишутся разнообразными вариантами, подвергнуты анализу в работе «К принципам унификации слов и названий из восточных языков при передаче их на русском языке» (1976). В «Библиографии литературы по бурятскому языкознанию» [Библиография, 1964] Н. Б. Дугаров в специальном разделе представил список работ по бурятской ономастике по состоянию на 1964 г. В эти же годы выходят языковедческие серии, посвященные ономастике Бурятии, в трудах института общественных наук СО БФ [1976, 1979, 1981].

О достаточно систематической работе ученых-монголоведов над проблемами ономастики свидетельствуют три сборника по бурятской ономастике, изданные в 1980-е гг. Накопленный богатый материал, имеющий не только несомненную практическую значимость, но и теоретическую ценность, позволил начать публикации первых монографий – А. Г. Митрошкиной («Бурятская антропонимия», 1987), Л. В. Шулуновой («Прозвища в разговорном бурятском языке», 1981).

В эти годы по бурятской ономастике были изданы сборники: «Бурятские антропонимы и топонимы» [1981] и «Исследования по ономастике Бурятии» [1987].

Сборник «Бурятские антропонимы и топонимы» представляет собой результат сотрудничества лингвистов Бурятского института общественных наук БФ СО АН РФ и Иркутского государственного университета, где рассматриваются вопросы становления системы антропонимии и топонимии у бурят, особенности функционирования онимических единиц, взаимовлияние бурятской и русской систем онимии. Наряду с маститыми уже учеными (Ц. Б. Цыдендамбаев, А. Г. Митрошкина, Л. В. Шулунова, Э. М. Апханова, Д. Д. Доржиев, Н. Б. Дугаров и др.), со своими первыми публикациями вошли в сборник Э. М. Апханова, А. Т. Олохтонова, А. А. Хамаева, В. Б. Ширибазарова. По нашему мнению, издание этого сборника – определенный этап не только в развитии ономастических исследований в

Бурятии, но и является существенным этапом в развитии бурятского языкознания.

Третий ономастический сборник «Исследования по ономастике Бурятии» (отв. ред. И. Д. Бураев), изданный в 1987 г., описывает более широкий диапазон единиц ономастикона. В сборнике представлены исследования по топонимии, антропонимии и этнонимии бурят Предбайкалья и Забайкалья, а также сопредельных регионов. Заметной особенностью работ, вошедших в названный сборник, является то, что авторам удалось перейти от простых наблюдений и описания ономастических фактов к выводам и обобщениям, имеющим ценность для общей теории собственных имен.

Работы сборника характеризуются тем, что большое внимание уделялось теории собственных имен, например, А. Г. Митрошкина освещала вопросы методологии ономастическим исследований, Л. Б. Бадмаева, В. И. Рассадин рассматривали вопросы этимологии онимических названий, Д. Д. Нимаев затронул вопросы связей топонимических и этнонимических названий.

Между тем, с 80-х г. XX века появился целый ряд филологических исследований по бурятской ономастике, в том числе три фундаментальные работы: «Бурятская антропонимия» [1987], «Личные имена бурят» [1995] А. Г. Митрошкиной и «Ономастика Прибайкалья» [1995] Л. В. Шулуновой.

В монографии «Бурятская антропонимия» впервые была разработана методика сбора антропонимического материала на местах для исследования именника бурят, путем составления антропонимических родословных таблиц. И как отмечает А. Г. Митрошкина, «Введено антропонимическое понятие бурятского рода и дано ему рабочее определение» [Митрошкина, 1987, С. 8].

Основное содержание работы «Личные имена бурят» посвящено раскрытию системы антропонимов, функционирующей в устной традиции на протяжении с XVII в. по настоящее время. Система, выявленная автором

в процессе работы, описана с разных сторон: значение антропонима, типология освоения иноязычных элементов в бурятской языковой среде.

«Ономастика Прибайкалья» представляет собой первый опыт лингвистического описания бурятской онимической системы в целом. На основе типологического анализа разрядов бурятских имен собственных определена специфика бурятской ономастики, выявлены закономерности ономастической системы бурят. Руководствуясь основными принципами ономастики и теоретическими положениями языковедческой науки в области лексикологии и грамматики, автор выделяет четыре основных семантических разряда бурятских имен собственных: антропонимы, топонимы, зоонимы, космонимы. Здесь приводятся также несколько типов классификации бурятских имен собственных, основанных на различных принципах классификации: лингвистической, исторической, социальной и психологической.

90-е годы XX в. и начало нынешнего столетия ознаменовались всплеском интереса к бурятской ономастике, в том числе и среди молодых исследователей, выходом трудов известных ученых, имеющих немалый опыт исследований в этой области, и появлением новых имен в ономастической науке. Так, в 1995 году были изданы две фундаментальные работы: одна из них – в г. Улан-Удэ (Л. В. Шулунова «Ономастика Прибайкалья»), вторая – в г. Иркутске (А. Г. Митрошкина «Личные имена бурят»).

С конца 1990-х и в 2000-х гг., основываясь на этом фундаменте успешно защищались кандидатские диссертации, посвященные бурятской антропонимике, вышли в свет многочисленные публикации по вопросам общетеоретического и практического планов антропонимической науки. Исследования бурятских и монгольских антропонимов проводились в России в основном бурятскими учеными по разным направлениям антропонимии: анализ систем бурятских антропонимов (В. И. Семенова, «Личные имена эхиритских бурят» [2005]), вопросы структуры и семантики антропонимов (Ж. Д. Маюрова, «Сложные прозвища у бурят: структура и семантика»

[2001]; И. А. Ламожапова, «Исконные личные имена у монгольских народов» [2001]), вопросы функционирования личных имен в художественной литературе (С. В. Шойбонова, «Имена собственные в художественной литературе: на материале прозаических произведений бурятских писателей» [1999]; Л. Ю. Кожевникова, «Онимия художественного текста в современном монгольском языке» [2003]), сравнительная антропонимика (Л. Е. Забанова, «Дистрибуция антропонимических моделей в бурятском и английском языках» [2000]; А. А. Лазарева, «Типологические проблемы номинации (на материале онимической лексики бурятского и китайского языков)» [1999]), исследованию ономастических универсалий (В. В. Денисова, «Ономастические универсалии: экстралингвистический аспект» [2004]), функционирование монгольских антропонимов (Д. Н-Д. Жапова, «Функциональная эволюция монгольских антропонимов» [2005]), составление словарей бурятских антропонимов (А. Г. Митрошкина, «Словарь бурятских личных имен» [2008], [2013]; Ж. Д. Маюрова, «Словарь бурятских прозвищ: опыт лингво-социально-локального описания» [2014]).

Следует упомянуть, что Л. В. Шулуновой [1981, 1985] впервые на материале простых прозвищ у бурят рассмотрены вопросы, касающиеся источников их образования, особенностей лексико-семантической и грамматической структуры, явления их вариативности, а также взаимодействие русского и бурятского языков в массиве бурятских прозвищ. После нее Ж. Д. Маюрова исследовала типологию структурной организации и семантику основ синонимических и полионимических прозвищ бурятского языка [2001]. В учебном пособии И. А. Ламожаповой «Исконные личные имена у монгольских народов: структура, семантика» (изд. 2-е, испр. и доп.) [2008] в основном исследованы личные имена монголов, бурят, калмыков. В работе, носящей комплексный характер, материал рассматривается на фоне экстралингвистических факторов. Посредством типологического анализа показаны основные общие и отличительные особенности именников как в структурном, так и семантическом отношениях.

В. В. Денисова в монографии «Универсалии монгольских антропонимов» [2004] на основе антропонимов монгольского, бурятского и калмыцкого языков рассматривает ономастические универсалии, которые объясняются общностью человеческого мышления и общими закономерностями социального развития, единством основных принципов номинации и принципиальной структуры каждого языка, а также единым направлением путей эволюции именных систем.

В монографическом исследовании Д. Н.-Д. Жаповой «Функциональная эволюция монгольских антропонимов» [2005] впервые комплексно исследуется функциональная эволюция проприальной лексики на материале антропонимии монгольских языков в сравнительно-историческом аспекте, выявлены особенности ее функционирования на различных этапах развития человеческого сообщества.

В. И. Семенов в монографии «Личные имена эхиритских бурят» в лингвистическом аспекте описаны антропонимы, функционирующие у представителей эхиритского племени в устной традиции в последние 400 лет (XVII—XX в.).

Позднее вышли в свет статьи С. Г. Жамбаловой «Сохранение и возрождение генеалогической традиции у бурят» [2008]; «Исторические тенденции в имяназвании бурят. К постановке вопроса» [2010]; «Антропонимы бурят в исторической динамике» [2020], И. А. Ламожаповой «Антропонимические изоглоссы в монгольских языках» [2015]; Р. Г. Жамсарановой «Личные имена бурят Цаганского рода с антропоосновой Саб(а)-» [2020], посвященные этимологии бурятских антропонимов, этнонимам, особенностям имяназвания, антропонимическим изоглоссам и другим аспектам разностороннего объекта.

Исследования монгольской антропонимии АРВМ проводятся на монгольском и китайском языках, реже — на русском и английском. В АРВМ два официальных языка: китайский и монгольский. Все надписи дублируются на китайском и старописьменном монгольском. В то же время

антропонимические исследования, проводимые в Монголии и России, в определенной степени влияют на развитие данного раздела языкознания в Автономном районе Внутренняя Монголия КНР.

Монгольской антропонимии Монголии посвятили свои исследования И. Шуберт «Über mongolische Personennamen» (1960), Ж. Крюгер «Mongolian personal names» (1962), Ч. Содном «Монгол хүний нэрийн тухай» (Об именах монголов, 1964), Л. Бямбсан «Оноосон нэрийн тухай» (Об имяназвании, 1964), Н. Жамбалсүрэн «Монгол хүний нэр зүйн асуудалд» (К вопросу о монгольской антропонимии, 1970), Ж. Төмөрцэрэн «Монгол хэлний үгийн сангийн судлал» (Лексикология монгольского языка, 1974), Н. Л. Жуковская «Заметки о монгольской антропонимии» [1980], А. Даарийма «Монгол хүний нэрийн товч толь» (Краткий словарь монгольских имен, 1986), Ж. Сэржээ «Монгол хүний нэр» (Монгольские антропонимы) [1992], Д. Энхбат «Хүмүүний зохист нэр» (Подходящие имена человека) [2004], М. Ж. Бат-Ирээдүй «Монгол хүний хоч нэрийн сан» (Фонд монгольских прозвищ) [2009], Е. В. Сундueva «Проприальное словообразование в современном монгольском языке» [2005], О. Ф. Золтоева «Онимическая лексика современного монгольского языка» [2006]. В своих работах исследователи рассматривают системы халха-монгольских личных имен, вопросы семантики, классификации способов образования монгольских антропонимов. Научные взгляды Ч. Соднома, Ж. Сэржээ и Ж. Тумурцэрэна оказали большое влияние в том числе и на развитие антропонимики АРВМ.

Началом такого развития антропонимики в АРВМ под влиянием исследований в других странах следует считать 80-е гг. XX века. В 1981 г. в Автономном районе Внутренняя Монголия на старомонгольском языке была опубликована статья Ч. Соднома «Монгол хүний нэрийн тухай». Данная статья посвящена детальному исследованию вопросов монгольских антропонимов с точки зрения словообразования и традиций имяназвания. По нашему мнению, данная статья стала одним из первых толчков к пробуждению интереса к изучению монгольских антропонимов в АРВМ.

Следом были опубликованы статьи Пунцаг «Монгол хүний манж нэрийн тайлбар» (Толкование маньчжурских имен монголов, 1981), Тавингурав «Монгол хүний нэрийн тухай» (Об имени монголов, 1983), Бөгнүүдэй Гонцог «Монголчуудын овгийн тухай товч өгүүлэх нь» (Краткий очерк о фамилиях монголов, 1983), Д. Баатар «Хөххотод суугаа монголчуудын гурван үеийн нэрийн харицууллаас сэдсэн нь» (Мысли, возникшие в результате сравнения имен трех поколений монголов Хух-хото, 1986), Начиншонхор «Хорчин монголчуудын хүний нэрийн тухай» (Об антропонимах хорчин-монголов, 1989), Содномдорж «Монголчуудын хүний ижил нэрийн ажиглалт» (Заметки о монгольских двойных антропонимах, 1989), Т. Бөх «Монгол хүний нэр дуудлагын тухай» (О произношении монгольских антропонимов, 1991), Д. Сэржигоцоо «Хоч овгийн тухай зарим түүхэн учир» (К истории двойных фамилиях, 1992). Вслед за изданием этих работ в 1993 г. и 1995 г. на старомонгольском языке опубликованы статьи Ж. Сэржээ «Монгол овгийн нэр үүсэх зарим асуудал» (Некоторые вопросы образования родовых имен монголов), «Монгол хүний нэрийн утга учир» (Суть имени монгола). Они явились новым шагом в исследовании монгольской антропонимии в АРВМ. В течение периода вплоть до конца прошлого века на старомонгольском языке были опубликованы труды Тогоо «Монгол хүний нэрийн судлалд холбогдох асуудал» (Вопросы, связанные с изучением монгольского имени, 1993), Оюунбилэг «Монголчуудын овог нэрийн тухай дөхөм өгүүлэх нь» (О монгольских родовых именах, 1994), Хотол «Манай ороны монголчууд хүүхдээ нэрэлж байх тухай» (Об именовании детей монголами нашей страны, 1995), Г. Хайрхан «Монголчуудын нэр авах заншлийн уламжлалт соёл сэтгэц» ('Культура традиций именованя монголов', 1996).

В 1999 г. А. Түмэн опубликовал книгу «Монголын овог аймаг нийгэмийн байгууллын нэрсийн тайлбар» (Комментарии к наименованиям родов, аймаков и сообществ в Монголии), в которой автором истолкованы

монгольские родовые имена, названия социальной системы монголов с точки зрения истории, антропологии, археологии и лингвистики.

В 2004 г. работа Ж. Тумурцэрэна «Монгол хэлний үгийн сангийн судлал» (Исследование лексики монгольского языка) опубликована также на старомонгольском языке. В части «Ономастика монгольского языка» данной работы системно представлено развитие, территориальные отличия, словообразование и специфика монгольской антропонимии.

С XXI в. исследования монгольской антропонимии АРВМ носили не только сугубо лингвистический характер, в работах ученых внимание стало акцентироваться на экстралингвистический, информационно-технологический аспекты, а также аспект межкультурной коммуникации.

Наиболее ценными с точки зрения лингвистического анализа антропонимов представляется монография Мандах «Монгол хэлний заншлийн судлал» (Исследование традиций именования монголов, 2006), в особенности её глава «Монгол хүний нэрийн учир» (Значение монгольского имени), посвященная этимологии монгольских антропонимов. Магистерские диссертации ряда авторов посвящены проблемам ареального исследования монгольских антропонимов АРВМ, провинций Цинхай и Кукунор, вопросам этимологии, семантики, структуры, специфики фонетической адаптации монгольских антропонимов в китайском написании; фактологической базой некоторых исследований стал именник, состоящий из имен монгольских студентов Университета Внутренней Монголии. Это труды Туяа «Хорчин монголчуудын хүний нэрийн шинжлэл» (Исследования антропонимов хорчин-монголов, 2007), Гэгэнтана «Сөнөд зүүн хошууны монголчуудын нэрийн судлал» (Изучение монгольских имен восточного хошуна Сонод, 2007), Цацар «Ордос монголчуудын хүний нэрийн хувиралтын байдлыг ажиглах нь» (О состоянии изменений в антропонимиконе ордосских монголов, 2009), У. Улаан «Монгол хүний нэрийг хятадаар авиачлан орчуулан буулган бичиж байгаа байдлын тухай ажиглалт» (Заметки о состоянии транскрипции и записи имен монголов на китайском языке,

2010), Бао Ариун «Найман хушууны монголчуудын хүний нэрийн нэрлэлтийн онцлог ба хувиралтын байдлыг шинжлэх нь» (Особенности именования у монголов хошуна Найман и состояние трансформации, 2010), Хүүдагуул «Байран монголчуудын хүний нэрийн судлал» (Исследование антропонимов байранских монголов, 2010), Ургамал «Юаны түүхдэх монгол хүний нэрийг хятад үсгээр авиачлан буулгаж байгаа онцлогийн шинжлэл» (Изучение особенностей транскрипционной передачи монгольских имен в историографии Юаньского периода, 2011), Цугла «Дархан Муумянган холбоот хушууны монголчуудын хүний нэрийн хувиралтын байдлыг шинжлэх нь» (О трансформации и особенностях антропонимов хошуна Дархан Мумянган холбоо, 2011), Үүрийнтуяа «Хөхнуур мужийн Улаан шяны хүний нэрийн судлал» (Об антропонимии Улан шяна Кукунорской области, 2013), Үндэс «Отог хошууны монголчуудын нэрийн хувиралтын байдлыг шинжлэх нь» (Об изменениях в именнике монголов хошуна Отог, 2014), Үрэл «Урад монголчуудын нэрийн судлал» (Антропонимикон уратских монголов, 2016), Тунгаа «Шулуун хөвөөт цагаан хошууны монголчуудын овог нэрийн шинжлэл» (О фамилиях монголов хошуна Шулун ховот, 2017), Нарантунгалаг «Өвөр монголын их сургуулийн монгол оюутадын нэрсийн судалгаан» (Изучение имен монгольских студентов Университета Внутренней Монголии, 2019).

Экстралингвистический аспект в изучении монгольской антропонимии представлен в работах Дөш «Монголчуудын нэр нэрийдлийн зан үйлийн тухай» (О традициях имянаречения у монголов, 2000), Баянбаатар «Монгол хүний нэр хайралхын учир ёсон» (Об основания наращения у монголов, 2004), магистерских диссертациях Хан Яньлин «Монгол хятад хүний нэрийн харьцуулалас тэдний соёлын зөрөөг задлах нь» (Анализ культурных различий между монголами и китайцами путем сравнения их имен., 2009), Одончимэг «Монгол улсын хүний нэр жич соёлын агуулхууны тухай судалгаан» (Исследование культурной составляющей имени человека в Монголии, 2013), и в статьях Сурнаа «Монголчуудын хүний нэрийн тухай

соёл шинжилгээ» (Культурологическое исследование монгольских имен, 2013), Гэгэнхас «Хорчин монголчуудын хүний нэр ба орон нутгийн соёл» (Антропонимы и региональная культура хорчин-монголов, 2004), Төмөрбагана «Монгол сэхээтэдийн хүүхдээ нэрлэх соёл сэтгэхүйн онцолгыг өгүүлэх нь» (Об особенностях культуры именования детей у монгольской интеллигенции, 2004), Эрдэмт, Гэгэнхас «Монголчуудын нэр авах ёс заншлийн хөгжил хувирал жич нэр цээрлэх ёсон» (О развитии традиции имяназвания у монголов и о табуировании, 2006), Тян Сяо «Монгол хүний нэрийн зүйгээс монгол соёлын зарим талыг ажиглах нь» (Наблюдение некоторых аспектов монгольской культуры исходя из монгольской антропонимии, 2009).

В последние годы монгольская антропонимия также достигла больших успехов. Благодаря исследованиям Удвал («Монгол хүний нэрийг хятад үсгээр авиачлан буулгах арга зарчим ба туслах системийн судалгаан» (Исследование методов и системы транслитерированной передачи монгольских имен на китайском письме, 2013), Тунгалаг «Монгол хэлний материалын хөмрөгөнд суурилсан хүний нэрийг автомат таних» (Автоматическое распознавание имен из фонда монгольских языковых материалов, 2013), Тунгалаг, Лю Кай, Ли Цзячжэн («Хамаг их хэмжээ бүхий монгол хүний нэрийн ялган таних системийн төсөөлөлт ба биелэгдэл», «Хэлний материалын хөмөргөнд суурилсан монгол хүний нэр мэдэлгийн хөмөргийн байгуулалт ба үйлдэлгэ» (Проект крупнейшей в Монголии системы распознавания имен и ее внедрение, Создание и функционирование информационной базы монгольских имен из базы по монгольскому языку, 2015), Хэ Хуай «Монгол хүний нэрийн орчуулга нэрийн автомат таних судалгаан» (Исследование переводов монгольских имен и автоматического распознавания имен, 2015). Благодаря созданным по результатам этих работ информационным базам, системе автоматической идентификации и транслитерации монгольских имен удалось достичь прогресса в фиксации,

унификации используемых в исследованиях материалов монгольского антропонимикона.

В это же время в русле методов межкультурной коммуникации, как новой области антропонимических исследований, начато изучение монгольских антропонимов с целью выявления их культурной ценности и тенденций влияния разных культур на монгольские антропонимы. Из них следует упомянуть монографическое исследование Б. Хичээлт «Буддын шашин хийгээд монгол хүний нэрийн соёл» ('Буддийская религия и культура монгольского имени', 2005), магистерские диссертации Бао Хунлань «Жалайд монголчуудын хүний нэрийн хувиралтанд тусхагдсан адил бус соёлтоны нэвтрэлцлийн нөлөө шинжилгээ» ('Исследование инокультурного влияния на изменение антропонимии джалаитских монголов', 2015); Шу Жун «Хүрээ монголчуудын хүүхдийн нэрийн одоох байдал жич түүнд тусхагдсан адил бус соёлтны нэвтрэлцлийн нөлөө шинжилгээ» ('Исследование современного антропонимикона монгольских детей из Хурэ и инокультурное влияние на него', 2015); Гавир «Шинэ барга баруун хошууны монголчуудын хүний нэрийн хувиралтанд тусхагдсан адил бус соёлтоны нэвтрэлцлийн нөлөө шинжилгээ» ('Исследование влияния на монгольский детский антропонимикон Западного хошуна Новой Барги', 2016).

Исследования монгольских антропонимов на китайском языке начались еще в первой половине XX века. Так, Жан Хунсян в 1932 г. в своей работе «明外族賜姓考» ('Исследование фамилий, данных иностранным кланом династии Мин') исследовал фамилии татарских (монгольских), ойратских, чжурчжэнских, уйгурских чиновников, данные правителями династии Мин (1368–1644 гг.). В работе «北朝胡姓考» ('Исследование родов северных инородцев в династиях северных царств', 1958) Яо Вэйюань подробно исследовал 193 фамилии северных инородцев, записанных в официальных хрониках династии Вэй (220 г. – 266 г.), сдавшихся в плен северных инородцев во времена правления династий Хань (206 до н. э. – 220

н. э.) и Вэй, сдавшихся в плен военных командиров и торговцев из числа северных инородцев во времена династии Суй (581–618 гг.) и Тан (618–907 гг.). Им проанализированы происхождение антропонимов и влияние на них языка вышеназванных династий. В 1979 г. Гао Вэндэ и Цай Чжичун опубликовали работу «蒙古世系» ('Родословная монголов'), содержащую родословные таблицы монгольских ханов, толкования важных исторических деятелей и событий, и указатели личных имен. Цай Чжичун в статье «元明蒙汉间赐名赐姓初探» [1989] ('Предварительное исследование имен и фамилий, данных монголами и ханьцами в период династий Юань и Мин') исследовал соотношение и ассимиляцию монгольских и китайских имен во времена династий Юань и Мин. Кроме того, экстралингвистическому описанию монгольских антропонимов посвящена его другая статья «略述蒙古人的姓» [1989] ('Краткое описание монгольских антропонимов'). Особо отметим, совместную работу Игоря Де Рахевильца и Лоу Чжанмэй «元朝人名录» ('Репертуар собственных имен в литературных источниках династии Юань') [1988], которая включает исчерпывающий указатель имен людей, упомянутых в материалах династий Юань. В монографическом издании Нажибилигэ «姓名论» (Антропологическое исследование личных имен и именования), вышедшем в свет в 1997 г., выявлены формы монгольских антропонимов: формулы личных имен с фамилиями и формулы личных имен без фамилий, при этом автором была использована теория когнитивной лингвистики и когнитивной антропологии.

В российском монголоведении исследование монгольских антропонимов АРВМ представлено работой И. А. Ламожаповой [2008], которая по свидетельству «Mongγuljin-u mongγul obuγ kiged ayil-un peres-ün sudulal» знакомит с монгольскими родами, переселившимися в район Монголжин, а также с системой именования монгольских родов во

Внутренней Монголии. О. Ф. Золтоева в своей статье исследует лингвистические особенности антропонимии монголов Китая [2015]. Российских исследований антропонимов монголов Китая в настоящее время немного, в то же время российские учёные давно начали исследовать монгольские антропонимы с точки зрения титулов их носителей и степеней родства и даже прозвищ. Среди них следует упомянуть Б. Я. Владимирцова [1924; 1930], Д. Банзарова (1924), Г. С. Горохову (1966), Б. И. Панкратова (1989), А. Л. Ангархаева (2000), Т. Д. Скрынникову (2005).

Выводы по главе 1.

В настоящее время бурятская антропонимия как самостоятельный раздел ономастики представлена многочисленными публикациями общетеоретического и практического плана. По сравнению с ней антропонимика АРВМ начала свое развитие несколько позже под влиянием исследовательских работ учёных Монголии.

По сравнению с древними монгольскими антропонимами современные монгольские и бурятские антропонимы не только наследуют некоторые характеристики и формулы использования древних монгольских антропонимов, но также имеют характеристики, которые явно отличаются от них.

Относительно традиций именования древнемонгольскими антропонимами следует отметить, что они в основном проявляются в личных именах. В настоящее время при обращении к индивидуумам добавляются термины родства и / или должности после личного имени, чтобы идентифицировать индивида. Помимо этого, среди монголов до сих пор сохраняются формы личных и родовых имен, пользовавшиеся популярностью в древности, в среде бурят помимо личных имен стало обязательным употребление фамилий, образованных на основе исконных имен.

Начиная с XIII в. имена монголов подразделялись на простые и

сложные образования, со значительным преобладанием сложных имен. Сложный именник состоял из двух групп. Одна из них состоит из личного имени и титульного названия, другая лишена титульного названия.

Сочетание имени человека и титула представляет собой комбинацию имени собственного и нарицательного имени. Если одно имя собственное позволяет идентифицировать людей в небольшом диапазоне, то комбинация имен собственных и нарицательных дает возможность идентифицировать людей в более широком диапазоне. Таким образом, в древности среди монголов родовое имя играло очень важную роль во избежание кровосмешения и отражало социальную организацию монгольского общества.

В современных условиях, родовое имя монголов АРВМ имеет тенденцию к превращению в фамилию, функция которой в основном направлена на идентификацию индивида в обществе. У бурят под влиянием антропонимической системы русского языка образовались фамилии, которые по происхождению не связаны с родовым именем. Кроме того, в личных именах монголов и бурят постепенно ослабляется связь с нарицательным понятием, апеллятивной лексикой.

Если ранее у монголов и бурят не существовало четкого разграничения между официальными и неофициальными антропонимами, то в современном мире оно проявляется. Поскольку АРВМ и Республика Бурятия являются субъектами Китая и России, соответственно, их антропонимическая система фактически реализована в соответствии с общей системой антропонимии данных стран. В КНР официальной антропонимической моделью является фамилия и имя, в России - фамилия, имя и отчество. Следовательно, данные модели реализуются во всех субъектах данных стран.

Глава 2. Образование и функционирование антропонимов в бурятском языке и монгольском языке АРВМ КНР

2.1. Официальные именные формулы

Антропонимическая система бурят России и монголов КНР получила развитие в соответствии с русской и китайской официальными моделями. Далее мы рассмотрим официальные именные формулы бурят и монголов АРВМ. Как мы отметили выше, современная официальная антропонимическая формула бурят состоит из трех элементов: фамилия, имя и отчество. У монголов АРВМ — это имя и фамилия, в этом плане они соотносительны с двухкомпонентной официальной именной формулой китайского языка. Согласно исследованию Нажибилигэ, такая номенклатура выражается, главным образом, четырьмя формами [纳日碧力戈, 1997, С. 28]:

1. монгольское имя — китайский вольный (семантический) перевод монгольского имени: *Алтан-уул* ‘золотая гора’ — Jin Shan 金山 Цзинь шань ‘золотая гора’;

2. монгольское имя — китайская транслитерация монгольских имен: *Оюунгэрэл* ‘ум-свет’ — Wu yun ge ri le 乌云格日乐 ‘ум-свет’;

3. монгольское имя — китайское имя: *Бай Насан* ‘возраст’ — Bai Peizhu 白培珠 Бай — фамилия, Пэйчжу ‘бусы’;

4. монгольское имя — сочетание монгольских (в переводе на китайский) и китайских имен: *Алтанбүргэд* ‘золотой орёл’ — Jin Xiongfei 金雄飞 (Jin ‘золото’, Xiongfei ‘парить’).

Большинство монголов АРВМ, носящих монгольское имя, в отличие от китайцев, в официальной обстановке не употребляют свое родовое имя, которое аналогично китайской фамилии, представляющей собой обязательную часть китайских официальных имен. Именно поэтому первый

компонент монгольских имен носителями китайского языка воспринимается в качестве фамилии. Однако наше наблюдение показало, что некоторые носители монгольского языка АРВМ используют первый слог родового имени как показатель своей полной фамилии. Пример: *Бай Чулуун*, *Бай* 白 *bai* — от *Баягууд*. Подобное употребление инициальных слогов родового имени в качестве фамилии часто наблюдается в восточной части Внутренней Монголии.

Следующей особенностью современной монгольской антропонимии АРВМ является использование двухкомпонентной модели именования, под влиянием антропонимической системы Монголии (имя отца в родительном падеже + личное имя). Пример: *Баатарын Чулуун*, *Баатарын* ‘имя отца в родительном падеже’, *Чулуун* ‘имя’. Но ввиду того, что в общей антропонимической системе КНР не существует отчества, данной именной формуле не удалось распространиться в общепринятых именных формулах монголов АРВМ.

Известно, что ранее буряты так же, как и монголы, в официальных документах использовали личное имя с именем отца в Р.п. С 30-х гг. XX в. под влиянием русского языка и его антропонимической системы при государственной регистрации в органах ЗАГС, у бурят полное имя состоит из трехкомпонентной модели именования (фамилия, имя и отчество).

Однако процесс влияния на традицию имянаречения западных и восточных бурят был неравномерным, вследствие чего начало использования трехкомпонентной модели именования у них отличается по времени. Так, западные буряты (Иркутская область) подверглись русскому культурному влиянию в более ранний период и с большей интенсивностью по сравнению с восточными бурятами (Республика Бурятия, Забайкальский край). С этим связано наличие у западных бурят большого количества русских заимствованных имен, адаптированных в соответствии с фонетическими законами бурятского языка. Например, *Огдося* — от Евдокия, *Ампиис* — от

Анфиса, *Агаани* — от Агафья, *Сабел* — от Савелий, *Пайнел* — от Павел и т.д. [Басаева, 1976, С. 26]. Эти имена занимали важное место в антропонимической системе западных бурят. Однако нужно отметить, что исконные имена западных бурят в небольшом количестве сохранились наряду с новыми русскими антропонимами (преимущественно в фамилиях), например: *Азаргаев* — от *азарга* ‘жеребец’; *Шаракишинов* — от имени *Шарагшан* ‘жёлтая, соловая (о самках крупного рогатого скота)’. Это связано, скорее всего с тем, что предки современных носителей этих фамилий были рождены до прибытия русских (до XVII в.) или до принятия западными бурятами православия.

В свою очередь, восточные буряты, традиционно исповедовавшие ламаизм, сохранили у себя больше исконных и заимствованных из тибетского языка и санскрита имен. Однако под влиянием русской антропонимической формулы тибетские или бурятские фамилии, имена и отчества получали русские антропонимообразующие аффиксы. Как отмечает А. Г. Митрошкина, «второй период (XIX — начало XX в.) характеризуется тем, что в русских документах патронимы подразделяются на фамилии, имена и отчества: наряду с именованием на -ов/-ев, -ин появляются и формы -ович/-евич». Например: *Цыден Джигитов Ирдынеевич*, *Мурашкин Иван Мурашкинович* [Митрошкина, 2007, С. 257].

2.1.1 Личное имя

«Личное имя — первая ономастическая категория, получившая документальное закрепление. Историческими предшественниками ЛИ были апеллятивы, применявшиеся в качестве прозвищ для обозначения людей» [Забанова, 2000, С. 52]. В официальной обстановке личное имя определяется как официальное личное имя (ОЛИ).

В имени каждого человека заключено определённое значение. Несмотря на то, что у каждого народа мира своя специфика системы именования, их объединяют то, что собственное имя является главной

частью среди антропонимических категорий. Личное имя представляет собой самый распространённый и широко употребляемый компонент для народов мира, поэтому прочие компоненты из антропонимических категорий никак не могут занимать его место, и также можно сказать, что личные имена становятся основным представителем официальных именных формул. В том числе семантика собственных имен в каждом языке ярко отражает специфику развития народа-носителя языка, особенности трансформаций, происходящих в обществе и языке.

Несмотря на то, что в мире наличествует много различных именных форм, у каждой страны и нации свои традиции и стандарты именования, которые отражаются в зафиксированной формуле антропонимов, в их наборе у отдельного носителя, во всем этническом сообществе, в мотивах именования и в структуре имени. Из всех видов антропонимов только личное имя обязательно присутствует у всех народов, тогда как либо остальные распространены неравномерно, либо могут отсутствовать те или иные компоненты, то есть, фамилии, дедичества и отчества являются производными единицами, прозвища, псевдонимы и прочие являются дополнительным именем, поэтому можно сказать, что только личное имя обладает высокой степенью индивидуализации денотата.

Первичные имена монгольского и бурятского языков идентичны в разрезе исконных имен, например, монг. *Бат* бур. *Бата* ‘крепкий’, монг. и бур. *Жаргал* ‘счастье’ т.д. Кроме того, исследуемые языки в области антропонимии испытали значительное влияние тибетского языка, в обоих языках существуют простые имена тибетского и санскритского происхождения: *Дорж* ‘алмаз’, *Бадма* ‘лотос’. С другой стороны, среди простых имен бурят бытуют имена, заимствованные из разных языков, например: тюрк. *Аюу*; *Алихсаан* (*Александр*); араб. *Амир* ‘благоустроенный; правитель’. Несмотря на влияние китайской культуры на монгольский язык Внутренней Монголии и заимствование имен из китайского языка, следует отметить, что, по нашим наблюдениям количество таковых в ряду простых

имен относительно невелико.

Аффиксальные имена с древности занимают весьма важное место в монгольском и бурятском языках. Большинство антропоформантов происходят из апеллятивных суффиксов. Об этом писала А.Г. Митрошкина в своей работе: «форманты, образующие личные имена, по происхождению вторичны по отношению к суффиксам» [Митрошкина, 2007, С. 146]. У монгольских и бурятских антропонимов много общих формантов, получивших разное развитие в исследуемых языках: *-хан*, *-дай*, *-ч* и другие. К примеру, аффикс *-хан* в монгольском языке выполняет функцию выражения гендерного различия, а в бурятском языке он присоединяется к любым по гендеру именам, придавая имени уменьшительно-ласкательное значение имени, например: муж. имя *Батахан* — от *бата* ‘крепкий’, жен. имя *Баяахан* — от *баян* ‘богатый’ [Митрошкина, 2013, С. 41]. Кроме общих формантов, в бурятском языке бытуют многочисленные антропоформанты, которых нет в монгольском языке, например, *-ууха* — *Жарбуууха*, *-дхо* — *Хорноодхо* и др. По нашим наблюдениям, весьма много бурятских антропонимов образовалось на базе производных имен прилагательных, образованных при помощи суффикса *-гар* (*-гэр*, *-гор*). Например, *Балбай* — из *балбагар* ‘пухлый, полный’; *Бужагар* — из *бужагар* ‘здоровый, крепкий’. В работе А. Г. Митрошкиной описано свыше 110 простых антропоформантов [Митрошкина, 2007, С. 146]. Мы можем предположить, что в древности существовала традиция нарекать человека именем прилагательным, в соответствии с какими-то его качествами. Это значит, что наряду с общемонгольскими антропонимическими тенденциями, бурятский антропонимикон развивал свою ареальную специфику образования имен собственных. Кроме того, в монгольских и бурятских антропонимах наблюдается использование двойных и многокомпонентных формантов, но они в монгольских антропонимах встречаются гораздо реже, например: бур. *Баталхай* — *бата* ‘крепкий’ + *-л+* *-хай*, бур. *Харлаанхи* — *хар(а)* ‘чёрный,

тёмный’ + -лаа+ -н+ -хи; монг. *Ээлтэйхэн* — ээл ‘счастье; польза’ + -тэй+ -хэн.

Составные имена в исследуемых языках имеют свою специфику. Общеизвестно, что в монгольском языке распространено употребление составных имен, а в бурятском языке они встречаются реже. Причиной этого, по нашему мнению, является то, что в системе именования бурятского языка развились многочисленные антропоформанты для обозначения аффиксальных имен, большинство из которых не употребляется в монгольском языке АРВМ. Под влиянием тибетских антропонимов в монгольской антропонимии появились имена, образованные от причастий с аффиксами “-qu/-ku” и имена с аффиксом “-tu/-tü”, представляющие собой переводы с тибетского языка, например: монг. *Хишигт* ← тиб. *Ямпил* ‘умножающий мелодию’, монг. *Арвижих* ← тиб. *Гэмпэл* ‘умножающий счастье’, монг. *Сайнхувьт* ← тиб. *Галсан* ‘хорошая судьба’, монг. *Төгөсцогт* ← тиб. *Балдан* ‘великолепный; счастливый’. В свою очередь, в бурятской антропонимии тибетские заимствованные имена употребляются в исходном звучании. После того как буряты стали употреблять трёхкомпонентную модель именования, заимствованную из русского языка, фамилия вместо личного имени в определённой степени выполняла дистрибутивную, идентифицирующую функцию. Возможно, именно поэтому у бурят не было необходимости массового создания составных имен с целью идентификации по личным именам. Кроме того, составные имена в трёхкомпонентной модели именования возможно вызывали определенные неудобства при коммуникации. Например, *Шагдаржапов Чимитдоржи Чимитдоржиевич* или *Цыдендамбаев Чимит-Доржи Цыдендамбаевич*, *Дамдинжапов Цырен-Доржи Жанабадараевич* – выдающиеся бурятские писатели.

Образование монгольских и бурятских личных имен подразделяется на морфологический и неморфологический способы. Среди морфологических способов особое место занимает аффиксация. Неморфологический способ образования представлен двумя разновидностями: способ онимизации и

способ трансонимизации. Онимизация основана на переходе имен нарицательных в разряд имен собственных, а трансонимизация охватывает процесс перехода одной разновидности антропонима в другой [Шулунова, 1995, С. 111].

Выделим несколько особенностей аффиксального образования антропонимов в исследуемых языках:

Во-первых, несовпадение в употреблении аффиксов гендерного различия в монгольском и бурятском языках:

1) модель с формантами монг. *-дай/-дэй*, бур. *-дай/-дэй/-дой/-дуй/-дээ*. В монгольском языке Внутренней Монголии этот формант встречается только в мужских именах: монг. *Цагаадай* — от *цагаан* ‘белый’, монг. *Бөхөндэй* — от *бөх* ‘крепкий’ (ПМА⁴). В бурятском языке, как оказалось, он может употребляться также и в женских именах: *Баяндай* — от *баян* ‘богатый’ [Митрошкина, 2013, С. 42], *Уяхандай* — от *уяхан* ‘гибкий; ласковый’ [Митрошкина, 2013, С. 180], *Хайхадай* — от *хайхан* ‘красивый, прекрасный’ [Митрошкина, 2013, С. 182];

2) модель с формантами монг. *-хан/-хэн*, бур. *-хан/-хон/-хэн*. Аффикс *-хан* относится к типу эмоционально-экспрессивных аффиксов со значением уменьшительности и ласкательности [Дондуков, 1993, С. 40]. Примеры употребления: *bičiqan* ‘малюсенький’ — от *bičil* ‘маленький’, *šaγaγan* ‘беленький’ — от *šaγan* ‘белый’. Б. Ринчен заметил, что этот суффикс образует женские имена существительные, сохраняющие семантику уменьшительности и ласкательности [Ринчен, 2016, С. 181]. С помощью этого форманта в монгольском языке образуются женские имена: *Уяхан* ‘гибкая’, *Яруурхан* ‘мелодичная, славная’, *Нархан* ‘солнышко’ и др. А в бурятском языке он употребляется не только в женских именах, но и мужских: *Аяхан* (ж.) — из *ая* ‘мелодия’, *Галхан* (ж.) — из *гал* ‘огонь’, *Алдархан* (м.) — из *алдар* ‘слава’, *Түмэрхэн* (м.) — из *түмэр* ‘железо’, *Батхан* (м., ж.) — из *бата* ‘крепкий’;

---

4 ПМА – полевые материалы автора.

3) модель с формантами монг. *-жин*, бур. *-жан/-жон/-жэн*. Данный суффикс в монгольском языке образует преимущественно имена, указывающие на женский пол у человека, животных. Кроме того, этот суффикс ещё содержит уважительное отношение к называемому [Сэцэнцогт, 1988, С. 2837]. Поэтому данный суффикс в качестве женского антропоформанта всё ещё широко используется в монгольском языке, например, *Буянжин* — *буян* ‘добродетель’ + *-жин*; *Энхжин* — *энх* ‘спокойный, благополучный’ + *-жин*. Но в бурятском языке он образует не только женские личные имена, но и мужские. Например: *Луужан* (м.) — от *луу* ‘дракон’, *Үржэн* (м., ж.) — от *үри*, диал. *үрэ* ‘дитя, ребенок’ [Митрошкина, 2007, С. 162].

Во-вторых, использование составных антропоформантов в бурятском языке, которые редко употребляются в образовании антропонимов в монгольском языке АРВМ. Например: *Баталхай* — от *бата* ‘крепкий’ + *-л+* + *-хай*; *Баршуухай* — от *бар* ‘тигр’ + *-шуу* + *-ха*, и даже в древности бытовали трехформантные личные имена, как, например, *Харлаанхи* — от *хара* ‘чёрный, тёмный’ + *-лаа+* + *-н+* + *-хи*; *Хонотоон* — из *хон* < *хонтогор* ‘надутый, обиженный’.

В-третьих, в обоих языках есть свои отличительные специальные антропоформанты. По нашим наблюдениям, в АРВМ используются 6 антропоформантов, которые не зафиксированы в бурятском антропонимиконе (см. в приложении 1 таблицу 1), в котором насчитывается 42 форманта, отсутствующие в монгольском языке АРВМ (см. приложение 2.(таблица 2).

В-четвертых, в состав антропонимикона бурятского языка входят аффиксы, которые используются в монгольском языке АРВМ только для образования апеллятивных слов. Нами выявлено 39 подобных формантов (см. приложение 3. (таблица 3).

В-пятых, в бурятский антропонимикон проникли некоторые аффиксы из русского языка, развившие впоследствии сингармонические варианты, а

также претерпевшие другие фонетические изменения. Например, аффикс *-иха (-шка) / -ихо / -ихэ*. «В бурятский язык *-шка* просочился двумя путями: вместе с русскими именами (*Бугдааиха* — русск. *Богдашко*) и как формант, образующий имена от исконных для бурят имен: *Бахаиха* — *баха* ‘лягушка’; *Бишааиха* (м., ж.) — ср. *бишайхан* ‘маленький’; *Изишикэ* или *Изишиха* — зап. бур. *изии* ‘женщина’» [Ламожапова, 2008, С. 68].

В-шестых, формант *-а* русского языка в монгольском и бурятском языках наделен функцией обозначения женских имен. Однако данный суффикс имеет разный узус в обоих языках. В монгольских именах он употребляется только после финального согласного *-н* и образует новые имена, отличающиеся от своих первооснов только формами. К примеру, *Ариуна* — *ариун* ‘чистый; священный’, *Оюуна* — *оюун* ‘ум, разум’.

«А в бурятском языке суффикс *-а* русского языка образует женские имена от мужских и женских же имен. При этом краткие гласные конечных слогов исконных имен удлиняются. Например: *Хуса* ‘баран-производитель’ — *Хусаана*, *Баяр* ‘радость’ — *Баишра*, *Сэсэг* ‘цветок’ — *Сэсээга*.

К именам с конечной долгой огласовкой присоединяется согласный *-н* с последующим формантом *-а*: *Аяа* (топоним) — *Аяана*, *Туяа* (ж.) — *Туяана*.

Имена с конечными согласными принимают формант — *иита*: *Булган* (ж.) — *Булгиита* по аналогии с *Рита*, *Маргарита*.

Формант *-иина* в бурятском языке присоединяется к заимствованным именам: *Энгельс* — *Энгельсиина*, *Сталин* — *Сталиина*. А в калмыцком *-иина* образует имена от исконных апеллятивов и географических названий: *зула* «лампада; родничок, темя» — *Зулина*; *Элиста* — столица Калмыкии — *Элистина*» [Ламожапова, 2008, С. 68].

Что касается характеристик личных имен в официальной форме, самой очевидной характеристикой, скорее всего, является их объективность. Другими словами, официальные имена всегда стремятся формулировать содержащуюся в них информацию объективно и корректно, чтобы не допускать никаких недоразумений. По указанной причине в

экстралингвистическом плане официальные личные имена обычно не содержат эмоцию. Это явление особенно заметно при устном общении, когда личные имена произносятся без эмоциональных интонаций. В лингвистическом аспекте в официальных именах соблюдаются более сложные принципы. Эти принципы разделяются на две группы: устные и письменные. В устной ситуации официальные личные имена не используют гипокористические формы, которые, как известно, распространены, например, в русской антропонимике. У монголов вместо уменьшительных имен более популярны упрощённые имена. Например, *Жаргал* — *Жигаа*, *Нарантуяа* — *Нанаа*.

2.1.2 Фамилия

Фамилия — историческая категория, появление и развитие которой было обусловлено социально-экономическим и общественно-политическим развитием общества. «В лингвистическом же отношении фамилии обычно вторичны по отношению к именам личным и прозвищам, производны от них» [Суперанская, 2007, С. 56]. Основными функциями этого типа антропонима являются объединяющая (объединяет членов одной семьи, рода); определяющая, дифференцирующая (способствует различению членов одной семьи, одного рода от членов другой семьи, рода); идентифицирующая (выделяет, идентифицирует человека в социуме) [Мадиева, 2010, С. 100]. Появление и развитие категории фамилии в определенной степени зависело от социально-экономического развития. Фамилия в разные периоды развития общества, административно-государственного образования выполняла разные функции, в связи с чем, дефиниция фамилии трансформировалась: расширялась или сужалась. Так, в настоящее время фамилия в монгольском и бурятском языках дефинируется в расширенном контексте: монг. *овог*, бур. *обог* ‘фамилия’.

Еще об одной функции фамилии говорит Е. П. Карнович, а именно появления в обществе (общности) некой гражданственности, а также наследственных, имущественных прав: «Введение у какого-нибудь народа фамильных или родовых прозваний свидетельствует прежде всего о водворении среди него гражданственности. Это один из наиболее заметных ее признаков. В простом, несложном быту не встречается необходимости в таком способе определения каждой личности по его роду. Там довольствуются только прозванием, кому-либо лично присвоенным, без наследственного перехода родового прозвища. В той среде, где нет у человека особых наследственных прав, гражданских или имущественных, он может прожить весь свой век под одним лишь личным своим именем или особым прозванием» [Карнович, 1991, С. 7].

По поводу *обог* Рэгзэндорж и Ганзориг отмечают: *«Нэгэн овог бүхий ургийн юм уу, уг язгуурын төрөл садангийн шүтэлцээтэй хүнийг удам гэнэ... Овог бол хүнийн удмын санг цэвэр ариун байлгах нэгэн арга бөгөөд монголчууд овгийг зөвхөн эрэгтэйн талыг баримтлан нэгэн мөр болгон хөтөлж ирсэн уламжлалтай... Эхийн эрхэт ёсны үед уг, эцгийн эрхэт ёсны үед язгуур хэмээх болсон ба Хорийн арван нэгэн эцгийн уг язгуур гэх зэргээр ярьдаг... Буриадууд цус ойртохоос болгоомжилж таван үеийн дотор ураг холбохыг цээрэлдэг. Ураг төрлийн шүтэлцээнд овог, яс гэсэн хоёр ойлголт хэрэглэгддэг бөгөөд эцэг талыг ясан, эхийн талыг цусан төрөл хамааруулдаг»* [Рэгзэндорж, 2008, С. 68] (Потомки — это люди, принадлежащие к одному и тому же роду или родословию ... Род — это способ сохранить человеческий генофонд в чистоте, и у монголов есть традиция поддерживать род только по мужской линии... его называли *уг* во время матриархата и *язгуур* при патриархате, и в Бурятии, например, одна часть бурят называется одиннадцатью родами племени хоритов... Буряты воздерживаются от смешения крови в течение пяти поколений из-за боязни инбридинга. В родстве используются два понятия: род и племя, причем сторона отца — это племя, а сторона матери — кровное родство). Из этого

мы можем заключить, что знание о принадлежности к тому или иному роду у монголов и бурят в древности выполняло важные функции, позволяя избежать инбридинга и служило в выстраивании родовой линии.

Овог в монгольском языке имеет следующие значения: 1) в древнем обществе группа людей с кровным родством; 2) родовое имя поколения людей одного рода; 3) имя отца или родовое имя перед личным именем человека [Норжин, 1997, С. 394]. *Обог* в бурятском языке имеет два значения: 1) *ист.* род, племя, клан; 2) иногда фамилия (или отчество) [БРС, 2008, С. 9]. Сравнивая приведенные выше дефиниции монгольского и бурятского языков, мы полагаем, что в древнем обществе слово *овог* (*обог*) изначально обозначало группу людей с кровным родством. Далее, по мере того как шло социально-экономическое развитие общества и прирост населения у монголоязычных народов, к слову *овог* (*обог*) прибавляется такое понятие, как род или племя. Так, буряты употребляли *обог* в качестве своей фамилии вплоть до того времени, как буряты приняли систему именования русского языка и вместо общемонгольского *овог* (*обог*) взяли имя отца (деда по отцовской линии) с соответствующими аффиксами русского языка. В первые годы советской власти, в 1920-1930-х гг., имя отца у бурят употреблялось в качестве фамилии, а имя деда по отцу в качестве отчества, например, *Бадмаев* (имя отца) *Батор Балданович* (имя деда). Это связано с тем, что до этого времени буряты носили только двойное полное имя: *Бадмын* (имя отца) *Батор*, в таком случае «источником» образования отчества служило имя деда. В иных случаях имя отца повторялось в качестве отчества, например: *Бадмаев* (имя отца) *Батор Бадмаевич* (имя отца). Со временем такая практика отошла, и в качестве фамилии избиралось имя деда, а имя отца заняло «свое место» в качестве производящего отчество. Приобретенная в тот период фамилия передавалась уже далее, последующим поколениям: детям, внукам, правнукам и т.д.

Что касается монголов, то из-за деления на Внутреннюю Монголию (КНР) и Внешнюю Монголию, ситуация с использованием фамилий *овог*

усложнилась. В 1925 г. в Монголии было принято решение об использовании имени отцов вместо названия родов, в 1997 г. правительство Монголии утвердило родовое имя (*овог*) как часть официального имени.

Немного по-иному сложилась ситуация в АРВМ. Монголы АРВМ всё ещё используют своё родовое имя, но из-за того, что в обычных обстоятельствах монголы используют только своё личное имя, родовое имя монголов в АРВМ стало, по сути, неофициальным. С другой стороны, в настоящее время наблюдается несколько вариантов родовых имен монголов, которые используются в официальных документах. Вот этим вариантам родовых имен придаётся функция фамилии. Например, *Бао Ариун* — фамилия *Бао* образовалась от родового имени *Боржигин*.

Материалы нашего исследования показали, что монгольские фамилии в АРВМ образуются тремя путями:

1) фамилии из первого слога личных имен. Система именования китайского языка состоит из двух частей: фамилия и имя личное. В связи с тем, что большинство монголов Внутренней Монголии в официальных документах не пишут свою фамилию, некоторые монголы регистрируют первый слог своего имени в китайской транслитерации в качестве своей фамилии. Например, *Хүрэл* — 呼日乐 *Хү Жилэ*, где 呼 *Хү* — фамилия, 日乐 *Жилэ* — имя. Как правило, эти данные становятся официальными и в этом виде вносятся в документы (паспорт, водительское удостоверение и т.д.). По поводу таких фамилий исследователь Б. Гончиг также отмечает: «есть случаи, что некоторые люди придумали свои фамилии по требованию социума, общества, по причине того, что не знают или не могут вспомнить свои настоящие фамилии. По нашим наблюдениям, бывают случаи, что дети *Машибата* имеют фамилию 麻 *Ма*, а дети *Шаргала* имеют фамилию 希 *Си*» [Гончиг, 1995, С. 64]. Таким образом, во всех официальных документах фамилия пишется согласно этому правилу;

2) китаизированные фамилии. Монголы, с давних времен контактировавшие с ханьцами, часто трансформировали фамилии на китайский манер, особенно в смутное военное время. Такие китаизированные фамилии фонетически не отличаются от китайских фамилий, однако характеризуются своей этимологией и семантикой. По содержанию мы можем разделить китаизированные фамилии на две части: переведённые фамилии и транскрибированные фамилии. Переводные фамилии — это монгольские фамилии, которые были переведены на китайский язык по апеллятивному значению. Например, *Хадчин* ‘горный рабочий’ переведётся как *Shi* 石 ‘камень’, *Нүхчин* ‘пещерный рабочий (шахтер)’ как *Yao* 姚 (трансформировано из 窑 *яо* ‘пещера’). В транскрибированных фамилиях обычно сохраняется только первый слог монгольской фамилии, к примеру, *Баягууд* > *Bai* 白, *Хэрийд* > *He* 何;

3) полная форма родового имени. В некоторых случаях полная форма родового имени использовалась в качестве фамилии. По нашему мнению, использование полной формы родового имени сначала появилось в литературных произведениях и научных трудах под влиянием Внешней Монголии, в которой родовое имя используется в официальных документах. Затем этот метод начали использовать при регистрации имен детей в ЗАГСе для определения национальности. Например: *Уриянхай Нарс* регистрируется как 乌梁海 · 那日苏 *Wulianghai · Narisu*, *Хангин Байгаль* регистрируется как 杭景 · 白嘎力 *Hangjing · Baigali*, *Хэрийд Цогт* регистрируется как 贺烈特 · 朝克图 *Heliete Chaoketu*. При регистрации полной фамилии с именем использовалось больше пяти иероглифов (пять слогов). Поэтому это считается сложным, в сравнении с китайским полным именем, которое обычно состоит из трёх иероглифов (трех слогов).

Буряты как часть монгольского мира первоначально использовали свое родовое имя в качестве фамилии. Значительная их часть образовалась от личных имён, таких, как *Баяндай, Хадаалай, Буин* и т.д. Это и является одной из главных характерных особенностей бурятских генонимов. Но со времени вхождения Бурятии в состав России, у бурят постепенно распространилась трехкомпонентная модель именования под влиянием русского языка. Ввиду этого дефиниция фамилии также подвергалась изменению. Если в самом начале фамилия для бурят обозначала происхождение из какого-либо рода или племени, то теперь «фамилия представляет собой антропонимическую категорию, становление которой обусловлено необходимостью именования группы кровных родственников — семьи — как социальной ячейки при определенных формах государственности» [Митрошкина, 2007, С. 255]. Это значит, что для бурят старые дефиниции категорий **фамилия, род, племя** сменялись новой дефиницией **фамилия**.

В настоящее время большинство бурят использует термин *обог* в значении **отчество**, и заимствуют слово **фамилия** именно для указания фамилии, которая является одним из частей трехкомпонентной модели именования. Кроме того, благодаря росту национального самосознания, немало людей переосмысливают своё происхождение и предпочитают использовать исконные антропонимические модели бурятского языка. Родословная на бурятском языке называется *уг гарбал* букв. 'род, происхождение'. Из бурятской пословицы «*Угаа мэдэхэгүй хүнийе уһан дээрэһээ гал эдихэ, түрэлөө мэдэхэгүй хүнийе тэмээн дээрэһээ нохой зууха*» 'те, кто не знает своего происхождения, будут гореть на воде и будут покусаны собакой, сидя верхом на верблюде' можем узнать, что родословная имеет неопределимую ценность для бурят.

В состав *уг* (рода) обычно входят все имена предков по линии отца и матери. Однако оно называется именем родоначальника. В наше время «...хоринские, селенгинские и тункинские буряты давно забыли свои племенные имена и чаще всего носят тибетские имена (например, *Будажан*,

Церенжап и др.)» [Балдаев, 1970, С. 93]. Поэтому в последнее время у бурят вместо родового имени становится новым антропонимическим знаком для выражения специфики своей национальности. К примеру, *Харгана баатарай Баясхалан* (*Харгана баатар* ‘имя родоначальника, ставшее названием рода’, *Баясхалан* ‘личное имя’). А *обог* выполняет объединяющую функцию членов одного рода так же, как, например, функционируют монгольские фамилии. А фамилия в основном выполняет идентифицирующую функцию человека в социуме, как собственно русская фамилия. Другими словами, по мере того, как трехкомпонентная модель именования проникла в Бурятию, у бурят сформировались новые антропонимические категории. Но вполне очевидно, что эти антропонимические категории сформировались не сразу. По нашему мнению, этот процесс в основном можно разделить на четыре этапа.

Первый этап. С давних времен монголы строго соблюдали обычай табуирования при наречении и обращении молодого к старшему поколению. В том числе у монголов не принято было обращаться друг к другу по имени отца. Таким образом, буряты сначала тоже соблюдали подобные принципы табуирования. Об этом свидетельствует и бурятский обычай использовать при обращении названия профессий. Например, *Бата эмиэн* ‘врач Бата’, *Зоригто багша* ‘учитель Зоригт’. Также Г. Ю. Сызранова как раз об этом отметила так: «В старое время у бурят, как и у других народов Азии и Востока, существовал обычай заменять личные имена терминами, обозначающими служебные обязанности, степени родства и свойства. Учителей называли *багша* ‘учитель’, лам — *лама* или *ламбагай* ‘батюшка’, старших — ‘отец или мать такого-то’ (по имени старшего ребенка), ‘брат или сестра такого-то’ (по имени своего сверстника), родственников — терминами родства. Табу имени, как известно, уходит в глубину веков и связано с суеверными представлениями людей и отождествлением слова с предметом, имени с именуемым. Вследствие ослабления религиозного влияния и широко распространившегося влияния русской антропонимической системы

современные буряты не знают о запрете имени, однако сохранился обычай избегать прямого обращения по имени» [Сызранова, 2013, С. 93]. Следовательно, у нас есть все основания полагать, что издревле буряты в официальных обстоятельствах употребляли только своё личное имя.

Второй этап. По мере того, как буряты контактировали с русскими, начали использовать отымённые фамилии. Форманты собственно бурятских фамилий *-о/-он*, *-у/-ун*, *-н/-ин/-ийн*, *-ай/-ой/-эй/-э*, представляющие собой суффиксы родительного падежа от исконно бурятских имен и тибетских заимствований. При этом формант *-э* представляет русифицированную форму аффиксов родительного падежа *-ай/-ой/-эй*, то есть во время второго этапа сформировалась двукомпонентная модель именования: фамилия + личное имя, у монголоязычного народа фамилия обычно стоит перед личным именем, например, *Батуунай Заяан*. Так у бурят сформировалась двукомпонентная модель именования, где фамилия препозитивна, а личное имя — постпозитивно. Но употребление двукомпонентной модели именования было неравномерным. Употребление этой модели практически не распространено у западных бурят (Иркутской области), в то время как у восточных, особенно агинских бурят она встречается чаще. Это обусловлено тем, что восточные буряты гораздо позже начали контактировать с русскими.

Третий этап. В 1930-1940 гг. в бурятский язык начинает проникать русский патронимический суффикс *-ов/-ев*, *-ин*. Употребление данных суффиксов в образовании фамилии значит то, что русский язык уже имеет популярную основу среди бурят. Наряду с этим аффиксом хождение имел и формант, образованный на базе суффикса родительного падежа *-ай/-ой/-эй*, *-н/-ин/-ийн*. На данном этапе, как мы полагаем, популярностью пользовалась новая форма двукомпонентной модели именования: личное имя + фамилия, т.е. фамилия употреблялась после личного имени, как у русских. Например, *Бато Баиров*, *Будажаб Будаев*, *Сэсэг Гымпилова* и т.д.

Четвёртый этап связан с тем временем, когда среди бурят сформировалась трехкомпонентная модель именования: личное имя +

отчество + фамилия, принятая в России. Отчества у бурят в настоящее время образуются при помощи русских формантов *-ович/-евич, -овна/-евна*. По мере того, как у русских наконец сформировалась трехкомпонентная модель именования, Бурятия как часть Российской империи также приняла эту модель. Но ввиду того, что у русского языка отчество образовалось прежде фамилий, отчество всегда употреблялось за личным именем. К примеру, *Ишэгэн Мурашкинович Мурашкин*. Здесь следует сказать, что в силу того, что на данном этапе у большинства бурят фамилия образуется на базе имён отца или деда, многочисленные исконные личные имена образовали фамилии. Например, личное имя *Нохой* ‘собака’ > фамилия *Нохоев*, личное имя *Этигэл* ‘доверие, верование’ > фамилия *Итегелов*, личное имя *Хуса* ‘баран-производитель’ > *Хусаев*.

Анализируя приведенный выше процесс формирования новых антропонимических категорий, мы видим, что хотя антропонимия бурят под влиянием русского языка перешла на трехкомпонентную модель именования, буряты вопреки русской антропонимической модели, в самом начале принимали фамилию, а не отчество. По нашему мнению, это объясняется тем, что буряты изначально имели свои фамилии — родовое имя и к тому же соблюдали обычаи табуирования при обращении молодого поколения к старшему поколению — запрет при обращении к старшему с упоминанием имени его отца. Причём большинство родовых имён бурят на фоне патриархальной социальной системы образовались от имени отца. Вот этот факт как раз может объяснить, почему бурятские фамилии основывались на личных именах отцов. С другой стороны, из-за того, что бурятские фамилии были основаны на личных именах отцов, поэтому они не имели наследуемость до того, как у бурят фамилия постепенно становилась официальной антропонимической категорией с наследуемым характером, которая идентифицирует кровнородственных людей, выделяя юридически семью как мельчайшую ячейку этноса, государства, так же, как родовое имя действовало в прошлом.

Кроме того, по нашим наблюдениям, в настоящее время изредка встречаются фамилии с антропоформантами бурятского языка как *-о/-он*, *-у/-ун*, *-н/-ин/-ын/-ийн*, *-ай/-ой/-э*, но значительно большей распространенностью обладают фамилии с русскими антропоформантами *-ов/-ев*, *-ин* с соответствующими формами женского рода. Нам кажется, что это явление можно объяснить с двух позиций: 1) у этих русских формантов более абстрактный характер, чем у бурятских формантов, при употреблении их не отражается апеллятивное значение фамилии; 2) доминанта русского языка постепенно вытесняла из социального пространства бурятский язык. Делопроизводство у бурят в настоящее время ведется полностью на русском языке, в официальных документах имена и фамилии бурят обычно даются в русском оформлении.

2.1.3. Отчество

Отчество в качестве части родового имени присваивается ребёнку по имени отца. Употребление отчества у русских известно с первых письменных памятников. Отчество не было распространено у монголов. Ни в одном из монгольских памятников («Сокровенном сказании монголов», «Алтан тобчи» и др.) не зафиксировано этой антропонимической категории. С древних времен в Монголии при именовании человека имя отца не упоминалось, а часто указывалось имя личности. Но в более поздний период в официальных случаях перед именем денотата употреблялось имя его отца в форме родительного падежа.

С самого начала своего становления Монгольская Народная Республика поддерживала тесную связь с Советском Союзом, который оказывал большое влияние на развитие монгольского общества, в том числе и в области духовной культуры. Это влияние проявилось и в реформе письменности в Монголии. В 1940-х гг. вслед за Бурятией в Монголии старомонгольская письменность постепенно была заменена на кириллицу.

Эта письменность в основном совпадает с русской и более всего с современной бурятской графикой (отличие от последней всего в две буквы *ө*, *һ*). Тесные общественно-политические и экономические контакты, взаимное признание государств и связанные с этим плотное сотрудничество способствовали употреблению в полном имени монгольских официальных лиц имени отца в родительном падеже (в функции фамилии). В этом случае имя выступало своеобразным аналогом русской фамилии.

Очевидно, что использование монголами имени своего отца является результатом унаследованных национальных традиций и в то же время это стало началом восприятия европейской культуры, в большей степени советской. Таким образом, в Монголии сначала официально появилось отчество, основанное на использовании форм родительного падежа со значением принадлежности лица отцу, выступавшее аналогом русской фамилии. Формантами отчества монгольского языка являются *-ын/-ийн/-н*, *-ны/-ний*. Например, *Баатрын Эрдэнэ* ‘Эрдэнэ Батора’, *Итгэлтийн Бат* ‘Бат Итгэлта’, иными словами, Батора сын Эрдэнэ и Итгэлта сын Бат. Для монголов, которые не используют фамилию в общении, отчество действительно выполняло в определённой степени идентифицирующую функцию, близкую к фамилии в русской традиции, особенно при случаях совпадения одинаковых личных имен.

В целом, монгольские патронимы (имя отца в родительном падеже в функции фамилии) сходны с исландскими. «Исландский патроним представляет собой сложное слово, состоящее из имени отца в родительном падеже и элемента *son* «сын» (связанная форма существительного *sonur*) или *dóttir* «дочь» в зависимости от пола» [Шенявская, 2008, С. 68]. Примечательно, что и русские фамилии изначально образовывались по модели «чей сын» или «чья дочь»: *Иváнов Пётр* → чей Пётр сын? *Иváнов*, т. е. *Ивана*. Отсюда же и вопрос «чей / чья будешь?», трансформирующийся с появлением фамилий в «чьих будешь?». Вопрос «чей будешь?» также предполагал ответ со значением «принадлежащий кому-л.» по крепостному

праву, что способствовало появлению у черни фамилий Князев, Царёв, Баринов, иными словами, холоп, крепостной князя, царя, барина и т.п.

У монголов АРВМ в официальных документах отсутствует отчество. Мы считаем, что главной причиной этого является то, что в системе именования китайского языка нет места для отчества, а монголы Внутренней Монголии в качестве пользователей двуязычной системы именования, соблюдают систему именования китайского языка. В 80-ых годах прошлого века участились случаи, когда монголы не знали своих родовых имен. Это связано с тем, что в 1966–1976 гг. во время культурной революции были преданы забвению монгольские родословные, утрачены родовые имена. В это время новые монгольские фамилии образовывались от имени отца при помощи родительного падежа или в сочетании со словом *обогтой* ‘с ... фамилией’, как, например, *Эрхэмбаярын Батнасан* ‘Батнасан Эрхэмбаяра’, *Бүргэд овогтой Төгөс* ‘Төгөс с фамилией Бүргэд’ и т.д. [Баатар, 1986, С. 101].

В то же время, фамилии такого типа постепенно исчезали и сформировались новые их формы, при образовании которых использовался первый слог или звук имени отца перед личным именем, также перед личным именем добавляется точка. Например, *Э. Батнасан, Б. Төгөс*. Данные формы фамилий становились основой для официальной записи отчества. Между тем, в конце 80-х годов прошлого века со времени установления дипломатических отношений между Монголией и Китаем, АРВМ испытала на себе большое влияние Монголии, в связи с чем стали применяться формы отчества, образованные при помощи аффикса родительного падежа, присоединенного к имени отца. Таким образом, у монголов АРВМ отчество могло образовываться двумя способами:

1. Сокращённое отчество — первый слог или звук имени отца перед личным именем, также перед личным именем при написании добавляется точка. Но здесь следует отметить то, по каким принципам употребляют первый слог или первую букву в качестве отчества. Согласно исследованию Баянбаатара, употребляется только гласная, если слово начинается с гласной,

а если согласной, то употребляется согласная с последующими гласными *a, i, o* или *ü*: *Э Содон — Эрдэнийн Содон, Ма Соёлт — Маибатын Соёлт, Хо Яруу — Хосбаярын Яруу*; если после первой согласной следуют гласные *e, ö, u*:, то пишется только согласная буква: *М Содо — Мэргэний Содо, М Туяа — Мөнхжаргалын Туяа, С Үнэнч — Сургалтын Үнэнч*.

Между тем, все отчества, которые пишутся в виде одной согласной, читаются с добавлением гласного звука «е», например, *М(мэ) Хасчулуу — Мөнхийн Хасчулуу* [Баянбаатар, 2004, С. 126-127].

2. Отчество, образованное с помощью суффиксов родительного падежа от имени отца. Применение данной формы тесно связано с влиянием Монголии, например, в АРВМ получают распространение такие полные имена, как: *Батсүхийн Чолмон, Зоригтын Хүслэн*.

Данные формы отчества обычно используются в монгольской письменности, но не в официальной китайской транслитерации или записи в официальных документах. Именно поэтому отчество можно считать полуофициальной антропонимической категорией. С другой стороны, при обращении отчества используются не часто. Только тогда, когда старшее поколение в обществе обращается к молодому или ровесники друг к другу может использоваться модель “инициал отчества + личное имя”, чтобы определить конкретного индивида. Будет оскорблением, если молодое поколение к старшему обращается по этой модели. Потому что монголы считают, что обычно только люди старшего поколения или одного и того же поколения могут напрямую называть друг друга по имени и отчеству.

Отчество для бурят также является относительно новой заимствованной от русских антропонимической категорией, как и фамилия. Об этом же пишет А. Г. Митрошкина: «Если третьим, наиболее поздним по времени возникновения элементом именованья русских людей является фамилия, то среди множества категорий имен бурят самой новой категорией является отчество, заимствованное у русских. Собственно заимствована модель именованья -ович/-евич, -овна/-евна; значение этой модели исконное

— ‘чей сын? чья дочь?’ ... это привело к тому, что имя по отцу (отчество) обрело способность выполнять такую важную социальную функцию, как средство обращения к индивиду в речевой практике, аналогично фамилии» [Митрошкина, 2007, С. 266].

Ввиду того, что буряты применяют терхкомпонентную модель именования, принятую в России, отчество считается одной из официальных антропонимических категорий. Как показывает практика, модель “личное имя + отчество” широко используется среди бурят, особенно в официальной обстановке: *Туяна Владимировна, Бато Жаргалович, Баир Сергеевич*. Мы считаем, что отчество при такой модели дополнительно идентифицирует индивида, особенно когда речь идет о тезках. Кроме того, отчество у бурят выполняет и другие функции. Как пишет Л. Е. Забанова: «Во многих случаях таким образом выражают уважительное отношение к человеку. Общепринято такое обращение к людям старшего возраста, к людям, пользующимся авторитетом в обществе. Вторая функция такой модели — служить формой обращения людей друг к другу в ситуациях официального характера (например, на работе между начальством и подчиненными, в школе между учителями и школьниками)» [Забанова, 2000, С. 132].

Как известно, большинство отчеств у бурят образуется от имени отца. Кроме того, бывают случаи, что отчество образуется от имени деда (дедичество), матери (матроним). Например, *Цырендашиев Болод Бабуевич, Долгор Дулмаевна* [Митрошкина, 2007, С. 267]. Исходя из вышесказанного, мы приходим к выводу, что отчества у монголов АРВМ и у бурят России выполняют в определённой степени идентифицирующую функцию, неофициально — в АРВМ, официально — в Бурятии. Кроме того, использование у бурят отчества вместе с личным именем обычно выражает уважительное отношение к человеку.

2.2. Неофициальные именные формулы

Одновременно с официальной антропонимической системой существуют системы бытовые, отличающиеся от нее — неофициальная антропонимическая система. В ономастических работах они обычно квалифицируются как гипокористики, или неканонические, сокращённые, уменьшительные, ласкательные или уничижительные имена [Подольская, 1978, С. 69–77]. В состав неофициальных именных формул входят прозвища, псевдонимы, клички, криптонимы, уличные фамилии и др. Но самыми типичными из них являются прозвища. Кроме того, неофициальные личные имена, в которых отражается большое культурное богатство и образ мыслей монголов и бурят, представляет большой интерес для исследователя.

2.2.1. Прозвища

Л. В. Шулунова справедливо определяет понятие “прозвище” как «вторичное, неофициальное именование человека, употребляемое одновременно с личным именем в определенном кругу общества и характеризующее то или иное свойство, качество индивидуума или его отношения с объектами реальной действительности» [Шулунова, 1985, С. 15]. Она ещё всесторонне и точно описывает его специфику: «Прозвища представляют собой языковые знаки, обеспечивающие общение людей, значит, на их примере можно рассматривать явления языка как средства коммуникации. Как разновидность языковых знаков, прозвища могут помочь и в выяснении разрядов языковых знаков, их особенностей. Будучи именованиями повторного характера, прозвища, в отличие от других онимов, наиболее наглядно демонстрируют связь структуры номинации с номинантом или, иными словами, мотивированность языкового знака как способа обозначения.

Обращает на себя внимание последнее свойство прозвищ, поскольку оно наиболее интересно в плане выявления специфики антропонимов. Прозвища относятся к разряду имен собственных, появление единиц

которого всегда мотивировано. Следовательно, в этом отношении прозвища имеют отличительную черту по сравнению с именами нарицательными и даже некоторыми разрядами собственных имен, мотивированность которых не носит обязательный характер» [Шулунова, 1995, С. 96].

А. В. Суперанская по поводу прозвищ также замечает: «В отличие от древнего именного фонда, с трудом поддающегося дешифровке, прозвища представляют собой вечно юные образования. С этой точки зрения, если сам по себе принцип присвоения прозвищ относится к древнейшему, то слова, его составляющие, — к новым и новейшим для каждой эпохи. Это обеспечивает постоянное обновление прозвищ» [Суперанская, 2007, С. 27].

Кроме того, мы видим, что прозвищем не сам номинант себя называет, оно дается окружающими людьми. Прозвище в монгольском языке переводится как *хоч*, оно преимущественно содержит негативную семантику. Об этом можно узнать через словосочетания, в которых входил *хоч*, как, например, *хоч өгөх* ‘называть другого с осмеянием’ (букв. ‘прозвище дать’), *нэр хоч* ‘подмоченная репутация’ (букв. парное сочетание ‘имя прозвище’ с общим значением ‘прозвище’), *нэг нэр хоёр хоч* ‘репутация испортится’ (букв. ‘одно имя, два прозвища’). В бурятском языке оно называется как *ара нэрэ* ‘скрытое имя’ (букв. ‘заднее имя’ или ‘имя за спиной’, т.е. «имя, которым человека называют за его спиной») или *наадалхан нэрэ* ‘имя, данное в насмешку’, поэтому понятие прозвища в монгольском и бурятском языке аналогично.

Прозвища, как и любые имена собственные, выполняя номинативную функцию, являются, по сути, второстепенными элементами-антропонимами. Но в отличие от официальных имен, прозвища как средство коммуникации характеризуют человека по тем или иным его специфическим свойствам и качествам. Монгольские и бурятские прозвища, основываясь на особенных характеристиках человека, сформировали богатый фонд имен. Многомерность прозвищ как лингвистического объекта дает возможность проведения разноаспектных классификаций. По мнению Л. В. Шулуновой,

классификация бурятских прозвищ предусматривает деление их на морфологические прозвища и неморфологические прозвища [Шулунова, 1985, С. 64]. Этот принцип классификации применим к монгольским прозвищам.

К морфологическому способу образования монгольских прозвищ относятся деривация и основосложение. Помимо указанных способов, бурятские прозвища образуются также при помощи аффиксации, усечения, и аббревиации.

Деривация

Деривация (от лат. derivatio — отведение; образование) — процесс создания одних языковых единиц (дериватов) на базе других, принимаемых за исходные, обычно путем «расширения» корня за счет аффиксации или словосложения [Ярцева, 1990, С. 129-130].

В «Словаре лингвистических терминов» О. С. Ахмановой приведена следующая словарная статья: «деривация (аффиксальное словообразование) англ. derivation, фр. dérivation, нем. Ableitung, исп. derivaciön. Образование новых слов при помощи аффиксов (или посредством дез аффиксации) согласно словообразовательным моделям, свойственным данному языку» [Ахманова, 1996, С. 124].

В словаре Т.В. Жеребило сказано, что деривация это: «образование слова в языке по существующим моделям с помощью аффиксации, чередования звуков, словосложения, стяжения, развития новых значений и др. средств» [Жеребило, 2010, С. 88].

Деривация характерна как для монгольского языка АРВМ, так и для бурятского языка, поскольку у них общий грамматический строй. При помощи него чаще всего образуются прозвища, которые отображают какое-то внешнее или внутреннее свойство человека, поэтому прозвищами,

образованными при помощи деривации, чаще всего являются имена прилагательные. Одними из самых распространенных аффиксов, образующих монгольские и бурятские прозвища оказались следующие аффиксы (в обзоре и анализе приводится частичный сравнительный анализ):

1) аффикс *-з* (бур. *-з*) образует имена прилагательные от глагольных основ со значениями, характеризующими физические, телесные качества людей. Прозвища с данным аффиксом используются в АРВМ как *Хавчиг* ‘сплюснутый с боков’, *Шойшиг* ‘бинтованные ноги (о женщинах)’, *Бээрэг* ‘зябкий, быстро мерзнувший; мерзляк’ (ПМА, г. Хайлар).

2) аффикс *-гар/-гэр/-гор/-гөр* (бур. *-гар/-гэр/-гор*) образует имена прилагательные с несколькими значениями, в том числе два из них являются основой для образования прозвища с данным аффиксом. Первое значение представляет собой описание внешнего вида частей тела человека; второе — описание внешнего вида животных [Дондуков, 1964, С. 73]. Например, *Анигар* (бур. *Анигар*) ‘узкоглазый, прищуренный’ — у денотата очень узкие глаза, не дотягивающие до средней нормы окружающих, *Гэдгэр* (бур. *Гэдэгэр*) ‘с выпяченной грудью, горделивый’ — денотат имеет свойство без меры и основания гордиться собой, своими делами, как в русском фразеологизме «ходить гоголем», *Арзгар* (бур. *Арсагар*) ‘грубошерстный’ — у денотата грубые жесткие волосы.

С древности монголы и буряты в основном занимались, собирательством, охотой и кочевым скотоводством. Животные составляли основу их жизни, быта, и они плотно контактировали с животными. Они часто проявляли эмоции по отношению к животным, находя у них некоторые сходства с человеком (симпатия, трепет, восхищение и т. п.). Со временем они нарекают себя названиями животных [张同胜, 2018, с. 4]. И буряты, входящие в состав монголоязычных народов, не являются исключением. По нашему мнению, монголы и буряты часто употребляли слова, описывающие свойства или характерные черты животных: *Аржгар* (бур. *Арсагар*

‘шершавый, грубошерстный’). К тому же многие прилагательные, описывающие характеристики людей и характеристики животных, являются общими: монг. *Буржгар*, бур. *Буржагар* ‘кудрявый, вьющийся, волнистый (о волосах)’, монг. *Хумигар* лит.-бур. *Хумигар* ‘приплюснутый, сплюснутый (об ушах)’ и т.д. Поэтому значительное количество прозвищ образовалось при помощи имени прилагательных с аффиксом *-гар*. Основной для отглагольных прилагательных, образованных при помощи этого суффикса «является обозначение форм, объема и размера, представляющихся в образном виде» [Грамматика, 1962, С. 122];

3) аффикс *-даг/-дэг/-дог/-дөг* (бур. *-даг/-дэг/-дог*). Прилагательные посредством аффикса *-даг* образуются от глагольных основ и имеют значения: а) склонный к какому-либо действию, что обозначается производящей основой; б) обладающий каким-либо качеством или свойством, что обозначается производящей основой [Дондуков, 1964, С. 97]. Обычно прозвища с аффиксом *-даг* основываются на первом значении, потому что с помощью данного аффикса возможно описывать какое-то действие, которое часто повторяется номинантом. Например, *Айхгүй Ордог Ариунбилэг* ‘Ариунбилэг, вступающий в бой храбро’, *Дайраад Ордог Далай* ‘Далай, идущий напролом’, *Үсрээд Ордог Өлзий* ‘Олзий, вступающий в бой с прыжка⁵’, *Худал Хэлдэг Дэлгэр* ‘Дэлгэр, лгущий часто’, бурятские примеры: *Зодолдог* ‘драчливый; драчун’; *Зайдаг* ‘гулящий; гуляка’;

4) аффикс *-мал/-мэл* (бур. *-мал/-мэл*) образует имя прилагательное от глагольных основ. Прозвища с данным аффиксом образуются по признаку и образу деятельности номинанта в монгольском языке, но они не получили распространения в бурятском языке: *Сунамал* ‘растянутый’ (изображает высокий рост человека как растянутый), ср. русск. *долговязый*, *Тэнэмэл* ‘бродячий, бродяга’ (человек, который часто не сидит дома), *Суумал Бурхан* ‘сидячий бог’ (человек, который работает с другими, сидя за столом), *Даамал*

‘порученный, возложенный’ (человек, которому часто поручен отвечать банкет);

5) аффикс *-мхай/-мхой/-мхий* (бур. *-мхай/-мхэй/-мхой*) образует от глагольных основ имена прилагательные со значением: а) подверженности действию, обозначенному в производящей основе б) пристрастия к действию, обозначенному в производящей основе. Данный аффикс наблюдается в таких монгольских и бурятских прозвищах, как: монг. *Идэмхий*, бур. *Эдимхэй* ‘прожорливый; обжора’, монг. и бур. *Аймхай* ‘боязливый; бояка, трус’, монг. *Ичимхий*, бур. *Эшэмхэй* ‘стыдливый’, монг. *Мартамтхай*, бур. *Мартамхай* ‘забывчивый’. В бурятском языке последнее прозвище расширяется собственно антропонимом *Мархай*: *Мартамхай Мархай*. Данное сочетание может сокращаться уже до *Мархай*, но сохраняет значение прилагательного;

6) аффикс *-мтгай/-мтгой/-мтгий* (бур. нижеудинский говор *-мтагээ/-мтэгээ* [Рассадин, 2008, С. 194]) образует ряд прилагательных, аналогичных по значению предыдущим. В обычном случае монгольские прозвища с данным аффиксом содержат неотрицательные оценки. Например, *Аймтгай* ‘трусливый’, *Ичимтгий* ‘застенчивый’. А в бурятских прозвищах данный аффикс не обнаруживается. В. И. Рассадин в своей работе отмечает этот аффикс на примере нижеудинского говора, который он подробно исследовал в ходе своих экспедиций. Этот аффикс употребителен только в нижеудинском говоре бурятского языка;

7) аффикс *-нхай/-нхой/-нхий* (бур. *-нхай/ -нхэй/ -нхой*) образует от глагольных основ имена прилагательные со значениями: а) подвергшийся какому-либо действию, б) выражающий результат какого-либо действия, обозначенного производящей основой. Данный аффикс, образующий прозвища, также наблюдается только в монгольском языке и отсутствует в бурятском. Например: *Туранхай* ‘исхудававший, тощий; тощак’, *Унтанхай* ‘сонливый; соня’, *Нусанхай* ‘сопливый’, *Түлэнхий* ‘обгорелый, обгоревший, обуглившийся’;

8) аффикс *-ран/-рэн* (бур. *-ран/-рэн/-рон*) образует от глагольных основ имена прилагательные со значениями: а) характеризующийся каким-нибудь физическим недостатком; б) склонный к чему-нибудь, что обозначается производящей основой. Нередко встречаются монгольские прозвища с аффиксом *-ран*, которые подчеркивают плохие привычки номинанта. Например, *Унгаран* ‘часто страдающий газоиспусканием’, *Бааран* ‘страдающий недержанием кала’, *Шээрэн* ‘страдающий к недержанию мочи’, Бурятских прозвищ с данным аффиксом не зафиксировано;

9) аффикс *-т/-тай/-тэй/-той/-төй* (бур. *-та/-тай/-тэй/-той*) часто образует имена прилагательные и существительные от имен существительных. В том числе аффикс *-т* в отличие от аффикса *-тай*, который образует от именных основ качественные прилагательные с абстрактным значением, образует только относительные имена прилагательные [Дондуков, 1964, С. 81]. Хотя при помощи этого аффикса часто образуются антропонимы в монгольском и бурятском языках и прозвища в монгольском языке, но мы не заметили прозвища с данным аффиксом в бурятском языке. Примеры: *Сахалт* ‘бородатый’, *Улаан Гуталт* ‘обутый в красные сапоги’, *Ууртай Шар* ‘вспыльчивый человек, у которого светлая кожа’, *Мэнгэт* ‘имеющий родимое пятно, с родинками’ (о человеке с заметным родимым пятном), *Зоостой Чимэд* ‘богатый Чимид’ (букв. Чимэд с монетой; ср. рус. звонкая монета).

10) Аффикс *-уур/-үүр* (бур. *-уур/-үүр*) преимущественно образует имена существительные от производных глагольных имен. Прозвища с данным аффиксом в обоих языках наблюдаются. Примеры монгольского языка: *Идүүрийн Сав* ‘корыто для кормления домашних животных’ — от *ид(эх)* ‘есть, кушать’, *Хамуур* ‘грабли’ (о скупом человеке), *Зүлгүүр* ‘тряпка’ (о человеке лстящем) — от пословицы «*Усан гулгуур тосон зүлгүүр*» (описывает лстящего человека), примеры из бурятского языка: *һаршагануур* — *һаршагана(ха)* ‘шелестеть’; *Шаихуур* — *шаиха(ха)* ‘кричать’ (о крикливом человеке).

11) Аффикс *-ч/-чин* (бур. *-ша/-шэ/-шо*; *-шан/-шон/-шэн*). В среднем и современном монгольском языке аффикс *-ч* обозначал единственное число и аффикс *-чин* — множественное число. Например: § 169. *aduuči ino Badai* ‘табунщик Бадай’ [Козин, 1941, С. 249]; § 219. *Badai, Qisliq qoyar keesu, Ceren-o aduučin ajuui je* ‘А кем были Бадай с Кишлыком? Цереновскими конюхами’ [Козин, 1941, С. 286]. Но в современном монгольском языке у рассмотренных аффиксов исчезла дифференция числительного значения, и появилась тенденция на то, что аффикс *-ч* употребляется для образования прилагательных, аффикс *-чин* для образования существительных [Сэцэнбат, 1988, С. 2818]. Например: *Үнэнч* ‘честный’, *Ардач* ‘демократичный’, *Ажилч* ‘трудолюбивый’; *Малчин* ‘пастух’, *Адуучин* ‘табунщик’, *Хоньчин* ‘чабан’. В отличие от монгольского языка, данный аффикс в бурятском языке функционирует как два суффикса *-ша/-шо/-шэ* и *-шан/-шон/-шэн*. Но они оба могут образовывать имя существительное: *малша* ‘животновод’ и *малшан* ‘пастух’; *газарша* ‘проводник, путеводитель’ и *газаршан* ‘хлебороб, земледелец’ [Дондуков, 1964, С. 63]. Однако аффикс *-ша* в словах может выражать имя деятеля, профессию, склонность лица к чему-либо, специфические черты и особенности, имеющие постоянный характер. А аффикс *-шан* в основном обозначает различные профессии людей, приобретенные в определенном роде производственной деятельности [Дондуков, 1964, С. 63].

В связи с вышеизложенной причиной, в бурятских прозвищах больше наблюдаются прозвища с аффиксом *-ша*, и меньше — с аффиксом *-шан*. Например: *Зурбайша* ‘бесстыдник’ — *зурбай(ха)* ‘быть открытым, голым’, перен. ‘быть бесстыдным’; *Мэдээшэ* ‘всезнайка’ — *мэдэ(хэ)* ‘знать’, *Тогоошон* ‘повар, кухарка’, *Тээрмэшэн* ‘мельник’. В монгольских прозвищах встречаются оба варианта *-ч* и *-чин*. Например: *Худалч Баатар* ‘врун Батор’, *Хулгайч Пүрэв* ‘вор Пурбо’ *Харамч Далай* ‘скупой Далай’, *Тогооч Чулуу* ‘повар Чулу’; *Бадарчин* ‘странствующий монах’, *Дуучин* ‘певец’ (о поющем любителе, который плохо поет).

Кроме того, в бурятском языке, порой, встречаются прозвища с аффиксом *-лиг*, который обычно образует имя прилагательное от существительных со значением, обозначающим какую-нибудь часть тела, особенность или принадлежность внешнего вида человека: *Мяхалиг* ‘мясистый’, *Уналиг* ‘похожий на воду, т.е. рыхлый, расплывшийся’.

Словосложение

Словосложение — это цельнооформленное соединение двух и более морфем, выступающих в качестве корневых в отдельных словах [Ахманова, 1966, С. 415].

В антропонимиконе монголов АРВМ наблюдается значительное влияние китайского языка, в том числе и в образовании прозвищ. В прозвищах монголов АРВМ часто встречаются некоторые китайские заимствования, которые употребляются перед личными именами номинантов, чтобы отличать их от тёзок и выделять физические свойства номинантов как характерную черту. Самыми популярными из этих заимствованных слов являются *Da* 大 ‘большой’ и *Xiao* 小 ‘маленький’, *Pang* 胖 ‘полный’. К примеру, *Сяо Чулуу* (Чулуу, невысокого роста), *Да Хүслэн* (Хүслэн, высокого роста и старше по возрасту), *Пан Гэгэнхас* ‘Гэгэнхас, которая по фигуре полна’. Таким образом, в бурятских прозвищах также употребляется данный способ при помощи исконных слов. Например, *Тарган Базар* — *тарган* ‘толстый, тучный’, *Жаахан Мүнхөө* — *жаахан* ‘маленький’.

Аффиксация

В образовании бурятских прозвищ чаще используется аффиксация, которая не употребляется в монгольских прозвищах АРВМ. Этот способ можно разделить на два подкласса.

1) Аффиксы бурятского языка. Большинство аффиксов, образующих бурятские прозвища, также и образуют бурятские личные имена. Поэтому мы можем считать, что эти аффиксы сначала образовали прозвища, потом по

мере того, как появились новые антропонимические категории стали служить формантами бурятских личных имен:

а) *-аа/-оо/-уу/-ии/-ээ/-үү/-өө*: прозвища с помощью данного суффикса образуются и от существительных, прилагательных и слов других частей речи. Также формируются от личного имени или фамилии. Например: *Бурзаа* — ср. *бурза(гар)* ‘негладкий’, *Шолоо* — от *шоло(гонохо)* ‘лепетать’, *Хэлтэгээ* ‘кривой, косой’ — от *хэлтэгэр* ‘покосившийся, наклонный: кособокий, кривобокий’, *Пирзээ* ‘пройдоха, плут’; *Зандраа* — ср. *Занта(гар)* ‘головастый, большеголовый’.

б) *-аан/-оон/-уун/-үүн/-ээн*: данный аффикс в принципе образует прозвища от основ разных категорий слов, даже от личных имен. Например: *Нуутагаан* — от *нуутага(наха)* ‘быть запачканным, неопрятным’, *Бамбаан* — от *бамба(гар)* ‘пушистый; пухлый’, *Бэлтээн* — от *бэлтэ(гэр)* ‘выпученный, вытаращенный’, *Шалхаан* ‘упитанный’ — от *шалха(гар)* ‘обрюзгший, отвисший’. *Пахлаан* — ср. *Пахагар* ‘коренастый’, *Гылгүүн* — от фамилии *Гылыков*. Аффиксы *-оон/-уун* также часто могут представлять собой суффикс родительного падежа старомонгольской письменности, которые употребляются в качестве антропоформанта в бурятских фамилиях в прошлом и в настоящее время, например, *Болодон*, *Базарон*, *Дондубон*. В прозвищах же форманты *-ов/-ев* часто заменяются именно ими: *Шэмэдүүн* — от фамилии *Чимитов*.

в) *-ай/-ой/эй*: данный суффикс в апеллятивной лексике образует разные части речи. При образовании имен прилагательных данный аффикс употребляется с уменьшительно-ласкательным значением или со значением ‘склонный к тому, что обозначено производящей основой’. На основе этих значений данный суффикс образует прозвища от имён прилагательных. Например: *Пампай* — от *пампа(гар)* ‘пухлый’, *Баахай* — от *баахан* ‘маленький’, *Онгой* — от *онгогор* ‘ротозей’, *Михуулай* — от *Михаил*.

г) *-аадай/-ээдэй/-оодой*: данный аффикс в именах употребляется с уменьшительно-ласкательным значением, но в прозвищах преимущественно

употребляется со значением ‘склонный к чему-нибудь’ плюс уменьшительное значение. Например: *Дагаадай* — от *дага(гар)* ‘грязный’, *Жаадай* — от *жаа* ‘маленький’, *Пампуудай* — от *пампа(гар)* ‘пухлый’, *Алсагаадай* (кривоногий) — от *алсагар* ‘раскоряченный’, *Морхоондой* — ср. *Морхо(гор)* ‘горбатый (о носе)’, *Борхоондой* — ср. *Борхо(гор)* ‘невзрачный’, *Бэшыдэй* — от *Биши(хан)* ‘маленький’, *Эрхүүдэй* — от *Эрхүү* ‘капризный’.

д) *-ди*: по нашим материалам, данный аффикс преимущественно употребляется при образовании неофициальных личных имен бурятского языка. Скорее всего, под влиянием таких имен, этот аффикс и вошёл в прозвища вышеупомянутого языка. При присоединении этого аффикса, предстоящая гласная переходит в разряд долгих. Например: *Зузаади* ‘толстый’ — от *зузаан* ‘толстый’, *Таргаади* ‘толстый’ — от *тарган* ‘толстый’. *Мужхууди* — ср. *мужаха* ‘скрючиваться’, *Бухади* — от *буха* ‘бык’, *Морхоонди* — ср. *морхогор* ‘горбатый (о носе)’, *Муханди* — от *муха* ‘милый, милая (при обращении к ребёнку)’.

е) *-лай/-лой/-лэй*: данный аффикс употребляется в нарицательных и антропонимах монгольского и бурятского языка. Однако в качестве форманта прозвища, он не наблюдается в монгольском языке АРВМ. Например: *Үнгэлэй* ‘имеющий злую мысль’ — от *үнгэ* ‘наружность, вид’, *Шобоолой* ‘выпендрожник’ — от *шобогор* ‘выпуклый, выдающийся’, *Сагаалай* — от *сагаан* ‘белый’, *Шарлай* — от *шара* ‘жёлтый’. *Шоолой* — от имени *Шойбалсан*.

ё) *-ли*: данным аффиксом образуются существительные от глаголов в апеллятивной лексике монгольского и бурятского языков. В качестве форманта прозвища, он в бурятском языке наблюдается. Например: *Зантуули* — от *зантагар* ‘головастый’. *Пүнгүли* — см. *пүнсэгэр* ‘пухлый, полный’.

ж) *-луу*. Как мы полагаем, данный аффикс преобразован из аффикса *-руу* при фонетическом изменении. По нашим собранным материалам, он не наблюдается в прозвищах монгольского языка. Ниже примеры прозвищ бурятского языка: *Шарлуу* — от *шар* ‘желтый’, *Харлуу* — от *хар* ‘черный’.

з) *-май/-мой/-бой/-мэй*: данный аффикс редко употребляется в образовании апеллятивной лексики. Личные имена с помощью аффикса *-май* образуются от именных и глагольных основ [Митрошкина, 2007, С. 167], например: *Утамай* — от *ута* ‘длинный’.

и) *-най/-ной/-нэй*: По замечанию А. Г. Митрошкиной, личные имена с аффиксом *-най* образуются от именных и глагольных основ [Митрошкина, 2007, С. 167]. При помощи данного аффикса также образуются и прозвища. В этом случае происходит процесс удлинения предшествующего аффиксу гласного, например: *Муханай* ‘плохиш’ — от *муухан* ‘плохой’.

к) *-ни*: мы не заметили употребление данного аффикса в апеллятивной лексике бурятского языка, а в монгольском языке он может из существительных, прилагательных и глаголов образовать те же части речи. Однако в монгольских прозвищах нам не наблюдался этот аффикс. Пример бурятского прозвища: *Мохоони* — от *мохоо* ‘тупой’. *Утухни* — от *ута* ‘длинный’.

л) *-хай/-хэй/-хой*: данный аффикс употребляется в названиях живых существ с уменьшительно-ласкательным значением, но в прозвищах преимущественно употребляется со значением уменьшительности. Например: *Шантаахай* — от *шантагар* ‘курносый, вздёрнутый (о носе)’, *Үндэрхэй* — от *Үндэр* ‘высокий’, *нахалтахай* — от *нахалта* ‘бородатый; усатый’, *Мордонхой* — ср. *мордогор* ‘большой’, *Морхой* — от *Морхогор* ‘горбатый’, *Малаахай* — от *малаан* ‘лысый’.

м) *-хан*: в апеллятивной лексике данный аффикс в основном образует имена прилагательные со значением уменьшительности и ласкательности. Однако в прозвищах эта ласкательность приобретает оскорбительный оттенок. Например: *Ноёхон* — от *ноёон* ‘начальник’; *Бүтүүхэн* — от *бүтүү* ‘закрытый, глухой’, *Мууихан* ‘косолапый’ — от *муихаха* ‘крутить, вертеть; скручивать’. Аффикс *-хан* *Балдуухан* — ср. *балдагар* ‘толстый и приземистый’, *Баянхан* — от *баян* ‘богатый’, *Ибиихэн* — от *ибиш* ‘мать; бабушка’.

н) *-тан*: согласно замечанию У-Ж.Ш. Дондукова, данный аффикс образует имена с 6 значениями. В одном из значений аффикс *-тан* образует имена, обозначающие группу живых существ, людей по принадлежности их к государству или роду, или семейству [Дондуков, 1964, С. 12]. Как следствие, создавались такие прозвища, как: *Дунгытан* — по местности Дуны; *Шаазгайтан* — по местности *Шаазгай*; *Урваантан* — по местности *Урваан*.

2) Аффиксы, заимствованные из русского языка. По мере того, как среди бурят распространялся бурятско-русский билингвизм, большинство бурят параллельно начали использовать русский язык наряду с бурятским. В связи с этим в прозвищах и даже в бытовых, домашних, фамиллярных формах личных имен появились аффиксы из русского языка:

а) *-ошк/-ешк*: *Түлезшкэ* — *түлээн* ‘дрова’; *Томоошк* — *томо* ‘крупный’.

б) *-ев*: данный аффикс образует прозвища, указывающие на склонности человека, при этом прозвище приобретает подобие фамилии, и это одна из популярных моделей бурятских фамилий. Например: *Гургалдаев* ‘соловьев’ — *гургалдай* ‘болотный воробей’ (Обладатель такого прозвища умеет красиво говорить, петь), *Шальбаев* — *шальба(ха)* ‘болтать, тараторить; лепетать’.

в) *-шкин*: данный аффикс образует прозвища, указывающие на склонности человека. *Налгайшкин* ‘Любезнов’ — от *налгай* ‘обходительный, вежливый’, *Толгойшкин* ‘Головин’ — от *толгой* ‘голова’ в значении ‘умный’.

г) *-чик*: Этот заимствованный из русского языка аффикс образует апеллятивные слова со значением уменьшительности и ласкательности в языке-доноре. При образовании прозвища в бурятском языке данный аффикс теряет значение ласкательности, а, скорее, выражает издевку. Например: *Бурханчик* ‘божок’ — от *бурхан* ‘бог’; *Хамарчик* ‘носик’ — от *хамар* ‘нос’.

д) *-очк/-ечк*: данный аффикс также образует апеллятивные слова со значением уменьшительности и ласкательности, но теряет ласкательное

значение при образовании прозвищ, при этом возникает ирония, насмешка. Например: *Малгаечка* — от *малгай* ‘шапка’; *Хурзочек* — от *хурзэ* ‘лопата’.

е) *-ха/-ка*: по поводу данного аффикса Ц. Б. Цыдендамбаев пишет, что «...в разговорном языке встречаются случаи, когда к бурятским собственным именам, по аналогии с фамильярно-бытовыми русскими именами *Ванька*, *Васька*, *Женька*, *Сашика*, *Петька* и т. п., прибавляется суффикс *-ха* (рус. *-ка*): *Хутаан* — *Хутаанха*, *Бата* — *Батууха*, *Табита* — *Табитууха* и др.»⁶. Интересно, что вариант *-ха* часто используется аффиксом женских номинантов на основании прозвищ их мужей. Например, *Пахлааниха* (ж.) — от *Пахлаан* (м.) — ср. *пахагар* ‘коренастый’, *Амариха* (ж.) — от *Амар* (м.) ‘неторопливый (по характеру)’, *Үндүриха* (ж.) — от *Үндэр* (м.) ‘высокий’, *Курбашиха* (ж.) — от *Курбаиш* (м.) ‘фамилия номинанта’, *Кабаниха* (ж.) — от *Кабан* (м.), и даже их ребёнка называют *Кабанята*.

В последнее время, по мере усиления влияния русского языка на бурятский язык, в бурятских прозвищах не только встречаются аффикс *-ха*, но и его исходная форма *-ка*: *Вааленха* — от *Валя* по созвучию с «валенки»; *Буржуйка* — от *буржа(гар)* ‘кудрявый’.

ё) *-шиха/-ихэ/-ихо*: данный аффикс представляет собой фонетическую адаптацию заимствованного из русского языка аффикса *-шк(а)*, который обычно выражает уменьшительно-ласкательное значение. Поэтому много уменьшительно-ласкательных имен русского языка образуется при помощи данного аффикса. Он в бурятском языке адаптирован в виде *-шиха/-ихэ/-ихо*, и в настоящее время употребляется в образовании прозвищ. Например: *Тартаашиха* — от *тартагана(ха)* ‘делать прерывистые движения’, *Бэлтээшихэ* — от *бэлтэ(гэр)* ‘выпученный, вытаращенный’, *Хонхуушиха* — от *хонхо* ‘звонок’.

Усечение и аббревиация

В бурятском языке прозвища образуются посредством усечения и аббревиации различных категорий имен. Очень часто образование прозвищ

---

⁶ Цит. по: [Дондуков, 1964. С.47]

производится путем усечения начала или конца производящей основы. Например: *Пиля* — от *Пильжид*; *Найман* ‘восемь’ — от фамилии *Найманов*; *Дума* — от *Дулма* ‘богиня избавительница, освободительница’; *Маага* — от *Амагалан*, *Товна* — от отчества *Чимитовна*. Следует заметить, что усечение, по всей вероятности, образует прозвища, которые имеют значение в области нарицательной лексики [Шулунова, 1985, С. 69].

Аббревиация образует прозвища в основном по трем типам:

а) инициальный: *БАМ* — *Бато-Мунко*, *ХАБ* — *Хархонов Алексей Борисович*;

б) слоговой: *Кузбас* — от *Кузьмин Базар*, *Рыба* — от *Рыгдынов Батожаргал*;

в) смешанный: *Ива* — от *Иринчеев Валерий*, *Сээдээ* — от личного имени именуемого *Сэрэн-Доржо*.

К неморфологическому способу образования монгольских и бурятских прозвищ относятся: онимизация и трансонимизация.

Онимизация [апеллятива] — «Переход имени нарицательного в имя собственное и его дальнейшее становление и развитие в любом разряде онимов» [Подольская, 1978, С. 96]. Онимизация основывается на именах нарицательных. В АРВМ данный способ образования прозвища реализуется в основном двумя путями: 1) из монгольского языка: *Үнэг* ‘лиса’, *Илжиг* ‘осёл’, *Бух* ‘бык’, *Тарган* ‘толстый’, *Өндөр* ‘высокий’ 2) из китайского языка: *Чжан Лан* ‘таракан’, *Эр Го Тоу* ‘названия одного сорта китайской водки’, *Ла Па* ‘рупор’. Бурятские прозвища образуются посредством данного способа на материале (1) бурятского: *Бардам* ‘хвастун’, *Бүдүүн* ‘толстый’, *Тугал* ‘телёнок’, и 2) русского языков: *Сорока* — от сорока, прозываемая крайне словоохотлива, *Генерал* — прозываемый в подвыпившем состоянии представлялся генералом [Маюрова, 2014, С. 18], *Мишка* — от мишка, прозываемый по фигуре, похожей на медвежью.

Трансонимизация — «переход онима одного разряда в другой» [Подольская, 1978, С. 152]. А. В. Суперанская описывает её как «один из

очень распространенных путей образования новых имен собственных всех разрядов посредством переноса известного имени в иной ономастический класс» [Суперанская, 2007, С. 46]. В монгольском языке АРВМ наблюдаются трансонимизированные прозвища от личных имен, отчеств особенно от исторически имен известных лиц, героев кино и художественных произведений, а также топонимических названий: *Чжо* — от *Жо*. *Хүслэн* (прозвище образовано от инициала отчества номинанта); *Сунь Чжун Шань* (прозвище образовалось из-за того, что внешность номинанта очень похожа на китайского известного революционера *Сунь Чжун Шань* 孫中山); *Балган* (прозвище образовано от имени героя фольклора, которого зовут *Балгансан*, из-за того, что номинант часто хвастается, как и данный персонаж). Здесь следует заметить, что при случае трансонимизации от топонимов, данные топонимы используются в родительном падеже: *Наймандайн Бөхөө* (Бөөхөө из Наймандай). Относительно трансонимизации бурятских прозвищ Л. В. Шулунова отмечает, что она охватывает процесс перехода в прозвища таких антропонимов, как личные имена, отчества, фамилии не только самих денотатов, но и иных лиц. Кроме того, прозвищами могут стать и топонимические названия [Шулунова, 1985, С. 71]. Например: *Тумур* — от фамилии *Тумуров*, *Пушкин* (прозванный хорошо декламирует стихи и сам их сочиняет), *Халюта* — от фамилии *Халютуев*, *Алхана-Гарма* (Гарма родом из улуса Алхана Забайкальского края).

Каждый человек имеет уникальную внешность, речь и поведение, личные увлечения и достижения. Одно или несколько из них часто оставляют относительно ясное и глубокое впечатление на других; другим (особенно тем, кто знаком) легко следить за этими впечатлениями в совокупности с воображением и ассоциацией мотивировавшей прозвище. Таким образом, независимо от того, является ли прозвище популярным или утонченным, похвалой или уничижением, оно может в разной степени отражать определенные индивидуальные характеристики вызываемого

человека. Люди могут узнать определённые качества или общие черты персонажа путём прозвищ, и с этой точки зрения, прозвище может считаться «тенью» названного. Согласно характеристике, прозвище в качестве единицы антропонимических категории идентифицирует названного, с одной стороны, и описывает особенность того человека, с другой, как и апеллятивные слова. Об этом справедливо замечает Л. А. Сергеева: «Прозвища по своей природе полифункциональны: в речи они выполняют функции характеристики, персонификации и оценки лица в каком-либо коллективе, а также функцию установления контакта» [Сергеева, 1991, С. 151]. Кроме того, Л. В. Шулунова на ономастическом уровне выделяет две функции прозвища: «есть делимитативная (различительно-выделительная) и дескриптивная (описательная) функции» [Шулунова, 1985, С. 32]. Но говоря в целом, основной функцией прозвищ является номинативная функция. «Эта языковая функция перекрывает собой все прочие функции имен, выделяемые в речи, и всегда им сопутствует» [Суперанская, 1973, С. 272].

Здесь ещё следует сказать о кличке. У клички всего три значения: 1. То же, что зооним; 2. Конспиративное прозвище у человека, находящегося в какой-либо тайной организации, в т. ч. партийная кличка у многих членов партии в период ее подпольного, нелегального существования⁷; 3. Шутливое прозвище [Подольская, 1978, С. 65]. Из вышеизложенных третье понятие входит в состав прозвищ. Способы образования у клички и прозвища аналогичны, поэтому большинство исследователей изучают кличку вместе с прозвищем. Тем не менее, между кличкой и прозвищем всё равно существует граница. По замечанию В. В. Дьяченко, граница «между прозвищем и кличкой человека заключается в том, что кличка может использоваться как прямое обращение к ее носителю, а прозвище — нет» [Дьяченко, 2007, С. 59]. По поводу этого мы полагаем, что сфера использования прозвищ ограничивается между номинаторами, а кличкой можно обращаться к самому

номинанту. В связи с тем, что способы образования прозвищ и кличек в монгольском языке АРВМ и бурятском языке принципиально не отличаются друг от друга, мы сочли возможным не уделять этому отдельного внимания.

2.2.2. Неофициальные личные имена

Личные имена как индивидуализирующий знак используются и в официальной сфере, и в неофициальной сфере. Однако в отличие от официальных формул, неофициальные личные имена всегда предусматривают вариантность личных имен. По нашим наблюдениям, для неофициальных личных имен в обоих языках чаще всего используются гипокористические формы, которые образуются в монгольском языке при помощи усечения, аббревиации, повторения и аффиксации, в бурятском языке дополнительно применяются деминутивы. В отличие от прозвищ, неофициальные личные имена имеют уменьшительно-ласкательный характер, поэтому данные имена помимо идентификационной функции выполняют коммуникативную функцию при обращении.

Усечение

В АРВМ и Бурятии способ усечения применяется во всех категориях личных имен, в соответствии с законом языковой экономии. В том числе в АРВМ структурно данный способ словообразования употребляется в простых, аффиксальных, составных именах и в отчествах. А в Бурятии вместо того, что усечение в отчествах, часто встречаются неофициальные личные имена, образованные при помощи комплекса усечения и аффиксации.

1) Усечение в простых именах

В простых именах монгольского языка АРВМ усечение в основном осуществляется посредством апокопы (усечение конца имени) и синкопы

(усечение середины имени), а в бурятском языке нам только наблюдалось первое.

«Апокопа [др.-греч.: αλοκοπε] — отпадение одного или нескольких звуков в конце слова: Вась вм.: Вася» [Жеребило, 2010, С. 36]. Данный способ хотя и не употребляется в разговорной речи монгольского языка, но в его антропонимах широко популярен. Например: *Цоомоо* — от *Цоморлиг* стпмя. *Ўomorliу* ‘бутон; нераспустившийся цветок’, *Ээнээ* — от *Энэрэл* стпмя. *Енерил* ‘милосердие; милость’, *Тунгаа* — от *Тунглаг* стпмя. *Tungyalay* ‘прозрачный’. Бывают случаи, что называть усеченные имена по подходящим китайским произношением как *Ами* 阿米 ми ‘рис’ — от *Алмас* ‘алмаз’, *Дами* 大米 Da mi ‘рис’ — от *Д. Алмас* ‘алмаз’, *Уя* 乌鸦 Wu ya ‘ворона’ — от *Уяхан* (*уян* ‘мягкий, пластичный’ + *хан*). В качестве примеров бурятского языка мы можем привести: *Була* — от *Булат* ‘сталь’, *Чина* — от *Чингис* ‘имя человека тысячелетия, основателя Великого Монгольского государства’, *Бутя* — от *Бутидма* ‘ведущая сына’, *Цыря/Цыра* — от *Цырен* ‘долгая жизнь’, *Амга* — от *Амгалан* ‘спокойный, мирный’, *Юмжээ* — от *Юмжэд* ‘счастье матери’ и т. д.

«Синкопа (эктлипсис) англ. syncope, syncorotation, фр. syncope, нем. Synkope, Ausstoßung, исп. sîncora. Выпадение звука или группы звуков внутри слова, особенно в положении между смычными; лат. calidus > caldus, solidus > soldus» [Ахманова, 1966, С. 395]. Данный способ употребителен и в монгольском языке, но применяется только в антропонимии. Например, *Баагаа* — от *Баялаг* стпмя. *Bayaliу* ‘богатство; сокровище’, *Найгаа* — от *Найраг* стпмя. *Nayiray* ‘композиция; поэзия’, *Цоомоо* — от *Цолмон* стпмя. *Ўolmon* ‘венера’, *Оогии* — от *Оргил* стпмя. *Oryil* ‘вершина, пик’.

По нашим наблюдениям, вышеназванные способы обычно реализуются в именах, состоящих из двух или более слогов.

2) Усечение аффиксальных имён

В аффиксальных именах усечение осуществляется при помощи опущения аффиксов (при этом опускаются и концевые звуки основы и / или удлиняются гласные на исходе основы) или синкопы. Выбор способа зависит от удобства произношения. Примеры выпадения аффиксов монгольского языка АРВМ: *Судлаа* — от *Судлалт* (*судлал* ‘изучение, исследование’+*т*), *Сайшаа* — от *Сайшаалт* (*сайшаал* ‘одобрение, похвала’+*т*), *Биший* — от *Биширэлт* (*биширэл* ‘вера, верование, суеверие’ + *т*), *Суртаа* — от *Сурталт* (*суртал* ‘учение; традиция’ + *т*); примеры синкопы: *Ээтүү* — от *Элбэрэлт* (*элбэрэл* ‘сыновнее почтение; милосердие’+*т*), *Дэмаа* — от *Дэлгэрмаа* (*дэлгэр* ‘благодатный; обильный’ + *маа* тиб. ‘мать’). Также приведем примеры из бурятского языка: *Бэлиго* — от *Бэлигто* (*бэлиг* ‘мудрость’ + *т*), *Бэлига* — от *Бэлигма* (*бэлиг* ‘мудрость’+ *ма*), *Соёла* — от *Соёлма* (*соёл* ‘образованность, воспитанность, культура’+ *ма*), *Баяс* — от *Баясхалан* ‘радость, веселье’.

3) Усечение составных имён

а) Усечение конечной части у составных имён

Тип такого усечения представляет собой самый популярный вариант способа усечения в монгольском языке АРВМ. В данном языке чаще всего, кроме дифтонгов или долгих гласных (в смысловой части составных имен редко встречаются основы, оканчивающиеся дифтонгами или долгими гласными), прочие гласные последнего слога заменяются долгими гласными, а в случае, когда имя оканчивается на согласный, то к нему прибавляются долгие гласные в соответствии с сингармонизмом. К примеру: *Алтаа* от *Алтангэрэл*, *Бөхөө* от *Бөхнасан*. Ещё следует отметить, что этот способ используется вне зависимости от возраста говорящих, но иногда за усеченным именем следуют термины родства как *ах*, *эгч* т.д., когда молодое поколение не только называет усеченные имена старшего поколения, но и подчеркивают их возраст. Например, *Сайнаа ах* — от *Сайнбилэг* ‘дядя Сайнбилэг’, *Өнөрөө эгч* — от *Өнөрцэцэг* ‘тетя Өнөрөө’. А в бурятском языке, при усечении конечной части наблюдаются случаи, что гласные последнего

слога такими же остаются или смягчаются, к примеру, *Буда* — от *Будажан* ‘защищенный Буддой’; *Дашиням* — от *Дашинима* ‘счастливое солнце’, *Дашня* — от *Дашинима* ‘счастливое солнце’, *Банзай* — от *Банзарагш* ‘пять защитников’. В отличие от монгольского языка АРВМ, при усечении, имя в бурятском языке оканчивается на согласный, и не всегда к нему прибавляются долгие гласные в соответствии с законом сингармонизма. Например, *Сайхан* – *Жаргалсайхан* ‘красивое счастье’, *Баян* — от *Баяндалай* ‘богатое море, неиссякаемое богатство’, *Наран* — от *Нарантуя* ‘солнечный свет’.

б) Усечение начальной части у составных имён

Помимо усечения финалей, данному явлению подвергается и начальная (инициальная) часть составных имен. Принципы такого усечения аналогичны с усечением финалей. Примеры: *Батаа* — от *Насанбат*, *Заяа* — от *Сайнзаяа*, *Хасаа* — от *Хасчулуу*, *Талаа* — от *Талынхүү*. В бурятском мы зафиксировали один пример: *Пика* — от *Цыремпил* ‘умножающий долгую жизнь’.

4) Усечение отчества

а) инициал отчества + усечение второго компонента

При частных употреблениях инициала отчества номинанта с его личным именем окружающими людьми, порой образуется сочетание инициала отчества с усечением передней части личного имени номинанта. Например, *На. Сайн* — от *На. Сайнцогт* < *Насаны Сайнцогт*; *Ва. Сайн* — от *Ва. Сайнцогт* < *Очирын Сайнцогт* (монг. *Очир*, стпмя. *wair*).

б) Усечение отчества в родительном падеже + термины “сын / дочка”.

Данный вариант используется в тех случаях, когда старшему поколению неизвестно чье-либо личное имя представителя молодого поколения, и вместо личного имени номинанта употребляют его отчество в форме родительного падежа с термином “сын / дочка”. Если отчество номинанта является составным словом, и близкие ему люди часто называют его усеченной формой имени, то номинатор по всей вероятности называет номинанта данной формой, например: *Энхээгийн хүү* < *Энхбаатарын хүү*

‘сын Энх-Батора’, *Цолмоны хүүхэн* < *Цолмонбаатарын хүүхэн* ‘дочь Цолмон-Батора’.

5) Усечение + аффиксация

Интересно, что среди неофициальных личных имен бурятского языка немало из них образовано при помощи комплекса усечения и аффиксации, типа, который не встречается в монгольском языке АРВМ. К примеру, *Сисика* — от *Сэсэгма* (*сэсэг* ‘цветок’ + *ма*) + *ка*, *Бутика* — от *Бутидма* ‘ведущая сына’ + *ка*, *Сэждуун* — от *Сэжидма* (*сэжид* + *ма*) *Сэмжэд* + *уун*, *Батухай* — от *Батадоржо* (*бата* ‘крепкий, сильный’ + *доржо*) + *хай*, *Балжуухай* — от *Балжинима* ‘солнце счастья’ + *хай*, *Бадмади* — от *Бадмаханда* ‘лотосовая дакия, небесная фея’ + *ди*, *Гармашка* — от *Гармажп* ‘Защищенный звездой’ + *шка*.

Аббревиация

В монгольском языке АРВМ при образовании неофициальных личных имен широко используется способ аббревиации, в частности между людьми одного поколения. Но согласно исследованию Сэцэнбаатара, чахары АРВМ употребляют четыре способа аббревиации неофициальных имен номинантов [Сэцэнбаатар, 1994, С. 26-27]. Здесь мы будем рассматривать аббревиатурные имена монголов АРВМ, используя его исследования. Ввиду того, что неофициальные имена больше всего применяются при обращении, приводим примеры в разговорном произношении.

1) Начальный слог / инициаль + второй слог с долгим гласным. Например, *Ээхээ* — от *Эрхэмбилэгээ*; *Жийгаа* — от *Жиргалаа* (*Жаргал*); *Чинбаа* — от чахар. *Чинбатаа*, монг. *Чинбат*.

2) Начальный слог / инициаль + последний слог с долгим гласным. Например, *Бийгээ* — от чахар. *Билэгээ*, монг. *Билэг*; *Гээтүү* — от чахар. *Гэрэлтүү*, монг. *Гэрэлт*; *Хаанаа* — от чахар. *Хастанаа*, монг. *Хастана*.

3) Начальный слог + долгий гласный. Например, *Хөөгөө* — от чахар. *Хөгжихөө*, монг. *Хөгжих*; *Чогоо* — от чахар. *Чогбуян*, монг. *Цогбуян*; *Даваа* — от чахар. *Давшилтаа*, монг. *Давшилт*.

4) Начальный слог / инициаль первого слова + начальный слог / инициаль второго слова с долгим гласным. Например, *Наабаяа* — от чахар. *Насанбатаа*, монг. *Насанбат*; *Ээбаяа* — от чахар. *Эрдэнэбатаа*, монг. *Эрдэнэбат*; *Сэбаяа* — от чахар. *Сэчэнбатаа*, монг. *Цэцэнбат*.

Повторение

Сэцэнбаатар также отметил способ повторения, который применяется в неофициальных именах монголов АРВМ [Сэцэнбаатар, 1994, С. 27]. В основном, повторение реализуется двумя способами:

1) Повторение начального слога / инициала в случае, если данное имя начинается с согласного: *Наанаа* — от чахар. *Нарачимэгээ*, монг. *Наранчимэг*; *Саасаа* — от чахар. *Сарнаа*, монг. *Сараана*; *Дээдээ* — от чахар. *Дэгжрэхээ*, монг. *Дэгжирэх*.

2) Повторение конечного слога, особенно слога, оканчивающегося на -на: *Наанаа* — от чахар. *Нарнаа*, монг. *Нарнаа*; *Наанаа* — от чахар. *Уранаа*, монг. *Уранаа*; *Наанаа* — от чахар. *Илнаа*, монг. *Ялнаа*. Мы полагаем, что образование таких имен на определенном этапе испытало на себе влияние китайского языка. В китайских антропонимах популярным является повторение одного иероглифа из личного имени в женских антропонимах. Например: 铃铃 *Ling ling* — от 陈晓铃 *Chen Xiao Ling*; 娜娜 *Na na* — от 张娜 *Zhang na*; 花花 *Hua hua* — от 张小花 *Zhang xiao hua*.

Аффиксация

Сэцэнбаатар также выделил некоторые деминутивные суффиксы -дай, -жай, -лай, -бай, которые следуют за начальным слогом или инициальной

личного имени и употребляются для образования неофициальных личных имён [Сэцэнбаатар, 1994, С. 27]:

1) аффикс *-дай/-дэй/-дой/-дөй* в разговорной речи иногда варьируется с аффиксом *-даа/-дээ/-доо/-дөө/-диш*. Например: *Баадай* — от *Балдан*; *Хаадай* — от *Хасчулуу*; *Уудаа* — от *Уртнасан*; *Өөдөө* — от *Өлзийбаяр*;

2) аффикс *-жай/-жэй/-жой/-жөй* в разговорной речи иногда варьируется как *-жаа/-жээ/-жоо/-жөө/-жий*. Например: *Жийжаа* — от чахар. *Жиргалаа*, монг. *Жаргал*; *Бөөжай* — от чахар. *Бөрөнсайн*, монг. *Бүрэнсайн*; *Гээдий* — от чахар. *Гэшигбатаа*, монг. *Хишигбат*;

3) аффикс *-лай/-лэй/-лой/-лөй* в разговорной речи иногда варьируется с аффиксом *-лаа/-лээ/-лоо/-лөө/-лий*. Например: *Суулай* — чахар. *Сургалтуу*, монг. *Сургалт*; *Сайлаа* — от чахар. *Сайнчоогтоо*, монг. *Сайнцогт*; *Өөлөө* — от чахар. *Өрнөлтөө*, монг. *Өрнөлт*;

4) аффикс *-бай/-бэй/-бой/-бөй* в разговорной речи иногда варьируется с аффиксом *-мбай/-мбой*. Например: *Оовай (бай)* — от чахар., монг. *Отгон*; *Бамбай* — от чахар. *Баяраа*, монг. *Баяр*; *Хомбой* — от чахар. *Ховьсголтоо*, монг. *Хувьсгалт*.

В бурятском языке неофициальные личные имена также образуются при помощи разных аффиксов, которые в основном имеют значение уменьшительности и ласкательности. По нашим наблюдениям, немало неофициальных бурятских имен раньше применялись к исконным именам. По мере того, как бурятская антропонимическая система и лексика подвергались большим изменениям, те аффиксы перешли в круг неофициальных бурятских имен.

1) Аффикс *-а/-оо/-уу*. Например, *Хандуу* — от *Ханда* ‘шествующий по небу; эпитет солнца’, *Дондоко* — от *Дондок* ‘благонамеренный’, *Ципко* — от *Цыпик* ‘бессмертный’, *Алдара* — от *Алдар* ‘слава’, *Аюра* — от *Аюр* ‘жизнь, возраст’.

2) Аффикс *-аан/ -оон/ -уун*. Например, *Дэлэгуун* — от *Дэлэг* ‘покой, счастье’, *Тогмидуун* — от *Тогмит* ‘не имеющий начала, изначальный вечный’;

эпитет Адибудды’, *Түдэбүүн* — *Түдэб* ‘мощный, магический’, *Ширбаан* — от *Шираб* ‘интуиция; мудрость’.

3) Аффикс *-даан/-доон/-дуун/-дян*. Например, *Баирдаан* — от *Баир* ‘радость’, *Дугардаан* — от *Дугар* ‘белый зонт’, *Буладаан* — от *Булад* ‘булат’, *Булдян* — от *Булад* ‘булат’, *Тогмидуун* — от *Тогмид* ‘не имеющий начала, изначальный вечный; эпитет Адибудды’, *Очирдоон* — от *Очир* ‘алмаз’.

4) Аффикс *-(аа)дай/(оо)дой/-(аа)дуй/-(үү/өө)дэй*. Например, *Энхүүдэй* — от *Энхэ* ‘спокойный, благополучный’; *Дулмаадай* — от *Дулма* ‘мать-спасительница’, *Зоригодой* — от *Зориг* ‘смелый, храбрый’, *Мухөөдэй* — от *Мунхэ* ‘вечный; вечность’, *Ариудай* — от *Ариун* ‘чистый, светлый’.

5) Аффикс *-ди*. Например, *Хамаади* — от *хамаа* ‘время (отрезок времени)’; *Бади* — от *Бадма-Ханда* ‘лотос-шествующий по небу’, *Доди* — от *Доржо-Ханда* ‘алмаз-шествующий по небу’, *Бимбади* — от *Бимба* ‘планета Сатурн, соответствует субботе’, *Дамбади* — от *Дамба* ‘возвышенный, превосходный, святой’.

6) Аффикс *-ка/-ха/-хо*. *Алдарка* — от *Алдар* ‘слава’, *Ринчинка* — от *Ринчин* ‘драгоценность’, *Эрдэмка* — от *Эрдэм* ‘наука, знание’; *Цырэнхо* — от *Цырэн* ‘долгая жизнь’, *Буянтуха* — от *Буянто* ‘добродетель’, *Доржоха* — от *Доржо* ‘алмаз’, *Галсанха* — от *Галсан* ‘хорошая судьба’.

7) Аффикс *-ля*. Например, *Хандууля* — от *Ханда* ‘шествующий по небу; эпитет солнца’, *Бадмууля* — от *Бадма* ‘лотос’, *Цэрмууля* — от *Цэрма* ‘долгая жизнь. Женская форма от *Цэрэн*’, *Сэржууля* — от *Сэржима* ‘золотистая’, *Бимбууля* — *Бимба* ‘планета Сатурн, соответствует субботе’.

8) Аффикс *-(аа)най/-(оо)ной/-(ээ)нэй*. Например, *Доржуунай* — от *Доржо* ‘алмаз’, *Батуунай* — от *Бату* ‘крепкий’, *Адюунай* — от *Адия* ‘солнце’, *Алтанай* — от *Алтан* ‘золото’.

9) Аффикс *-ни*. Например *Сэсууни* — от *Сэсэг* ‘цветок’, *Гармани* — от *Гарма* ‘’.

10) Аффикс *-саан/-соон*. Например, *Гармасаан* — от *Гарма* ‘звезда, созвездие’, *Бэлигсоон* — *Бэлиг* ‘мудрость’.

11) Аффикс *-(уу/юу)хай/- (үү/юу)хэй*. Например, *Маяухай* — от *Майя* ‘мать, кормилица’; *Шэмүүхэй* — от *Шэмыт-Доржо* ‘бессмертный-алмаз’, *Бадмаахай* — от *Бадма* ‘лотос’, *Согтоохой* — от *Согто* ‘искристый, живой’, *Эржүүхэй* — от *Эржэна* ‘стилизованная форма от бурятского “эржэн” — перламутр’. *Баяхай* — от *Баян* ‘богатый’, *Дашуухай* — от *Даши* ‘счастье, процветание, благоденствие’.

12) Аффикс *-хан/-хэн*. Например, *Будаахан* — от *Буда* ‘просветленный’, *Батухан* — от *Бато* ‘крепкий’.

13) Аффикс *-ша/-шо/-шка/-шко*. Например, *Дондогошо* — от *Дондогк* ‘благонамеренный’, *Дулмаша* — от *Дулма* ‘освободительница’, *Раднашка* — от *Радна* ‘драгоценность’, *Батышка* — *Бато* ‘крепкий’, *Баярмуша* — от *Баярма* ‘радость’, *Соёлмуша* — от *Соёлма* ‘образованность, воспитанность, культура. Женская форма от *Соёл*’, *Дондошка* — от *Дондок* ‘благонамеренный’.

Наряду с аффиксами бурятского языка, буряты также используют заимствованные аффиксы русского языка. Так, самыми популярными суффиксами считаются *-ик*, *-а* и *-ита*. Об этом пишет И. А. Ламожапова: «В бурятском языке широко представлены личные имена с этим русизмом-формантом, который сингармонизирован, например: *Изишка* — *изии* ‘женщина’, *Эмээшкэ* — *эмээ* ‘женщина’. Новыми заимствованиями русизмами являются форманты *-а*, *-ина*, *-ита* в женских именах калмыцкого и бурятского языков: в бурятском *Баира* (ж.) от *Баяр*, *Булгита* (ж.) — *Булгад*; в калмыцком *Элистина* (ж.) — *Элиста*, *Зулина* — *зула* ‘лампада’» [2008, С. 67]. Форманты *-а*, *-ина*, *-ита* участвуют в образовании антропонимов-феминитивов от мужских имен.

Деминутивы

Деминутивное имя (деминутив) — «вид квалитатива. В данном контексте — имя с ласкательно-уменьшительным оттенком значения» [Подольская, 1978, С. 71]. В связи с широким развитием билингвизма у

современных бурят и популярностью русских личных имен, становится частотным использование имен с уменьшительно-ласкательными суффиксами *-очк-, -ечк-, -оньк-, -еньк-, -ушк-, -юшк-, -юш-, -яш-, -уш-, -ул-, -ун-, -ус-, -к-, -ик* и др. Между тем, основы имени имеют две разные формы — полную и краткую. Например, от полной формы имени *Мария* образуются *Марюня, Маруня, Маруся, Марюша*; от краткой формы имени *Маша* образуется *Машка, Машенька, Машуля*. Таким образом, к личным именам бурятского языка также применяется данные деминутивны формы. К примеру: *Даримочка, Даримуля* — от *Дарима*; *Сэсуля, Сисика* — от *Сэсэг*; *Наранушка, Нараночка* — от *Нарана*; *Батушка, Батошка* — от *Бато*.

Выводы по главе 2.

В монгольском языке Внутренней Монголии и в бурятском языке сложились разные официальные именные формулы. У монголов АРВМ под влиянием двухкомпонентной формулы китайского языка официальными формулами полного имени человека считаются только имя и фамилия. Современная официальная антропонимическая формула бурят состоит из трех компонентов: фамилии, имени и отчества, которая сложилась под влиянием русской системы именования, закрепившейся в качестве официальной в советское время с началом работы органов записи актов гражданского состояния.

Сравнение словообразования имен в обоих языках позволило нам выявить некоторые особенности. В сфере официального личного имени наблюдаются: несовпадение в употреблении аффиксов гендерного различия в монгольском и бурятском языках; использование составных антропоформантов в бурятском языке, которые редко встречаются в антропонимиконе АРВМ; в обоих языках есть свои отличительные специальные антропоформанты; в состав антропонимикона бурятского языка входят аффиксы, которые употребляются в монгольском языке АРВМ только

для образования апеллятивных основ; в бурятский антропонимикон проникли некоторые аффиксы из русского языка с соответствующими сингармоническими вариантами.

Монгольские фамилии в АРВМ образуются тремя способами: фамилия из первого слога личных имен; китаизированные фамилии; полная форма родового имени. Формирование фамилий бурят происходило поэтапно: от использования только личного имени до трехкомпонентной модели именования: личное имя + фамилия + отчество.

Отчество у монголов АРВМ образовалось двумя путями: сокращением имени отца до одного слога или употреблением имени отца в форме родительного падежа. Большинство отчеств бурят образуется от имени отца при помощи суффиксов русского языка: *-евич/-ович*, *-евна/-овна*. Ещё наблюдаются случаи, когда отчество образуется от имени деда (дедичество) или матери (матроним). Отчества у монголов АРВМ и у бурят России выполняют в определённой степени идентифицирующую функцию, неофициально — в АРВМ, официально — в Бурятии. Кроме того, использование у бурят отчества вместе с личным именем обычно выражает уважительное отношение к человеку.

Неофициальные именные формулы, прозвища монгольского и бурятского языков образуются морфологическим и неморфологическим способами. К морфологическому способу образования монгольских прозвищ относятся деривация, основосложение. В отличие от монгольских прозвищ в состав морфологического способа бурятских прозвищ входят не только деривация, но и суффиксация, усечение, аббревиация и способ сложения основ. Деривация характерна для обоих языков. Неморфологическими способами образования монгольских и бурятских прозвищ являются онимизация и трансонимизация. По нашим наблюдениям, для неофициальных личных имен в обоих языках чаще всего используются гипокористические формы, которые образуются в монгольском языке при помощи усечения, аббревиации, повторения и аффиксации, в бурятском

языке дополнительно применяются демиутивы. В отличие от прозвищ, неофициальные личные имена имеют уменьшительно-ласкательный характер, поэтому данные имена помимо идентификационной функции, выполняют коммуникативную функцию при обращении.

Глава 3. Современное состояние антропонимии в монгольском языке АРВМ КНР и в бурятском языке

3.1. Имянаречение у современных монголов АРВМ КНР и бурят

3.1.1. Легендарные и событийные имена

Буряты и монголы известны своими богатыми культурными сокровищами устного народного творчества (эпосы – улигеры, легенды, предания, сказки), богатой современной художественной литературой, в их истории много легендарных личностей, сыгравших большую роль в становлении народа, его защите от внешних врагов, развитии культуры, искусства, спорта и т.д. «По случаю определенного события или в честь какого-либо человека нередко родители предпочитают давать своим детям “мемориальные” имена» [Золтоева, 2006, С. 102]. Имена этих личностей (как реальных, так и легендарных или фольклорных) отражаются в антропонимиконе бурят и монголов. Кроме этого, в именнике этих народов немало имен, связанных с теми или иными историческими событиями.

О. Ф. Золтоева в качестве мемориальных выделяет четыре группы антропонимов: а) *имена в честь знаменитых деятелей* (поэтов, писателей, военных, политических руководителей и других исторических легендарных личностей); б) *имена в честь близкого, уважаемого человека*; в) *имена по случаю какого-либо события*; г) *к группе мемориальных имен, выполняющих функцию социальной легализации в обществе* [Там же, С. 102–107]. К последней категории автор относит и родовые имена. В. В. Денисова в разделе своего диссертационного исследования о мотивах имянаречения подобные имена связывает с ассоциациями с другими носителями этого имени «известными всем членам языкового коллектива или же близкими знакомыми конкретной семьи» [Денисова, 2003, С. 12]. В этом плане мнение данного автора созвучно с мнением И. А. Ламожаповой, в то же время ею оставлены без внимания имена, которые ассоциировались бы с какими-либо

знаменательными событиями (группа *в*) имена по случаю какого-либо события).

В соответствующем разделе нашей работы мы рассматривали наречение детей именами близких родственников, а здесь сосредоточим свое внимание на именах легендарных и «событийных», т.е. связанных с именами фольклорных, литературных персонажей, исторических личностей и какими-нибудь значимыми событиями в жизни общества, страны и т.д.

В бурятском антропонимиконе накоплен достаточный багаж ставших традиционными легендарных и событийных имен. Данное явление получило распространение в именнике монголов АРВМ лишь в последнее время, а антропонимикон монголов Монголии в какой-то степени даже богаче, чем бурятский.

Несмотря на то, что такие имена, как *Гэсэр* — имя главного героя крупнейшего героического эпоса бурят (более 20 тыс. стихотворных строк), считавшееся «тяжелым» для носителя и в какой-то мере табуированным. Имя *Аламжа* / *Аламжи* имеет два «прототипа» — это главный герой эпоса «Аламжа Мэргэн» («*Аламжа мэргэн хүбүүн Агуй Гоохон дүүхэй хоёр*») и главный же герой романа Д. О. Батожабая «Похищенное счастье» («*Төөригдэхэн хуби заяан*»). К числу фольклорных имен также относится и имя *Барас* ‘барс, тигр’, восходящий к имени заглавного героя фольклорного произведения «*Бабжа Барас баатар*» (Богатырь Бабжа Барас).

Распространение среди бурят имен, связанных с героическими эпосами расширилось с публикацией литературно обработанных вариантов этих произведений, одним из первых в этом ряду стал эпос «Гэсэр», изданный в литературной обработке Н. Г. Балдано в 1959 г. Имена героев опер, написанных на фольклорном материале, также стали популярными среди бурят.

В состав антропонимикона бурят активно вошли имена и других фольклорных, улигерных имен, например, имя *Бальжан* / *Бальжин* — реальной главной героини легенд о княжне, предводительнице хоринских

бурят. «В 1576 г. Бальжин хатан вышла замуж за Дайхун тайджи, одного из сыновей солонгутского Буубэй-Бэйлэ хана. В качестве приданого ей были отданы 11 хоринских родов [бурят]. После конфликта с Буубэй-Бэйлэ ханом Бальжин хатан со своим мужем и подданными откочевала из Монголии в Забайкалье, на р. Улирэнгэ (Урулюнгуи) в местность Хуандай. Позднее, преследуемые монголами, они переселились на р. Онон, заняв северный и южный склоны хребта Хухульби и местности по рекам Ага и Тура. Эти события В. Юмсунов относит к 1613 г., а Т. Тобоев – 1607 г. Через несколько лет на хоринцев напали войска Буубэй-Бэйлэ хана, в местностях Ара Сабшалуур и Ыбэр Сабшалуур произошло сражение, в результате которого Дайхун тайджи был возвращен отцу, а Бальжин хатан казнена и брошена в озеро у истока р. Тура – Бальзино («Бальжинын сагаан нуур»))» [«Энциклопедия Забайкалья» // <http://ez.chita.ru/encycl/person/?id=8747>]. Данное имя в настоящее время могут носить представители как женского (варианты: *Бальжан, Бальжин, Бальжана, Бальжина*), так и мужского пола (варианты: *Балжан, Бальжин*). От данного имени образуются фамилии — *Бальжанов, Бальжинов*, что еще раз подтверждает то, что им могут нарекать и девочек, и мальчиков.

К именам легендарных исторических личностей, ставших популярными, относится имя *Агван*. Этот факт связан со свободой вероисповедания, которая дала возможность бурятам вернуться к буддизму, одному из главных религиозных учений, и возвращением имен выдающихся буддийских деятелей, среди которых большое место занимает Агван Доржиев цаннит-хамбо лама (одна из высших ступеней буддийских священнослужителей), учёный, дипломат, просветитель, религиозный, государственный и общественный деятель России, Тибета и Монголии, основатель первого буддийского храма в Европе (Санкт-Петербургского дацана «Гунзэчойной»).

В ряду имен исторических личностей лидирует имя *Чингис*, имя основателя Великой Монгольской империи Чингис хана / Чингисхана (ок.

1155 или 1162 — август 1227). Данное имя также считается «тяжелым» для нареченного. Кроме того, в советский период в официальной истории и историографии Чингисхан считался кровожадным завоевателем, феодалом — весьма отрицательным персонажем. Тем более, удивительно, что это имя (*Чингис*) довольно часто давали новорожденным мальчикам в 1960-1980-х гг. С изменением политического строя в начале 1990-х гг. популярность этого имени еще больше возросла. Также распространено детское, или до-ханское, имя Чингисхана — *Тэмүүжэн / Тэмуджин*. Популярности этих имен также способствовало издание исторического романа И. Калашникова «Жестокий век» (1978), посвященного жизни и деятельности этой исторической личности.

Имя Чингис почти не употребляется в АРВМ из-за понимания “тяжести имени” и табу наречения. Но в последние годы, по мере того, что среди монголов растёт интерес к исконным и древним именам, постепенно наблюдаются имена, взятые из источников исторических литератур и событий. К примеру, *Тэмүүжэн*, *Мухали* (известный полководец империи Монголии), *Есүнгэ* (сын Джочи-Хасара, племянник Чингисхана), *Есүлүн* (одна из императриц — жён Чингисхана), *Бэлгүдэй* (один из младших братьев Чингисхана), *Амарсанаа* (1722—1757, ойратский нойон, последний правитель Джунгарского ханства; также главный герой романа Ж. Пүрэва «Зүрхний хилэн» – «Сердечный грех»).

С Великой Отечественной войной связано распространение имени *Жамбал* ‘Жамбал — тиб. «благосиятельный», одно из имен Бодхисаттвы Манчжушри’ по имени Жамбала Тулаева — героя Советского Союза, снайпера из Республики Бурятия.

В качестве прозвищ свое место также нашли имена легендарных, исторических и литературных персонажей в именниках рассматриваемых языках. Это объясняется тем, что прозвища в основном характеризуют то или иное свойство, качество именуемого. И если денотат имени становится известным, его имя также на определённом уровне может отрицать его

свойственность, чтобы другие люди употребляли его имя в качестве прозвища. Таким образом, в бурятском языке нами обнаружены такие прозвища, как *Атаман Сампил* по имени исторической личности Атамана Сампила (пособника белогвардейцев в Забайкалье), *Петр Первый* — у денотата жёсткий характер.

В монгольском языке АРВМ зафиксированы прозвища: *Шагдар* ‘персонаж монгольской народной легенды’, *Балгансан* ‘персонаж монгольской народной сказки’.

К событийным именам в бурятском антропонимиконе относится прежде всего *Илалта* ‘Победа’, ставшее крайне популярным после победы советского народа в Великой Отечественной войне (1941–1945). Это имя также часто дается мальчикам, родившимся накануне или в День Победы (9 мая) и даже просто в месяце мае. Великая Октябрьская социалистическая революция и связанные с ней события также оказали мотивирующее действие на событийный именник бурятского языка. Например, девочки, родившиеся 8 марта или накануне, часто получают имя *Марта*. В 1930-х гг. место национальных, в т.ч. буддийских имен заняли имена *Октябрь* (муж.), *Электра*, *Ревомир*, *Ким* и т.п. новомодные по тем временам имена. Среди таких имен выделяется имя *Хубисхал* ‘революция’. Последнее также занимает значительное место в именнике бурят России. В АРВМ, в период от основания Китайской Народной Республики до Культурной революции событийные имена как *Улаан* ‘красный’, *Тэмцэл* ‘борьба’, *Хувисгал* ‘революция’, *Ялалт* ‘победа’ приобрели популярность. После того времени такими именами нарекали меньше и меньше, и в настоящее время они уже редко наблюдаются.

По классификации Франца Миклошича, делившего топонимы по их образованию, один из видов топонимов происходит от имени людей ... (*Аксаково, Юрьево, Ворытаево, Дураково, Останкино, Рахманово, Ртищево, Русаково, Синеусово, Халдеево*). Таким образом, в Бурятии и АРВМ также встречаются топонимы от имен собственных, образованные от имен

легендарных, исторических персонажей. Например, в городе Улан-Удэ немало улиц, названных по фамилиям исторических личностей, как ул. Бабушкина, ул. Обручева, ул. Ранжурова т.д. Подобно этому, в АРВМ встречаются топонимы, образованные от имен исторических, легендарных личностей: *Бэлгүдэй балгас* ‘посёлок *Бэлгүдэй*’, названный по имени младшего брата Чингисхана, *Мянгат балгас* ‘посёлок *Мянгат*’ — по имени известного монгольского математика, *Ханхал* ‘местность Ханхал’ — по имени выдающегося монгольского военачальника прошлого.

Помимо приведенных выше именинников, имена-легендарных, исторических и литературных персонажей по сей день часто употребляются в качестве названий компаний, организаций, магазинов и даже конкретных товаров. К примеру, в г. Улан-Удэ находятся ателье «*Алан-Гуа*», ресторан «*Чингисхан*» и «*Тэмулэн*». В АРВМ продаются алкогольные напитки, под брендом «*Хубилай*» (Хубилай является одним из внуков Чингисхана и первым императором династии Юань). Встречаются также объекты, названные по именам исторических персонажей, например, «*Мандухай хувцас засал*» ‘магазин одежды Мандухай’, «*Хасар клуб*» ‘клуб «Хасар»’.

Легендарные и событийные имена в бурятском именнике, как и в монгольском языке АРВМ, отличаются немногочисленностью в отличие от монгольского языка Монголии. Поскольку личные имена содержат в себе не только лингвистическую, но и историческую, этнографическую и общекультурную информацию, имена известных в народе, стране и мире легендарных, исторических личностей и литературных персонажей преимущественно применяются к разным категориям онимов, чтобы посредством таких имен ярко выразить вышеупомянутые виды информации.

3.1.2. Соименование монгольских и бурятских антропонимов

Изучение соименования и включение его в группу апотропеических именований основано на определении специфического мотива номинации

среди разновидностей онимов. На современном этапе в целях охранения денотата от всего плохого, злого по-прежнему соблюдается древний принцип рифмования имен. В антропонимиконе бурят, как и у ряда других народов, наблюдается функционирование табуированных имен. Явление табуирования описано в трудах Т. Ж. Жанузакова [1971], М. У. Монраева [1971] и др. Подробное описание этого явления находим у А. Г. Митрошкиной [1987, С. 50-61], которая, описывая типы замен личных имен, отмечает, что учет типологии замены табуированных имен способствует правильному разграничению исконных имен и табуистических. Ею же выделяется тип связанных имен, образованных на основе соименования, при этом автор анализирует материал, начиная с XIII в. по настоящее время.

Отметим, что наречение созвучными именами находит аналогию у многих народов мира. Изучению этого явления посвящены работы ряда ученых, в том числе Л. И. Ройзензон, А. Бобоходжаева, В. А. Никонова, Р. З. Шакурова, А. Г. Митрошкиной, Ж. Сэржээ, О. Ф. Золтоевой.

Рифмование как стилистический прием повтора звуков в поэтической речи, занимает важное место в литературе многих народов мира, в том числе в монгольской и бурятской литературах. В монгольской литературной традиции рифма характерна для стихотворений, пословиц, фразеологизмов и др. Главными способами рифмования их являются рифмование в положении ударения, количества слогов и слов, рифмование начальных, средних и конечных звуков и слогов [Өвөр Монголын ..., 1964, С. 281]. Общеизвестно, что тексты песен запоминаются быстрее обычных текстов, поскольку в них в большинстве случаев используется рифма. В монгольских и бурятских песнях значительное место занимает также аллитерация — один из основных ритмообразующих приемов в поэтическом устном народном творчестве. Благодаря тому, что слова с рифмами легко запоминаются, монголоязычные народы посредством рифм и аллитерации из поколения в поколение передавали шедевры устного народного творчества. Яркими примерами тому являются фольклорные произведения, в том числе известные эпосы *Абай-*

Гэсэр Хүбүүн, Джангар, Манас. Кроме того, в «Сокровенном сказании монголов» имеется наставление Тэмуджина и Хасара от их матери Оэлун написанное рифмованными и аллитерированными поэтическими строками:

§ 78. ... <i>Aur-iyen darun yadaqu Arslan</i>	‘Львам вы подобны, Чью ярость
<i>metu</i>	ничто не уймет,
<i>Amidu jalqiqu keeku Maraquis metu</i>	Мангусам подобно живьем, говорят,
	пожирающим.
<i>Seüder-tur-iyen dobtulqu šinqor metu</i>	Или же — кречеты вы: Те свою тень
	атакуют,
<i>Semiyer jalqiqu čuraqa metu</i>	Щуки коварные вы: Из засады вы
	жертву глотаете’ [Козин, 1941, С. 214].

Рифмование (аллитерация) у монгольских народов из устного народного творчества перешло в собственно поэзию, и этот отрывок показывает, что они практиковали применение аллитерации не только в устном творчестве, но и в литературных памятниках.

По нашим наблюдениям, монголы и буряты при имянаречении предпочитают соблюдать принципы рифмования, а именно применять соименование. Такие имена по-монгольски обозначаются термином *холбоо нэр*, а «в бурятском языке имеется словосочетание *нэртэхээлээд нэрлэхэ* ‘соименовывая именовать’, от *нэрэ* ‘имя’» [Митрошкина, 2007, С. 98]. В определённой степени это связано с желанием нарекающих, чтобы имена детей были запоминающимися и имели созвучность компонентов. Например, в одной семье могут быть дети с именами *Ганбат* букв. ‘сталь-крепкий’, *Гантөмөр* букв. ‘сталь-железо’ и *Ганболд* букв. ‘сталь-булат’. Между тем, соименование монгольских и бурятских антропонимов чаще всего встречается в семьях с количеством детей от двух и более. С другой стороны, не во всех монгольских и бурятских семьях соименование получило широкое распространение.

Даже «в современном бурятском обществе соименование людей носит пережиточный характер: антропонимические серии наблюдаются только в отдельных семьях» [Митрошкина, 2007, С. 108]. Однако соименование в качестве одной из характерных особенностей монгольских и бурятских антропонимов имеет культурно-историческую ценность. Вследствие этого нами предпринята попытка изучения закономерности образования соименования монгольских и бурятских антропонимов. В типологическом отношении соименования монголов и бурят разделяются на фонетически и семантически связанные единицы. Кроме того, в отношении соименований индивидов, их можно разделить по диахронической и синхронической линиям.

Как считает Р. З. Шакуров, рифмование может производиться как по вертикальной линии, так и по горизонтальной линии⁸. Таким образом, О. Ф. Золтеева выделила горизонтальную и вертикальную линии у соименования монгольского народа [Золтеева, 2006, С. 138]. Что касается соименования бурятского народа, то А. Г. Митрошкина разделила соименования индивидов у бурят на горизонтальные, вертикальные и смешанные. «Горизонтальным называем соименование детей одной и той же семьи (рода), вертикальным — соименования людей разных поколений, смешанным — соименования, в которых сочетаются вертикальный и горизонтальный способы» [Митрошкина, 2007, С. 100]. По нашим наблюдениям, в отличие от соименования у монголов Монголии, у монголов АРВМ только бытует горизонтальное соименование.

В настоящей работе мы решили разделить соименование монгольского языка АРВМ и бурятского языка на горизонтальное и вертикальное. Потому что смешанное соименование по способу образования аналогично с прочими соименованиями. Поэтому нет необходимости выделять данное

соименование, а лучше рассмотреть совместно с вертикальным соименованием.

Рассмотрим принципы рифмования в именнике монгольского и бурятского народов подробно и выделим наиболее часто распространенные случаи антропонимических серий.

3.1.2.1. Горизонтальное соименование

В данном случае наблюдается рифмование, которое состоит из двух типов: фонетически и семантически связанных единиц:

Фонетически связанные единицы

Фонетическая связь имен чаще всего передается за счет аллитерации и ассонанса начальных слогов. Особенностью данного способа является то, что он характерен как для стихотворений, так и для образования монгольских антропонимов. Аллитерация и ассонанс выражается тремя путями при помощи анафоры (монг. *толгой холбох*, бур. *толгой холбохо*): 1) использование идентичных гласных, например, монг. *Айсуй* ‘грядущий’, *Аянсайн* ‘счастливый путь’; бур. *Айхай*, *Ануухай*, *Абгал*, *Агааня* [Митрошкина 2006, С. 104]; 2) употребление идентичных согласных + идентичных гласных в инициальных слогах, например, монг. *Сарангэрэл* ‘лунный луч’, *Саранцэцэг* ‘лунный цветок’, *Сарантунглаг* ‘лунно-прозрачный’; бур. *Баагай*, *Банду*, *Баяхан*; 3) употребление разных согласных + идентичные гласные при начальных слогах. Например, монг. *Саран* ‘луна’, *Наран* ‘солнце’; монг. *Од* ‘звезда’, *Тод* ‘ясный’; бур. *Нарана* ‘солнце’, *Сарана* ‘луна’. Кроме того, в бурятских антропонимах также наблюдается аллитерация начальных согласных, которая в монгольских антропонимах почти не встречается. Например, “Сын Жамбала – Данжур, его сын Дагба, его сын Жалсан, его сыновья - Митап и Жамсо” [Лубсандоржиева, 2010, 24], “У Базарсад Ажанай сын – Борис, его сын – Баир Ажанов (1985 г. р.)” [Лубсандоржиева, 2010, 92].

Благодаря гибкой системе аллитерации этот способ подходит ко всем именам: исконным, заимствованным, аффиксальным, составным. По нашему мнению, причина распространения этого способа кроется в том, что аналогичный способ популярен в области стилистики монгольского и бурятского языков.

В монгольских и бурятских антропонимах бытует также аллитерация конечных слогов, в данном случае рифмуются и гласные, и согласные звуки. Во-первых, такая аллитерация представлена рифмованием долгих гласных или дифтонгов при финальных слогах. Это происходит по причине того, что гласный звук первого слога монгольского языка обычно является гласным полного образования, а краткие гласные в конце слов редуцируются. В бурятском языке подобная аллитерация ещё может реализоваться краткими гласными. Благодаря тому, что в бурятском языке гласные звуки в конце слов не редуцируются. К примеру, монг. *Цанаа* ‘пион’, *Танаа* ‘перламутр’, *Санаа* ‘желание’; бур. *Хандаалай*, *Сагаадай*, *Харуунай*, *Үлзэй*, *Зүүхэй* [Митрошкина, 2007, С. 102], бур. *Нарана*, *Сарана*.

Во-вторых, данный способ выражается в рифмовании согласных звуков при конечных слогах. Например, монг. *Мөшөөл* ‘улыбка’, *Хүсэл* ‘мечта’; бур. *Арсалан*, *Амгалан*, *Жамсаран* [Лубсандоржиева, 2010, С. 67]. Мы заметили, что рифмование конечных слогов монгольских антропонимов бытует и среди двоюродных братьев и сестёр. Например, пятеро братьев называли всех своих детей именами, оканчивающимися согласным *л*, как *Хүсэл* ‘мечта’, *Оргил* ‘вершина’, *Тэргэл* ‘полная (луна)’, *Мөшөөл* ‘улыбка’, *Боргил* ‘неприхотливый’, *Өрнөл* ‘развитие’, *Харгил* ‘перекат’⁹. Но это, безусловно, зависит от того, насколько тесны контакты между родственниками.

Семантически связанные

Семантически связанные имена в основном образуются посредством лексических повторов. Лексические повторы в монгольском и бурятском языках всегда тесно связаны со словообразованием. По способу образования монгольские и бурятские антропонимы можно разделить на три группы: простые, аффиксальные и составные. Так, лексические повторы, главным образом, выражены в аффиксальных и составных именах. Дело в том, что в течение исторически долгого времени множество корневых морфем монгольских языков участвовало в производстве различных новых слов по законам альтернации звуков, в том числе слов, имеющих значительное фонетическое различие по сравнению с исходными корнями. Например *bal-* — *bilayū* ‘точильный камень’ (чередование $a < i$) [Сэцэнцогт, 1988, С. 647]. Отметим, что простые имена обычно являются условно производными. Поэтому в образовании простых имен чаще используется фонетическое рифмирование, а лексические повторы для них не характерны.

Повторы в аффиксальных именах

«Сокровенное сказание монголов» (ССМ) — один из древних письменных литературных памятников, который является богатым источником исконных монгольских антропонимов. Наши наблюдения показали, что исконные монгольские антропонимы в основном состоят из простых и аффиксальных имен. Заметим, что повторы в аффиксальных именах играли важную роль в обычаях наречения у монголов. Например, в ССМ зафиксированы имена родных братьев и сестёр: *Тэмүжина*, *Тэмүлүн*, *Тэмүгэ*. На самом деле, такой способ образования имен путем повторов универсален, и наблюдается в современной монгольской и бурятской традиции имянаречения.

Повтор в аффиксальных именах выражается, в первую очередь, повторами корней слов. К примеру, в монгольских антропонимах на основе имени числительного *ес* ‘девять’ нарекали *Есүгэй*, *Есүжин*, *Есүгүн*, *Есүлүн*; в

бурятских родословных записаны имена, образованные на основе *Баа* ‘маленький’, такие, как *Баагай* и *Баадуу*.

Вторым способом является повтор аффиксов. Под влиянием гендерного деления аффиксов монгольских антропонимов этот способ используется среди детей одного пола. Особенно распространен этот способ в наречении близнецов одного пола [Хан чунь ин, 2017, С. 100]. Например, монг. *Галтай* ‘горящий, энергичный’, *Цогтой* (-той — сингармоничный вариант аффикса -тай) ‘пламенный’ являются именами близнецов мужского пола; *Ариухан* ‘священный’, *Яруухан* ‘мелодичный’ являются именами сестёр. Таким же образом в бурятском антропонимиконе появляются имена *Зургаадай* — *Зургаан* ‘шесть’ + *дай*, *Долоодой* — *долоо* ‘семь’ + *дой*. Однако у некоторых формантов бурятских антропонимов нет определённой разницы для гендерного деления как -дай и -хан, например, *Баяндай* (м.) [Митрошкина, 2013, С. 42] — *Баяндай* (ж.) [Там же, С. 172], *Һайхадай* (ж.) [Там же, С. 182]; *Алдархан* (м.) [Там же, С. 27], *Заяхан* (м.) [Там же, С. 57], *Цагаахан* (м.) [Там же, С. 155] — *Байхан* (ж.), [Там же, С. 172], *Тайихан* (ж.) [Там же, С. 179].

Повторы в составных именах

«Благодаря тому, что большинство заимствованных антропонимов из тибетского языка представляют собой составные имена, монгольские антропонимы развили систему своеобразных составных имен» [Баянбаатар, 2004, С. 14]. И в традиционном монгольском и бурятском языковом мире составные антропонимические единицы занимают главенствующее место среди собственных имен, при этом в бурятском антропонимиконе преобладают составные имена тибетского происхождения.

Так, составные имена монгольских антропонимов делятся на три группы по положению повторов. Первую группу составляют имена с повтором первого компонента имени. К примеру, имена родных братьев или сестёр начинаются идентичными компонентами: *Хишигдүүрэн* ‘полная

милость', *Хишигбуян* 'милость-благодетель', *Хишигтогтох* 'удержать милость', *Хишигбат* 'милость крепка'. В бурятском антропонимиконе часто встречаются составные имена такого типа, например, *Бата-Наһан* 'крепко-возраст', *Бата-Жаргал* 'крепко-счастье', *Бата-Мүнхэ* 'крепко-вечный'.

Во вторую группу входят имена с идентичными финальными компонентами: монг. *Түмэнцэцэг* 'десять тысяч цветов', *Эрдэнэцэцэг* 'драгоценный цветок', *Гэрэлцэцэг* 'светлый цветок' и *Сайханцэцэг* 'красивый цветок', бур. *Бадма-Сэсэг* «лотос», *Алтан-Сэсэг* «золотой цветок». Ещё в качестве примера можно привести имена семерых детей монгольской царицы XV века *Мандухай Цэцэн*, их звали: *Төрболд*, *Улсболд*, *Барболд*, *Арсболд*, *Очирболд*, *Алчболд*, *Алболд*.

Третья группа антропонимических единиц представлена «плавающим» повтором компонентов составных имен детей одной семьи: *Урангэрэл*, *Гэрэлбат*, *Батцэцэн*, *Цэцэнтуяа*, бур. *Гармаханда*, *Хандабазар*, *Базар-Гүрэ*, *Гүрэжаб* — в таких именах финальный компонент предыдущего имени становится инициальным компонентом последующего имени. Следует сказать, что такое рифмование является более редким, чем прочие способы.

Кроме того, нами замечено, что повторяющиеся элементы в определенной степени встречаются и в разных заимствованных именах монголов и бурят. В составе сложных монгольских антропонимов более всего встречаются китайские и тибетские имена. Например, китайские заимствованные имена: 彤(*tōng*)宇(*yǔ*) 'красный простор', 思(*sī*)宇(*yǔ*) 'мыслительный простор', 明(*míng*)宇(*yǔ*) 'светлый простор' (имена трёх сестёр¹⁰, их объединяет слово 宇 (*yǔ*), как прием отражения родственных связей). Примерами заимствованных тибетских имен являются такие единицы, как: *Лхамсүрэн* 'хранитель богини', *Лхамванжал* 'богиня-

10

Данные имена записаны у информанта Цзин Вэнцзинь, жителя п. Ганзага, Хорчин зүүн гаран хойт хошун, г. Тунляо, АРВМ, Китай.

правоотличающая', *Лхамсоо* 'богиня-море', *Лхам* 'богиня'¹¹. В бурятских антропонимах более употребительны тибетские и русские имена. К примеру, *Радна-Ханда, Бадма-Ханда, Базар-Ханда, Долгор-Ханда, Доржо-Ханда; Василий, Валерий, Виктория, Владислав, Ветта, Вениамин* [Митрошкина, 2007, С. 105]. «Кроме того, для бурят когда-то неведомо было употребление русских уменьшительных и ласкательных форм имен, поэтому, они не знали, что *Александр, Шура, Саша* и *Санька* — одно и то же имя, так же, как и *Евдокия, Авдотья, Дуся* и *Дуня*. В связи с этим изредка даже родные братья назывались *Сааша* и *Саанька, Петрууиха* и *Петя*. Среди девушек были родные сестры: *Хаатя* (Катя) и *Хатрина* (Екатерина); *Маришиха, Маня* и *Мааша*» [Башкуев, 1981, С. 24].

Ассоциации по значению

В монгольском языке широко распространено употребление разнообразных словосочетаний. По структуре они разделяются на двухкомпонентные и многокомпонентные. Двухкомпонентные словосочетания по соотношению слов разделяются на два подкласса: компликативные сочетания и атрибутивные сочетания [Өвөр Монголын ... 1964, С. 591]. Согласно нашему исследованию, в монгольских антропонимах встречаются массовые имянаречения на основе двухкомпонентных словосочетаний. Двухкомпонентные словосочетания на основе соотношения слов также разделяются на два подкласса как комплетивные сочетания и атрибутивные сочетания. Таким образом, для личных имен, образовавшимся из двухкомпонентных словосочетаний, классификация приводится по данному критерию.

Как показали наблюдения, комплетивные имена частотно используются для наречения братьев и сестёр, а также близнецов и двойняшек. Это связано с тем, что такие имена объединены близостью значений, другими словами, такие имена обладают синонимичностью

---

11 Данные имена записаны у информанта Наранчимэг, жителя деревня Тэмээн-Худаг, п. Сангийндалай, Шулуу-Хух хошун, Шилийнгол аймака, АРВМ, Китай.

значений: *Цэнгэл* 'веселье', *Жаргал* 'счастье'; *Саруул* 'светлый', *Тунгалаг* 'прозрачный, чистый'; *Энх* 'спокойствие, мир, благополучие, благоденствие', *Төвшин* 'спокойствие, мир, благополучие'.

Что касается атрибутивных имен, то в них главное место занимают определительные отношения, выраженные сочетанием качественных прилагательных и существительных, например, *сайн* 'хороший', *санаа* 'мысль' означают доброту; *урихан* 'тёпленький', *хавар* 'весна' передают значение «дружная весна».

Кроме того, иногда встречаются сочетания существительных с причастиями будущего времени: *наран* 'солнце', *мандах* 'восходить' → *Нармандах*; *хишиг* 'милость', *тогтох* 'удержаться' досл. «удержится милость» → *Хишигтогтох*, *од* 'звезда', *мандах* 'восходить' → *Одмандах*. Таким образом, компоненты атрибутивных имен не только отличаются друг от друга фонетически, лексически, но и даже по значению, однако вкуче выражают единое значение. Подобные имена отличают определённые закономерности, поэтому мы считаем, что упомянутый способ является одним из способов образования монгольских антропонимов путем рифмования, на основе семантической сочетаемости.

Следует отметить, что такой способ не наблюдается в бурятском антропонимиконе, поэтому данный способ является одной из специфических особенностей монгольского соименования.

3.1.2.2. Вертикальное соименование

Как мы говорили выше, в АРВМ всё ещё действует табу на наречение детей именами пожилых родственников, в некоторых местностях избегают аллитерации имён родителей и детей. В связи с этим, на данных территориях вертикальное соименование не получило развития. Напротив, у бурят и монголов Монголии вертикальное соименование бытует до сих пор.

Родословные монгольских императоров демонстрируют вертикальное соименование, одного из сыновей *Тогоонтөмөр хана* (1320-1370) звали *Төгөстөмөр* (1342-1388), одним из сыновей *Батмөнх Даян хана* (1464-1517) являлся *Барсболд* (1488-1519). Это, с одной стороны, свидетельствует о том, что вертикальное соименование имеет древнюю традицию у монголов. Кроме того, наблюдения над именами монголов династии Юань показывает, что имена императоров не имели значительных отличий от имен простых монголов. Самым ярким примером считаются имена *Төмөр*, *Буха*, которые бытовали как у простых аратов, так и у императоров (ханов). В «元朝人名录» (Репертуар собственных имен в литературных источниках династии Юань) записано немало таких имен. Например, 帖木兒 Tie mu er — *Төмөр* ‘железо’ [с. 2694], 苔失帖木兒 Ta shi tie mu er — *Таштөмөр* ‘нефритовое железо’ [с. 2691], 巴爾斯布哈 Ba er si bu ha — *Барсбуха* ‘тигр-бык’ [с. 2683], 帖木兒不花 Tie mu er bu hua — *Төмөрбуха* ‘железный бык’ [с. 2694]. С другой стороны, это является доказательством того, что табу на наречения детей идентичным компонентом из имени представителей старшего поколения на территории АРВМ КНР появилось намного позже.

Очевидно, что у бурят и монголов Монголии сохранилась традиция вертикального и горизонтального соименования. В АРВМ фиксируется только горизонтальное соименование. На основании этого факта можно убедиться в том, что вертикальное соименование исчезло после того, как сформировалась административная территория Внутренней Монголии.

Наименование Внутренняя Монголия происходит от названия «Внутренняя Жасак Монголия» при династии Цин. Внутренняя Жасак Монголия относится к 49 знаменам, которые состоят из Жирим, Зуу-уд, Зуст, Шилингол, Улаанцав, Ихзуу шести аймаков [周清树, 1993, С. 2].

По нашему мнению, исчезновение вертикального соименования непосредственно связано с запретом на произнесение имён правителей. Как мы выше упомянули, в Ордосе АРВМ до сих пор «зеркало» (*толь*) называют как *Гэрэл* ‘свет’, из-за того, что слово *толь* по фонетике и семантике приблизительно к имени *Толуй*, который был четвертым сыном Чингисхана. Ещё в работе Н. П. Шестиной упомянута запись Томилка Петрова: «Так Томилко Петров, ездивший весной 1616 г. к ойратам и наводивший, Между прочим, справки о Алтын-хане, пишет: “а про Алтыново прямое имя люди его не сказывают, а называют его все только Алтыном, а толды де ему подлинное имя будет ведомо как его не станет”» [Шестина, 1949, С. 385]. Таким образом, первоначально у монголов Внутренней Монголии общепринятым был запрет на произнесение имен правителей. Затем на основании такого запрета появилось табу наречения детей именами, идентичными именам пожилых родственников. Об этом же пишет Н. Л. Жуковская: «Запреты произносить имена близких родственников членами семьи — явление вторичного порядка, более позднее и сложное, имеющее не столько магическую, сколько социальную мотивировку» [Жуковская, 2002, С. 120]. Видимо, этот запрет в АРВМ получил особенно сильное развитие вплоть до такой степени, что влиял на традиции наименования. Поэтому мы здесь рассмотрим вертикальное соименование только у бурят.

В связанных именах бурят вертикальное соименование проявляется при помощи фонетики и семантики.

Фонетически связанные

Из материалов, собранных А. Г. Митрошкиной, нами выявлено, что хотя буряты использовали старомонгольскую письменность до реформы письменности в 1931 г., однако и до этого времени в сфере антропонимов уже была распространена аллитерация. Например, *Хурган* — *Ханай* и *Хубидай*; *Ходоон* — *Хабсаан* и *Хольтии* [Митрошкина, 2007, С. 102]. Кроме

того, Ж. А. Зимин написал об аллитерированных именах бурят так: «в даче имен нередко наблюдается тенденция аллитерирования. Аллитерация имен может наблюдаться в нескольких поколениях. Например, отец *Ошор*, сын *Оошоб*; дед *Убаша*, сын *Улан*, внук *Убран*...

... Иногда аллитерированными бывают имена детей и отца: отец *Балтар*, сыновья — *Баасоб*, *Балда*, *Баанай*; или только имена детей: у *Иренова Константина* (улус Нарены) сыновья имеют имена *Андрей*, *Аюр*, *Артур*; в семье *Баданова Сагадара* (улус Жалгай) у дочерей имена начинаются с буквы “С” — *Сагаалин*, *Саржаан*, *Самбар*» [Зимин, 1981, С. 20]

Помимо исконных имен в заимствованных именах также может соблюдаться данный принцип. Но у западных и восточных бурят использование заимствованных имен не равномерно. Известно, что в Западной Бурятии влияние русских антропонимов более сильно, а в Восточной более глубоко проникли тибетские имена. В связи с этим А.Г. Митрошкина пришла к выводу, что «разброс начальных звуков в связанных именах бурят различных регионов зависит, главным образом, от источников именника: тибетский пласт в восточно-бурятском регионе резко увеличивает количество имен с начальными согласными **с**, **д**, **н**, резко сократив имена на **б**, **х**. Естественно, сказываются и диалектные различия в области фонетики, например, соответствие начальных **ј** и **ж**» [Митрошкина, 2007, С. 102].

Семантически связанные

Вертикальное соименование бурятских антропонимов иногда проявляется при помощи семантической связи. Ввиду того, что имена, семантически связанные друг с другом, близки и по фонетике, у них также наблюдаются фонетические связи. Например: *Борой* — *Борбоо* — *Елтоон*. Из них *Борой* и *Борбоо* образовались от слова *боро* ‘серый’; *Баатай* — *Бааһан* — *Бабуулай*. Из них *Баатай* и *Бааһан* образованы от слова *баа* ‘маленький’; *Хайнтай* — *Хайнда*, *Хайхнай*. Все эти имена образовались от слова *хайн*

‘хороший’ [Митрошкина, 2007, С. 102]. Однако по сравнению с горизонтальным, вертикальное соименование является более редким явлением.

3.1.3. Антропонимы с нумеративным компонентом

«Число выделяется в качестве ономастической универсалии бурятского, китайского, монгольского языков» [Дашеева, 2016, С. 82]. Их отражение особенно ярко наблюдается в сфере антропонимии и топонимии. Это обусловлено тем, что у многих народов определенные числа имеют свои символические значения, а некоторые из них даже считаются магическими. Особенно числа в пределах первого десятка.

Монгольские антропонимы разнообразны по составу, и употребление числительных в качестве собственных имён является одной из их специфических особенностей. На примере «Сокровенного сказания монголов» можем удостовериться в том, что монголы с давних времён употребляли имена числительные в качестве собственных имен, например: *Есүхэй*, *Есүй* от *ес* ‘девять’. Вероятно, такое употребление в то время было ещё не очень популярным, или можно сказать, не таким широко распространенным. Но на настоящий момент оно уже стало одним из основных способов для образования монгольских антропонимов. Опираясь на материалы «Монгол хүний нэрийн тайлбар толь» [Чоймаа, 2017], мы нашли достаточное количество имён, образованных при участии числительных от 2 до 10, от 40 до 100 и числительных 1000, 10000 и 100000.

По сравнению с монгольской антропонимией, в антропонимах современных бурят реже наблюдаются личные имена с нумеративным компонентом. По материалам из Справочника личных имён народов РСФСР [Справочник..., 1987, С. 237-246], до 70-х годов прошлого века среди бурят ещё были распространены такие имена, как *Гунан* ‘трёхлетний (о животном)’, *Гунахан* ‘трёхлетняя (о животном)’, *Табхай* ‘от таба (пять)’,

Найман ‘восемь’, *Наянтай* ‘восемьдесятiletний’, *Арбан* ‘десять’, *Түмэн* ‘десять тысяч’, *Түмэд* от *Түмэн* ‘десять тысяч’+д (показатель множественного числа).

Кроме того, нами зафиксированы такие древние личные имена бурят, как *Хорин* — из *хорин* ‘двадцать’, *Хориной* (*Хорьной*) — из *хорин* ‘двадцать’+ой (суффикс родительного падежа), *Табуухан* — из *таба(н)*, монг. *тав(ан)* пять, *Табита* — из бур. *табита(й)* ‘пятидесятiletний; родившийся в 50-летнем возрасте (отца или матери)’, *Юһэнгүүшэн* — из *юһэн* ‘девять, девятый’. Вышеупомянутые имена показывают, что личные имена с нумеративным компонентом также занимали определенное место в бурятской антропонимии, и имянаречение по числам у них так же, как и у монголов, продолжалось долгое время. Тем менее, в бурятском языке имена с нумеративным компонентом не получили такого широкого распространения, как в монгольском языке. Однако в бурятском языке существуют фамилии с нумеративным компонентом, например: *Табинаев*, *Табитуев*, *Хориноев*.

По нашим наблюдениям, из имён с нумеративным компонентом в состав популярных личных имён в настоящее время входит только имя *Түмэн* ‘десять тысяч’ [Бадмаева, 2005, С. 85]. Распространение данного имени объясняется тем, что «в последнее время возрос интерес к исконным бурятским именам, в связи с чем стали широко употребляться звучные, ёмкие, краткие имена» [Там же, С. 85]. Поэтому в настоящее время выбор падает на *Түмэн* в качестве личного имени независимо от его символического значения, а обусловлено чаще всего его благозвучностью, легкостью в произношении не носителями бурятского языка. С одной стороны, это демонстрирует, что число в сфере антропонимии теряет своё символизированное значение, с другой, это также показывает то, что число в бурятском языке в определённой степени теряет мотивационную основу в номинации человека.

Как нам кажется, причина вытеснения личных имён с нумеративным компонентом кроется в том, что «в XIV-XIX вв. в период распространения ламаизма и христианства в Бурятии антропонимы тибетско-санскритского и славянского происхождения, оттеснив имена предшествующей эпохи, получили дальнейшее развитие» [Бадмаева, 2005, С. 85]. Таким образом, бурятские личные имена с нумеративным компонентом в качестве исконных имён уступали своё место заимствованным именам.

Общеизвестно, что монголы и буряты испытали глубокое влияние тибетского буддизма, и тибетско-санскритские имена заняли большое место в их антропонимиконе. Однако интересно, что после периода «расцвета» заимствованных тибетско-санскритских имён, в монгольском языке АРВМ имена с нумеративным компонентом всё равно развивались, а в бурятском языке исчезли.

Так, на примере монгольских имен *Зуунасан* ‘столетний’, *Мянганбаяр* ‘тысяч радостей’, *Түмэнжаргал* ‘десять тысяч счастья’ мы видим их пожелательно-меморативную мотивировку, что все еще связано с древней верой в магию слова, числа, в бурятском языке, ощутившем гораздо раньше, чем монгольский, влияние европейского языка и европейской культуры (русского языка и русской культуры) пожелательность и меморативность стали передаваться менее описательными и более простыми единицами: *Жаргал* ‘счастье’, *Мүнхэ* ‘вечный’, *Баяр* ‘радость’. Тем не менее, в бурятском антропонимиконе встречаются и составные имена–пожелания: *Мүнхэ-Жаргал* букв. ‘вечное счастье’; *Мүнхэ-Баяр* букв. ‘вечная радость’, *Мүнхэ-Жаб* букв. ‘вечная защита, покровительство’, *Жаргал-Сайхан (Жаргалсайхан)* букв. ‘счастье прекрасно’ и т.д.

Относительно сохранения мотивировок наименования бурят, О.Ф. Золтеева предполагает, что общие номинационные признаки монгольских антропонимов характеризуются такими мотивировками, как 1) меморативные именованья, 2) пожелательные именованья, 3) дескриптивные именованья и 4) ситуативные именованья [Золтеева, 2006, С. 78-122]. В том числе, по

нашим наблюдениям, этот критерий соответствует и антропонимам с нумеративным компонентом. Например, меморативные имена: *Табита, Жарантай, Далантай, Наянтай*; пожелательные имена: *Баатар, Буян, Жаргал*; дескриптивные имена: *Борлой, Халзагар* соответствуют названным выше мотивировкам; ситуативные имена: в бурятском языке обнаружено только одно ситуативное имя *Солбон*, родившийся на утренней заре (имя дано ребенку, родившемуся на утренней заре). В большинстве же случаев выбор этого имени может быть мотивирован не только этим. Но по мере развития общества, роста населения и увеличения скорости и дальности передачи информации, личные имена современного общества стали основываться на требованиях, которые способствуют преобразованию природы и общества, облегчению обмена информацией, переходят от сложного к простому, экономичному и стандартизированному способу. Тенденции современного постиндустриального общества, стремящегося к интенсификации, стандартизации и интернационализации также естественным образом отражаются в антропонимах. Поэтому бурятские антропонимы, по нашему мнению, под влиянием системы наименования русского языка постепенно теряют свои мотивировки номинации, их место занимают благозвучие, популярность, а значения, которые ранее вкладывались в имена, отходят на второй план. Так получают большое распространение имена, значения которых неизвестны большинству носителей данного языка.

В связи с небольшим количеством бурятских антропонимов с нумеративным компонентом, мы здесь будем рассматривать в соответствии с вышеперечисленными мотивировками монгольские антропонимы с нумеративным компонентом.

1) Меморативные именованья

Имена, данные в честь возраста старших членов семьи

Монгольский народ очень вежлив при обращении к пожилым людям, об этой традиции свидетельствует множество пословиц, поговорок,

фразеологизмов, которые широко распространены у монголоязычных народов.

Кроме того, в традиционном монгольском календаре бытуют так называемые *Колеса Времени*, подразделяемые на *Малое* и *Большое*. Длительность малого *Колеса Времени* составляет 12 лет — это 1 цикл, *Большого* — 60 лет. Каждое начало малого колеса времени называется год судьбы, который встречается в 13, 25, 37, 49, 61, 73, 85, 97 лет и т.д. Согласно этому, у монголов человек с 61 года уже считается пожилым. Поэтому у монголов существуют такие собственные имена, как *Жараннэг* ‘шестьдесят один’, *Далангурав* ‘семьдесят три’, они как раз в честь года судьбы старшего поколения. Например, если ребёнок родился в 73-летний год судьбы дедушки, тогда можно наречь этого ребенка *Далангурав* ‘семьдесят три’. Кроме того, бытуют собственные имена, произошедшие от других числительных, не обозначающих годы судьбы. По нашему мнению, такие имена также связаны с наречением в честь возраста старших или пожилых членов семьи, например, *Дөчинтав* ‘сорок пять’, *Жаранцэцэг* ‘шестьдесят-цветок’, *Даланбаатар* ‘семьдесят-богатырь’ и т.д. Наш фактический материал показал, что при рождении в год судьбы по восточному гороскопу чаще всего нарекают детей непосредственно числительными, а в большинстве случаев составными, которые состоят из числительных + существительных. В свою очередь, составные имена разделяются по полу. Так, в состав женских имен после числительных часто входят существительные, имеющие эстетический оттенок: *чимэг* ‘украшение’, *цэцэг* ‘цветок’. А при наречении мальчиков, антропонимообразующим формантом наряду с нумеративом становилось существительные, подчеркивающие маскулинность: *Даланбаатар* ‘семьдесят-богатырь’, *Наянзориг* ‘восемьдесят-храбрость’. Здесь следует сказать о том, что числительные меньше ста, в том числе целые числа 60, 70, 80 являются самыми популярными.

2) Пожелательные именованья *Имена со счастливой символикой*

У разных народов есть свои излюбленные, предпочитаемые для таких символических целей числа, и в этом, как и в других аналогичных явлениях, ярко выражается своеобразие локальных этнических культур [Жуковская, 2002, С. 165]. Так и в монгольской культуре несмотря на то, что у всех чисел от одного до девяти имеются свои символические и обрядовые значимости, но касательно антропонимических систем, число «девять» стало самым популярным. Число «девять» в десятичных системах счета является самым полным и наибольшим числом первого числового ряда (ряда чисел от 0 до 9, выражаемых одной цифрой) [Там же, С. 183]. Но и число «три» как раз входит в него как множитель, значит, число «девять» равно произведению три на три. Так что, по нашему мнению, такая символическая значимость числа *ес* 'девять' также воспринималась в монгольских антропонимических системах, и, в свою очередь, появились собственные имена как *Есүлүн*, *Есүнцагаан*, которые основывались на числе «девять». На самом деле в бурятской антропонимии также наблюдаются имена основаны на числа *три* и *девять*, как *Гунан* 'трёхлетний (о животном)' и *Юһэнгүүшэн* 'юһэн: девять'.

Помимо числа «девять», в состав монгольских антропонимов вошли и другие числа, такие как 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, но не столь широко как число «девять». Например, *Гурванзул* 'три-лампадки', *Дөрвөнчулуун* 'четыре-камня', *Таванбаяр* 'пять-радостей', *Жургаа* 'шесть', *Долоонбурхан* 'семь-богов', *Найманжаргал* 'восемь-счастий'. А что касается числа «два», символика его в монгольской традиционной культуре кроме выражения двуединства или философским осмыслением единства противоположностей, также выражает идею парности и параллелизма [Гармаева, 2008, С. 106]. Данная символика также отражается в культуре монгольской. Наблюдается, что в монгольских и бурятских антропонимах почти непрямо употребляется слово *хоёр* 'два', зато существуют специальные слова, которые по численности укажут на число «два», по значению также отражают идею парности и параллелизма, как монг., бур. *хос* 'пара' и монг. *давхар*, бур.

дабхар ‘двойной’. Эти слова вместо числа «два» широко распространяются в монгольских собственных именах. Например, *Хосбаяр* ‘пара-радостей’, *Давхарбаяр* ‘двойная радость’ и т.п. И распространили в древности у бурят как *Хосоомой* ← *хос+оо+мой* ‘парный’, *Хосоохой* ← *хос+оо+хой* id.

Имена со значением множественности

«Такие числа, как 99, 1000, 10000, 99000, миллион, как уже говорилось выше, скорее, числа-гиперболы, выступающие в эпосе как показатели множества, несметной силы, богатства» [Жуковская, 2002, С. 182]. Таким образом, числа-гиперболы, особенно 100, 1000, 10000, 100000, 1000000 как символические показатели множества и богатства также вошли в состав монгольских антропонимов. Например, среди монгольских антропонимов часто встречаются собственные имена, такие, как *Зуундалай* ‘сто-море́й’, *Мянганжаргал* ‘ты́сяча-сча́стий’, *Түмэнбаяр* ‘деся́ть-ты́сяч радостей’ т.д. Такие имена являются составными. Помимо приведенных, бытуют и такие имена, как *Түмэн* ‘деся́ть-ты́сяч’, *Буман* ‘сто-ты́сяч’ и т.п., которые образовались только из числительных. В подобных именах такие числительные, как 100, 1000, 10000, передают значение множественности, то есть не конкретное значение числа, выбор же конкретного нумератива зависит от личных предпочтений человека. В бурятском языке личное имя *Түмэн* ‘деся́ть-ты́сяч’ также носило аналогичную мотивировку.

Признаками имён со значением множественности монгольского языка являются то, что в образовании имён не участвуют аффиксы как *-тай/-тэй*, *-т* или слова *-насан*, *-наст*, которые выражают значение «такого-то возраста». Однако, следует отметить, что в составе указанных выше имён встречается аффикс *-дай/-дэй*, который графически не отличается от аффикса *-тай/-тэй* на старописьменном монгольском языке. Согласно нашим данным, очевидно то, что аффикс *-дай/-дэй* является субстантивным формантом, обычно он образует новые существительные от существительных, в частности антропонимы, как *Цагаадай* от *Цагаа* ‘белизна, белый’, *Буяндай* от *буян*

‘добродетель’, *Бэсүүдэй* и др. Последний антропоним, возможно, происходит от *бэсүд* — названия одного из древнемонгольских племен. Таким же образом образуются такие собственные имена, как *Мянгадай*, *Түмэндэй*.

Имена, содержащие пожелание долголетия

Монгольские народы часто обмениваются благопожеланиями: «*Урт насалж удаан жаргаарай!*» ‘Желаю вам долголетия и долгого счастья’. Это является один из самых простых и популярных благопожеланий. Вместе с тем, в монгольских антропонимических системах ещё бытуют такие имена, которые содержат числительные, выражающие пожелание долголетия. Но здесь количественно можно разделить на две группы.

В первую группу входят собственные имена, образованные от числительных меньше ста., например, *Жарантай* ‘шестидесятилетний’, *Далантай* ‘семидесятилетний’, *Наянтай* ‘восемьдесятитлетний’. В бурятской традиции такие имена получали также дети, родившиеся в данном возрасте отца, т.е. носители имени *Жарантай* родился, когда его отцу было шестьдесят и более лет, а *Далантай*, когда его отцу было семидесят и более.

В антропонимиконе монгольских языков кроме формантных имен ещё бытуют составные имена, которым присуща форма «числительное+*тай*+существительное», к примеру, *Далантайбаатар* ‘семидесятилетний богатырь’, *Наянтайцэрэг* ‘восемьдесятитлетний воин’ и т. п. Согласно нашему исследованию, собственные имена, образованные при участии аффиксов *-тай/-тэй*, *-т*, и компонентов *-насан*, *-наст* употребляются при имянаречении мальчиков. В женских именах вместо этих формантов чаще всего используется аффикс *-жин*. Например, *Даланжин* ‘семидесят’, *Наянжин* ‘восемьдесят’, *Түмэнжин* ‘десять-тысяч’. На самом деле, аффикс *-жин* в качестве специального аффикса для образования женских антропонимов не ограничен числительными большими порядков, он также употребляется после числительных до десятка, как, например, в

именах: *Гурванжин* ‘три’, *Дөрвөнжин* ‘четыре’. Мотивировка таких имен разнится в зависимости от числительных, употребленных с формантом *-жин*.

Между тем, Е. В. Сундуева полагает, что имена, содержащие числительные от 30 до 90, указывают, как мы писали выше, на возраст одного из родителей в момент рождения этого ребёнка [Сундуева, 2005, С. 21]. По нашему мнению, между ними чаще встречаются имена, содержащие числительные от 60 до 90, тем более аффикс *-тай* определяется как «характеризующийся способностью вызывать то или иное чувство или действие в соответствии со значением производящей основы» [Дондуков, 1964, С. 81], поэтому мы считаем, что имена с числительными выше 60 больше содержат чаще пожелание долголетия, чем указание на возраст. В прочих случаях они указывают на возраст.

Во вторую группу входят собственные имена, состоящие из числительных, таких, как *Зуу* ‘сто’, *Мянга* ‘тысяча’, *Түмэн* ‘десять тысяч’ или *Буман* ‘сто тысяч’. Например, *Зуунаст* ‘столетний’, *Түмэннасан* ‘возраст в десять тысяч лет’. В данной группе также употребляются компоненты *-т*, *-тай/-тэй* или *-насан*, *-наст*. Однако в этом смысле при сравнении с именами, состоящими из числительных меньше ста гораздо реже встречаются такие имена, как *Мянганнаст* ‘тысячелетний’, *Түмэннасан* ‘возраст в десять тысяч лет’ и т. п. По нашему мнению, это связано с понятием «жёсткие имена», о которых мы писали в разделе 3.1.

Монголы считают, что энергетика простого человека не справится с чрезмерно величественными именами, связанными с именованьем неба, земли, божеств и даже великих исторических лиц. В таких случаях говорят *буян даахгүй* ‘свою добродетель может не выдержать’. Поэтому они чаще предпочитают нарекать такими нумеративными именами, как *Жарантай* ‘шестидесятилетний’, *Далантай* ‘семидесятилетний’, *Наянтай* ‘восьмидесятилетний’, чем такими как: *Мянганнаст* ‘тысячелетний’, *Түмэннасан* ‘возраст в десять тысяч лет’.

3) Дескриптивные именования

Имена по весу новорождённых

Другим интересным явлением в монгольском имяназвании является тот факт, когда малыша нарекают именем, являющимся числительным, обозначающим его вес при рождении. Например, *Зургаанжин* ← *зургаан* + *жин* ‘шесть цзиней¹²’, т.е. новорождённый весил ровно три килограмма или *Долоонжин* ← *долоон* + *жин* ‘семь цзиней’, что равно трем с половиной килограммов. Из вышеизложенных примеров видно, что в таких собственных именах в качестве конечного компонента употребляется слово *жин* ‘цзинь’, который также употребляется монголами в качестве единицы веса (1 жин = 500 граммов). Поэтому не следует путать компонент *-жин* (единица меры веса) с аффиксом, образующим женские имена *-жин*. Здесь стоит упомянуть, что в монгольском языке слово *жин* представляет собой заимствованное из китайского языка слово 斤 *Jin*. И по имеющимся в распоряжении у нас данным можно утверждать, что у китайцев также существует традиция именования новорождённых в соответствии с весом при рождении [王泉根, 1992, С. 142], например 六斤 *Liu Jin* ‘шесть цзиней’, 九斤 *Jiu Jin* ‘девять цзиней’. Ввиду этого мы пришли к выводу о том, что способ именования новорождённых по их весу был перенят от китайской традиции. Однако не бытуют имена с дробными числами, как *Жургаанхагасжин* ‘шесть с половиной цзиней’, *Долоонхагасжин* ‘семь с половиной цзиней’. Значит, людям приятны круглые числа и если у малыша при рождении был зафиксирован вес с дробным числом, то, скорее всего, его не нарекут по весу.

Имена признаков

По нашему мнению, числительное в монгольской антропонимии также может употребляться для того, чтобы именовать человека, по каким-то

---

12 Цзинь [кит. 斤] — традиционная китайская мера веса, равная 500 граммам.

признакам, которые имеют тесное отношение к числительным или исчисляемый признак. В «Сокровенном сказании монголов» зафиксировано имя *Зургаадай* ‘шесть’ [Элдэнтэй, 1997, С. 417], хотя нам не известен генезис этого имени, но согласно выделению, по И. А. Ламожаповой, на социально обусловленные монгольские имена бытуют признаковые имена, как *Мэнгэ-л*, *Мэнгэ-л-ун* — от *мэнгэ* ‘родинка, родимое пятно’ [Ламожапова, 2004, С. 19]. Поэтому в принципе есть возможность нарекать детей прямо каким-нибудь исчислимым признаком при помощи аффикса *-дай/-дэй*, который специализируется в образовании имени собственного. Подобными примерами в монгольских антропонимах служат такие распространенные имена, как *Долоодой* ‘семь’, *Наймдай* ‘восемь’ и другие. Однако мы не очень уверены в этой гипотезе. Возможно, что именовали этими именами просто в виду личного предпочтения. Этот вопрос всё ещё ждет более детального исследования в будущем.

4) Ситуативные именованья

Имена по времени рождения ребёнка

В настоящее время у монголов Монголии существует обычай называть детей по времени рождения, например, *Үүрийнтуяа* ‘утренняя заря’, *Наранмандах* ‘солнце взойдет’. В том числе бытует некоторое количество ситуативных имён с нумеративным компонентом. К примеру, во Внутренней Монголии до сих пор бытуют редкие имена, данные по дате рождения, чаще всего по лунному календарю, как *Шинийннэгэн* ‘первое число Нового года’, *Шинийнтаван* ‘пятое число Нового года’. Бытуют имена, данные в честь знаменательной даты, юбилея. К этому ряду антропонимов относится личное имя *Тавинжил* ‘50 лет, данное имя носит денотат, родившийся в день 50-летия Монгольской народной революции’ [Золтоева, 2006, С. 123]. Кроме того, зафиксированы случаи, когда детей называют в честь рекордных достижений. Как пишет Д. Баяр: «В 1988 году, когда в нашей стране население перевалило за два миллиона, многих детей стали нарекать

именами *Саяэрдэнэ* ‘миллионная драгоценность’, *Саяболд* ‘миллионный булат’, *Хосбаяр* ‘двойная радость’, т.е. радость от рождения ребенка совпала с радостью достижения населения Монголии двух миллионов. Подобных имен появилось достаточно много, что объясняется желанием родителей увековечить монументальное значение того дня в имени собственного ребенка.¹³ В то же время, ситуативные имена, образованные с употреблением числительных, встречаются гораздо реже, по сравнению с личными именами других мотивировок. На наш взгляд, это происходит из-за того, что у ситуативных имён с числительными чаще всего менее выражена мотивировка. Тем более, что в наши дни, из-за требования к тому, что при рождении ребенка необходимо немедленно представить имя малыша для оформления свидетельства о рождении, большинство людей до родов уже определяют с именем будущего ребенка.

3.2. Культурно-исторические особенности употребления собственных имен в монгольском языке АРВМ КНР и в бурятском языке

3.2.1. Табу наречения

Наречение охранными именами

По словам А. А. Реформатского, табу есть «этнографическое понятие, касающееся и языка. Табу означает запрет, возникающий в сфере общественной жизни на разных ступенях развития общества. Исходя из различных предпосылок, такой запрет может распространяться и на факты языка» [Реформатский, 1996, С. 56]. В «Словаре лингвистических терминов» Т. В. Жеребило **табу** определяется как «Табу (полинез. *tapu*). Означает особо (всецело) отмеченный (выделенный). Образовано в полинезийском из двух корней: *ta* — отмечать, *pu* — всецело: *tapu* → *tabu*. Запрет на слова, которые

---

¹³ Цит. по: [Сэржээ, 1992, С. 51].

обозначают почитаемые или, напротив, «плохие» явления и понятия» [Жеребило, 2010, С. 392].

Для того, чтобы заменять табуированные слова, говорящий обычно прибегает к помощи эвфемизмов. «Эвфемизм [<др.-греч. εὐφημία воздержание от неподобающих слов]. Более мягкое выражение вместо грубого или непристойного» [Жеребило, 2010, С. 462]. А. А. Реформатский относит к эвфемизмам «заменные, разрешенные слова, которые употребляют вместо запрещенных (табуированных)» [Реформатский, 1996, С. 56].

Случаи табуирования являются одним из актуальных вопросов для изучения имянаречения современных бурят и монголов АРВМ. По нашим наблюдениям, эвфемизмы в бурятском и монгольском антропонимиконах употребляются неравномерно. В обоих языках имеются общие моменты данного явления, однако и немало отличий.

«Первобытные люди, находясь на нижней ступени развития, верили в магическую функцию языка, в возможность непосредственного воздействия на окружающий мир через язык. Они считали, что между явлением и его названием имеется какая-то связь, и акт называния может вызвать само явление. Так появился запрет, табу на употребление названий определенных предметов и явлений: слова, обозначающие смерть, имена умерших людей, названия болезней, опасных животных, собственные имена людей, названия гор, рек и др. Древние монголы старались не называть их, заменяя их другими словами» [Ульзетуева, 2010, С. 52].

По нашему мнению, обычаи табуирования монгольских и бурятских антропонимов можно разделить на два типа: табу наречения и табу на обращение по имени. Табу наречения актуализируется во время наречения именем, а табу обращения, как следует из названия, используется в ситуациях обращения, в особенности при обращении молодых людей к старшему поколению. Разница между этими табу заключается в том, что табу наречения выражает отношения, направленные от старшего поколения к младшему, служит для признания человека в обществе. Между тем, табу

обращения признаётся наоборот, лишь некоторыми людьми, в большинстве случаев в отношении молодого поколения к старшему. Это показывает, что оба вида табу отличаются друг от друга пользователями и диапазоном использования. Далее мы рассмотрим особенности каждого из них.

Монголы и буряты во все времена стремились нарекать своих детей благозвучными именами с хорошим значением. Тем не менее, с древности среди них бытовали и охранные имена, для которых употребляются слова с негативной семантикой. Именно поэтому есть основания полагать, что охранное имя является одним из образцов эвфемизма антропонимов. Охранными именами обычно нарекают тогда, когда хотят защитить денотата от нежелательных воздействий: смерти, болезни [Золтоева, 2006, С. 17]. Охранные имена также разделяются по принадлежности слова к какому-либо классу. Например, по названиям животных: монг. *Гөлөг*, бур. *Гүлгэн* ‘щенок’; монг. *Муунохой*, бур. *Муу-нохой* ‘плохая собака’, *Эмэнохой* ‘сучка (самка собаки)’, *Үлэгшэн* ‘самка псовых’, *Шоно* ‘волк’; по названиям нечистот и предметов повседневного обихода: монг. *Хомоол* ‘помёт’, монг. *Баас* ‘фекалии’, *Баастай* ‘с фекалиями’, бур. *Бааһан* или *Бааһатай* id. монг. *Тогоо* ‘котёл’, бур. *Тогооной* ‘принадлежащий котлу’; по словам с охранным значением: монг. *Энэбиш*, бур. *Энэ-Бэшэ* ‘не-этот’; монг. *Хүнбус* ‘нечеловек’; и в АРВМ наблюдаются имена с охранным значением даже на китайском языке как 找不着 *Чжаобучжао* ‘не найдётся’, 跑不了 *Паобуляо* ‘никак не может убежать’. Охранная функция подразумевается и в случае наречения женскими именами мальчиков, например, *Гүнж* ‘принцесса’, *Муу-охин* ‘бедная дочь’, кит. 胖丫頭 *Панятоу* ‘толстая девушка’ а мужскими именами девочек: например, *Сайнхүү* ‘хороший сынок’, монг. *Хархүү* бур. *Хара-Хүбүүн* ‘черный мальчик’, бур. *Эрдэни* ‘драгоценность’. Но по мере того, как изменялось представления монголов и бурят, на сегодняшний день почти не осталась традиция наречения охранными именами будь то в монгольском или в бурятском антропонимах, оно наблюдается крайне редко в

антропонимах старшего поколения в обоих языках или сохранились в бурятских фамилиях, производных от эвфемистичных имен предков носителей этих фамилий.

Табу на наречение детей именами пожилых родственников

У монголов не принято нарекать детей именами родственников старшего поколения семьи, особенно именами покойных, дедушек и бабушек. Они пытаются избежать повторения имён между молодым и старшим поколениями. На этом же основании детям не выбираются и те имена, которые содержат аналогичные компоненты с именами старшего поколения семьи. В некоторых районах АРВМ тщательность при подборе доходит до уровня фонетики компонентов имён. Об этом отмечает учёный Содномдорж: «В некоторых районах начальные и конечные звуки имён старшего поколения становятся запретными, в результате чего детей нельзя нарекать именами, которые включают в себя эти звуки» [Содномдорж, 1989, С. 119]. Так, идентичные компоненты личных имен часто используются для наречения братьев или сестер из одной семьей, но исключаются идентичные компоненты имен двух поколений (отцов и детей). К примеру, если отца зовут *Ганбаатар* ‘стальной богатырь’, то у детей исключены имена с формантом *Ган* ‘сталь’, такие, как *Ганбат* ‘сталь-крепкий’, *Гантөмөр* ‘сталь-железо’, *Ганболд* ‘сталь-булат’ т.д. Это демонстрирует то, что у современных монгольских антропонимов существуют только горизонтальные соименования.

Подобного рода табу не встречаются в бурятской антропонимии. Высказывание А. Г. Митрошкиной по поводу бурятского соименования по вертикали в известной степени может объяснить данное явление. «Соименование по вертикали в последние десятилетия находит все большее распространение, но совершенно на иной основе. Теперь стало модным давать имена в честь бабушек и дедушек. Так, например, Михаил Григорьевич Асхаев сыну дал имя своего учителя — крупного биолога

Михаила Михайловича Кожова. Сын же дал своему сыну имя своего отца — Михаил» [Митрошкина, 2007, С. 103]. Здесь ещё следует напомнить, что немало бурят нарекают своих детей именами ближайших покойных предков на память. Об этом исследователь Б. В. Башкуев в своей работе замечает: «Нередко новорожденные получали имена ближайших покойных предков. Это в какой-то мере было связано с тем, что буряты на могилах умерших не ставили памятники, так как считали, что память о них сохраняют потомки» [Башкуев, 1981, С. 26]. А «в условиях же современности выбор имени ребенку определяется в основном двумя причинами: а) имя нравится родителям (50-60%); б) имя выбирают в честь другого человека (11-15%), из них в честь бабушки или дедушки — 20-25%» [Хамаева, 1981, С. 46]. Однако такое явление в АРВМ не характерно.

Табу на наречение детей именами близких знакомых

«Во времена распространения буддизма в Монголии многие предпочитали спрашивать имя для детей у ламы (астролог). Ламы обычно давали имена на основе астрологии, называющейся «Биндэръяагарба», учитывая год, месяц, день, время, стихию и созвездие рождения ребёнка. Однако не все ламы хорошо разбирались в этой астрологии и заботились о каждом ребёнке, то есть ламы часто давали имена, руководствуясь своим вкусом. Этот факт ясно прослеживается в записях регистрации в разных аймаках. В Убурхангайском аймаке Монголии аймаке были популярны имена *Самдан* ‘всеобщий’, *Цоодол* ‘море’, а в Архангайском аймаке — *Самбуу* ‘хороший’, *Долгор* ‘белая Тара’. Это свидетельствует о том, что в прошлом в этих местах проживали ламы, которые любили именовать именно этими именами» [Төмөрцэрэн, 2004, С. 133]. Такие случаи наречения «любимыми» именами у лам наблюдается в Бурятии в настоящее время, например, в одном из районов много девочек с именем *Аюржана*.

На самом деле, наречение одинаковыми именами вызывает большую коммуникативную проблему, особенно в небольшом социальном кругу. В

годы ослабления влияния буддизма в АРВМ восстанавливается табу на наречение детей идентичными именами близких знакомых. По нашему мнению, это происходит от того, что по мере расширения круга общения люди стараются избегать дублирования имён, чтобы не вызывать путаницы. Поскольку личные имена у монголов играют главную роль в официальном и неофициальном общении, родители стараются именовать своих детей не только благозвучными, но и уникальными именами.

У бурят не существует табу на наречение детей именами, идентичными именам близких знакомых. Однако они также стремятся нарекать своих детей уникальными именами. Благодаря тому, что буряты используют трёхкомпонентную формулу, случаи повторения имен с другими крайне редки.

Табу на наречение детей «жёсткими» именами

Несмотря на то, что монголы именуют детей самыми разнообразными именами, наречение ограничивается определёнными правилами и понятиями, в состав которых входит понятие о «жёстких» именах. Считается, что у каждого человека есть определенная сила, способности, талант и судьба, и, если имя человека превышает эти качества или его возможности, то оно приведёт к несчастью, независимо от того, насколько хорошее значение оно имеет. По-монгольски это называется *нэр хатуудах* (имя оказалось слишком «жёстким» для своего носителя, т.е. послужило поводом или «источником» болезней, несчастных случаев, тяжелой судьбы). Примерами «жёстких» имён могут быть *Хаанзаяа* ‘царская судьба’, *Эрхэмхаан* ‘почётный царь’ и т.д. Как заметил учёный Тавингурав, во время наречения ребёнка именем монголы обычно основывались на своём жизненном опыте, соединяя, насколько это возможно, свои мечты в соответствии с психологической нормой [Тавингурав, 1983, С. 97]. Именно поэтому монголы выбирают имена для детей аккуратно, стараясь избегать так называемых «жёстких» имён. Такие «жёсткие» имена в большинстве своём семантически связаны с Богом,

горами, духами и титулами ханов, даже с определёнными естественными явлениями или животными.

По поводу этого явления в одной статье отмечалось: «Запрещают детей именовать жёсткими именами. К примеру, *Гялбаа* ‘блеск, сверкание’, *Аянга* ‘гром’ и т. п. имена считаются нецелесообразными. Потому что *Гялбаа* представляет собой мгновенно проходящий свет» [Бүрэнбилэг, 2003, С. 78]. Однако такие имена в повседневной жизни встречаются все чаще. Это значит то, что поверье о «жёстких» именах постепенно утрачивает свою силу.

Тем не менее, следует отметить, что понятие о «жёстких» именах в части имен божеств не распространяется на санскритско-тибетские заимствованные имена, такие как *Лхам* ‘богиня’, *Долгор* ‘Белая Тара’ и другие. По нашему мнению, это связано с тем, что большинство монголов не знали или не знают настоящее значение этих заимствованных имен.

В бурятском антропонимиконе также бытует понятие «жёстких и мягких имен». Об этом И. А. Ламожапова замечает: «некоторые наши наблюдения показывают, что среди бурят Восточного Прибайкалья и монголов Монголии и ныне существует поверье, согласно которому существуют *хатуу нэрэ* ‘жесткое имя’ и *зөөлэн нэрэ* ‘мягкое имя’. Среди потомков рода Худанса Шарайд (Забайкальский край, Агинский Бурятский округ) выявлен такой факт. Мальчик по имени Саяан сильно заболел. Врачи не смогли поставить диагноз. Родители обратились к местному ламе, который заметил: «*Хүбүүн нэрэдээ диилдэнэ*», т. е. «мальчик угнетается своим именем». По совету ламы ребёнку дали другое имя — *Сэрэн* — от тиб. *srüing* ‘Сахюусан — талисман’, и ребёнок полностью выздоровел» [Ламожапова, 2008, С. 83].

Несмотря на общность понятия о «жёстких» именах у монголов АРВМ и бурят, существуют определенные ареальные отличия в данном явлении. Так, традиционно имя *Чингис* считается «жёстким» у монголов, а у бурят оно называется «тяжелым», поскольку оно является именем великого монгольского правителя Чингисхаана. В АРВМ до сих пор не только

избегают нарекать этим именем мальчиков, но и стараются реже произносить его вслух. У бурят в некоторой степени произошло переосмысление табуированности данного имени. В том случае, если лама-астролог или родовой шаман одобрил наречение этим именем, а ребенок силен физически и морально, и родители ему желают обладания теми же качествами, которые были присущи великому хану, мальчика нарекают данным именем.

Переименование при вступлении в брак

Традиция переименования невесты после брака до сих пор сохраняется у монголов. Она заключается в том, что невеста должна соблюдать определённые табу в отношении старших родственников мужа. В частности, невестке дают новое имя в случае, когда она и старшие родственники мужа оказываются тёзками. Невестке дают либо новое имя, либо имя-синоним старого. В том числе новое имя невестки часто даётся с учётом имени мужа, которое вступает в аллитерацию с его именем. Например, невестку зовут *Алтанцэцэг* ‘золотой цветок’, её мужа зовут *Хад* ‘скала’, но из-за того, что имя ее имя частично совпадает с именем свекрови *Алтанхуар* ‘золотой цветок’ монг. *алтан* ‘золотой’, кит. *хуар* ‘цветок’, переименовали в *Хас* ‘нефрит’. Это новое имя созвучно с именем мужа *Хад*. Кроме того, невестке могли поменять имя на *Хуар* ‘цветок’ (часть имени свекрови), синонимичное части ее старого *Цэцэг* ‘цветок’. *Шар* ‘жёлтый’ могли изменить на *Ангир* ‘желтоватый, красно-жёлтый’. Есть основание полагать, что такое табу, по всей вероятности, произошло от запрета произносить имена близких родственников.

Наблюдения за имянаречением бурят показали, что у них в данный момент не существует традиции переименования невестки. Однако так же, как и у монголов, у них бытует негласный запрет на обращение к родителям супруга по имени. По нашему мнению, это связано не только с древними традициями, но и этическими нормами современности. Молодожены обращаются к родителям друг друга *Та* ‘Вы’, говоря о них употребляют нейтральные по окраске слова *хадам баабай* ‘тесть, свекр’, *хадам эжы* ‘теща,

свекровь', а после рождения детей называют их *нагаса баабай*, *нагаса эжы* 'дедушка по материнской линии', 'бабушка по материнской линии', *хүгшэн баабай*, *хүгшэн эжы* 'дедушка по отцовской линии', 'бабушка по отцовской линии', так, как называют их внуки — дети молодоженов. Однако в настоящее время, особенно в ситуациях общения, уточняющие термины родства *хүгшэн* и *нагаса* все чаще опускаются.

3.2.2. Табу обращения

Табу на произнесение имён старшего поколения

Можно сказать, что монгольские табу на обращение развивались на основе понятия о сверхъестественной силе языка (имя неотделимо от предмета, который оно обозначает) и анимистического представления (у имени есть дух). В древности у монголов существовал запрет и на произнесение имён правителей — при обращении к ним и в их отсутствие чаще всего называли титулом. Кроме того, запрещалось называть по названиям гор, которые считались священными. Причина этого, как полагал Д. К. Зеленин, кроется в том, что «произнесение этих имен вслух без уважительной причины нецелесообразно и, более того, с точки зрения магической вредно, ибо способно нанести ущерб хозяйству, причинить вред человеку тем, что понапрасну обеспокоили и вызвали внимание духов»¹⁴. Если запрет называть по именам правителей и по названию священные горы является простым, то запрет произнесения имён старших родственников вторичен.

На сегодняшний день уважительное обращение к старшему поколению уже доминирует во всех сферах общения монголов, между тем, как анимистическое представление почти отошло на второй план, и уважительное обращение к старшему поколению является лишь проявлением уважения, которое выражается двумя формами. Первая форма в своем составе имеет

---

¹⁴ Цит. по: [Жуковская, 2002. С. 247].

только термин должности или родства. Например, *багш* ‘учитель’; *эмч* ‘врач’; *дарга* ‘глава’; *ах* ‘старший брат’; *эгч* ‘старшая сестра’. Вторая форма обычно перед термином добавляет инициальный слог личного имени именуемого, как *На багш* ‘учитель На’ — *На* от имени *Насан*, *Су Эмч* ‘доктор Су’ — *Су* от имени *Сурталт*, *Са эгч* ‘старшая (сестра), тётя Са’ — *Са* от имени *Сарнай*, *То ах* ‘старший (брат), дядя То’ — от имени *Тогтох* и т.д. Кстати, следует отметить, что при обращении на китайском языке два вышеупомянутых варианта также очень популярны. К примеру, 哥 *Ge* ‘старший брат’, 大姐 *Da jie* ‘старшая сестра’, 张老师 *Zhang lao shi* ‘учитель Чжан (фамилия)’ 周大夫 *Zhou dai fu* ‘врач Чжоу (фамилия)’.

Буряты при обращении к старшему поколению также широко используют термины родства, такие, как *аба* ‘отец’, *эжы* ‘мать’, *нагаса* ‘дядя’ и т.д., но среди них не обнаруживается вышеприведенная вторая форма — инициальный слог имени + термин родства / должность. Так и в Монголии больше принято перед термином использовать полное имя вместо инициального слога личного имени. Однако до 70-х гг. прошлого века в среде интеллигенции было принято называть старших и уважаемых коллег формулой, в состав которой входил инициальный слог имени и должность. Например, многие монголоеды помнят, что известного ученого и писателя *Бямбын Ринчена* называли не иначе как *Ри багш* ‘учитель Ри’. Предполагаем, что данная традиция бытовала в эпоху маньчжурского господства, а во Внутреннюю Монголию она попала на благодатную почву китайского языкового влияния.

В целом монголы и буряты при обращении к старшему поколению в микросоциуме почти одинаково употребляют термины родства и занимаемой должности. Но разница кроется в том, что в макросоциуме при обращении к старшему поколению или человеку, занимающему вышестоящую должность, начальнику монголы из АРВМ обычно употребляют термин родства или

начальный слог имени вместе со служебным званием, чтобы выразить уважительность. Например: *Настан* ‘старший по возрасту’, *аав* ‘батюшка’, *ээж* ‘матушка’, *На багш* ‘учитель На’ — от *Нарангэрэл*. Соответственно, современные буряты под влиянием системы именования русского языка, обращаются по моделям: личное имя + отчество или ФИО. Например: *Алдар Баирович*, *Алдар Баирович Цыденов*.

Здесь следует ещё упомянуть о терминах родства, личном местоимении второго лица (вежливая форма — *Та* ‘Вы’) и словосочетаниях, используемых женами при обращении к мужу и его старшим родственникам. Ц. Г. Динганорбоева и А. Г. Митрошкина называют их апеллятивными эвфемизмами [Динганорбоева, 1982, С. 128]. Например, монг. *аав* ‘отец’, бур. *аба* ‘отец’, *хадам аба* ‘свекор; тесть’; монг. *Гэрийн эзэн* ‘хозяин дома’, *манай хүн* ‘наш человек’, бур. *манай бэһэтэн* ‘наш мужчина’, *манай хойморойхи* ‘наш почетный’, букв. ‘почетное место занимающий-наш’. Вышеупомянутые термины в АРВМ употребляются при соблюдении *бэрлэх ёсон* — законов соблюдения невесткой табу в отношении мужа и старших родственников мужа. По правилам этих законов, невестка ещё должна эвфемизмами называть человека (как *Хэцүү Нэрт*, *Их Нэрт* ‘имя-табу’) или предметы (вместо *алх* ‘молоток’ употреблять *лантуу* ‘молот’ от кит. 榔头 lang tou — лантоу), которые созвучны именам её свекра и свекрови. Однако, разумеется, к апеллятивным эвфемизмам относятся не только термины родства, местоимения и словосочетания, используемые для именования мужа и его родственников, муж также может называть свою жену иными словами или словосочетаниями, например, монг. *манай гэрийнхэн*, бур. *манай гэриэн* ‘наша домохозяйка’.

По классификации Ц. Г. Динганорбоевой и А. Г. Митрошкиной, в бурятском языке кроме апеллятивного эвфемизма, ещё существует ономастический вариант-эвфемизм, основывающийся на различных

именованиях антропонимов [Динганорбоева, 1982, С. 128]. Данный эвфемизм также бытует и в монгольском языке.

Первый тип ономастических вариантов-эвфемизмов основан на **фонетическом отталкивании**. Например, монг. *Товчин-Овчин*, бур. *Жаб-Яб*. Данный тип в АРВМ не очень популярен. Согласно собранным нами в АРВМ материалам, отмечен только исследователем *Дан. Хөгжилт* у народности узумчин существует способ замены начального гласного в табуистических именах, где начальный слог *То* заменяется гласным *О*., например, *Товжээ* > *Овжээ*, *Товчин* > *Овчин* [Хөгжилт, 2019, С. 47]. Монгольский учёный Ч. Содном об эвфемизмах табуированных имён Монголии отмечает: «... люди разными способами заменяют настоящие имена номинантов с целью уклонения от неуважения: заменой начального согласного любым способом (от *Агван* — *Наван*, от *Даш* — *Маш*); выпадением начальных и средних согласных или слогов (от *Соном* — *Оном*, от *Цагаан* — *Ягаан*, от *Бат* — *Ят*, от *Дашдондог* — *Даадондог*); называть первым слогом личных имён (от *Лувсан* — *Луу*, от *Пунцаг* — *Пун*, от *Санжээ* — *Сан*) [Содном, 1981, С. 114]. А в бурятском языке наиболее частым субститутотом инициального согласного является среднеязычный согласный *й*. В абсолютном начале данный согласный заменяет почти все согласные бурятского языка: *Банзарагша* — *Янзарагша*, *Вампил* — *Ямпил*, *Гоншог* — *Ёншог*, *Даржаа* — *Яржаа* [Динганорбоева, 1982, С. 128]. Здесь заметно то, что и в монгольском, и в бурятском языках эвфемизмы образованы с целью избежать образования имён, омонимичных апеллятивам.

Вторым типом ономастических вариантов-эвфемизмов является **лексическое отталкивание**, при котором эвфемизмы сохраняют апеллятивную семантику. Например, монг. *Далай* — *Нуур* ‘море — озеро’, бур. *Хурьгаадай* — *Маараадай* ‘ягнёнок — издающий бляение’. В АРВМ большой популярностью отмечен способ замены имени словом из одной лексико-семантической группы (*Тогоо* — *Ширэм* ‘котёл — чугун’, кит. *Хуар* — монг. *Цэцэг* ‘цветок — цветок’, кит. *Лантуу* — *Сүх* ‘молоток — топор’,

санскр. *Очир* — *Доржи* ‘алмаз’. Таким образом, в Монголии также наблюдаются аналогичные эвфемизмы как *Галдан* ‘благословенный’ — *Цуцал* ‘полено’, *Тэвиш* ‘корыто, деревянное блюдо под вареное мясо’ — *Их таваг* ‘большая тарелка’, тиб. *Балдан* ‘славный’ — *Цогт* ‘великолепный; величественный’, тиб. *Пунцаг* ‘совершенный, прекрасный, счастливый’ — *Сайжирах* ‘улучшаться, совершенствоваться’ [Содном, 1981, С. 114].

В отношении личных имен монгольских правителей также существовало табу на произнесение их имен. Например, ввиду того, что вана (князя) из племени узумчин зовут *Махсүх*, его подданные стали называть мясо как *Идээ* ‘пища’ вместо *Мах* ‘мясо’, молоток как *Алх* ‘молот’ вместо *Сүх* ‘молоток’ — *Идээ Алх*; ещё одного вана из племени узумчин звали *Содном-Равдан*. Из-за этого всех иных обладателей имени *Содном* называли по первым двух звукам / буквам *Со*, а носящих имя *Равдан* по слогу *Ра* в соответствии с табу на имя *Содном-Равдан* [Хөгжилт, 2019, С. 45-48].

В аймаке Ордос АРВМ КНР бытует сказка, суть содержания которой такова: родители мужа наставляют невестку, которая совсем недавно вступила в брак: уважай родителей и люби старших. Отца твоего мужа зовут *Даланхоёр* ‘семьдесят два’, мать твою зовут *Бадамсоо* ‘лотосовое море’. Помни, не называй нас по именам. Невестка так и запомнила. Однажды тёща с невесткой пошли в овечий загон, чтобы посчитать и выпустить овец на выпас. Невестка считает овец: один, два, три..., когда счёт приблизился до семидесяти, она вспомнила запрет, и начала волноваться, как посчитать семьдесят вторую овцу. Но на очереди семидесяти двух как раз выскочил баран-беленький, невестка в панике сосчитала как семьдесят один, свекр мой, семьдесят три¹⁵ ... — эта сказка как раз ярко отражает обычай табуирования имён старшего поколения.

В бурятском языке лексическое отталкивание обычно наблюдается у исконных имён. Например, *Эшэгээдэй* — *Маараахай* ‘козлёночек —

15

Настоящая сказка была записана (аудио) у Учралта, жителя села Хэрэнгэт, п. Нанс, Отгийн өмнөд хошуун, г. Ордос, АРВМ КНР, в 24 января 2021 года.

издающий бление’, *Этигэл* — *Найдал* ‘доверие — надежда, упование’, *Тогоон* — *Шэрэм* ‘котёл — чугун’. Последнее по ассоциации, что котлы раньше были чаще всего чугунными.

Табу на произнесение имени тёзки

По монгольским обычаям, тёзки называют друг друга разными именами в зависимости от разницы в возрасте: между ровесниками и представителями разных поколений или между младшими и старшими по возрасту.

Первый вариант бытует между ровесниками: в этом случае тёзки называют друг друга монг. *аминдай*, бур. *амидай* и *нэрэтэ*, не называя, при этом друг друга по имени. У слова *аминдай* два значения: 1. Абсолютно любимый, как своя жизнь человек или предмет. 2. Название, которым друг друга называют тёзки [Норжин, 1997, С. 108]. Корень этого слова представляет собой *амь* ‘жизнь’. Исходя из этого, можно считать, что это табу также имеет в своей основе анимистическое представление монголов и бурят о том, что имя и предмет (человек) неотделимы друг от друга, так как тёзки имеют общий дух и общую судьбу.

Второй вариант употребляется в том случае, если тёзками оказываются разные по возрасту люди. В этой ситуации они вместо *аминдай* / *амидай* (*нэрэтэ*) используют термины родства, которые могут различать поколения: например, старший обращается к младшему монг. *миний дүү* ‘мой младший брат’, бур. *хүбүүн*, *басаган* ‘юноша, девушка’, *дүүхэй* букв. ‘младшенький’ или ‘братец; сестричка’, а младший — к старшему: монг. *ах*, бур. *ахай*, *ахатан* ‘дядя’ и т.д. Это также подтверждает, что обычай уважительного обращения к старшим по возрасту людям приоритетнее табу именования тёзок.

Стоит отметить, что тёзки из разных поколений в обоих языках встречаются намного реже, чем тёзки из одного поколения. Причина этого, по нашему мнению, кроется в том, что имена собственные у каждого

поколения имеют свои хронологические характеристики, которые отличаются от поколения к поколению.

Табу на произнесение имён покойников

«Монголы считают, что человек всего имеет три духа. Когда плоть умирает, один дух ходит по миру, один уходит на небо, а третий остаётся рядом с плотью. Поэтому, несмотря на то что человек мёртвый, его дух всё равно может напасть на другого человека, если тот назовёт его имя» [Эрдэмт, 2006, С. 53]. Это означает, что третий дух непосредственно связан с именем человека.

Про такое поверье монголов Плано Карпини в XIII веке писал: «... с момента его смерти до его третьего поколения никто не называет его имени»¹⁶. Табуирование смерти является одним из древних и устойчивых запретов. В монгольской языковой традиции вместо личного имени усопшего до сих пор широко используются разные эвфемизмы со значением «покойник». Так, наиболее популярными являются существительные: *бүрлээч* ‘покойный, умерший (скоропостижно)’, образованный от глагола *бүрлэх* устар. умирать [БАМРС, I, С. 305], *талийгаач* ‘1. покойник, покойница; покойный, покойная; 2. покойный, умерший’ [БАМРС, III, С. 182], образованный от глагола *талийх* ‘1) удаляться; исчезать; уходить; 2) перен. умереть, скончаться’ [БАМРС, III, С. 182], *жилийгч* ‘покойный, умерший’, образованный от переносного значения глагола *жилийх* ‘уходить из жизни; уходить в иной мир’ [БАМРС, II, С. 173], *өнгөрөгч*, образованный от глагола *өнгөрөх* со значениями ‘1) кончиться, истечь; 2) умереть, скончаться’ [БАМРС, III, С. 25] и т.д. При этом именно последнее существительное действительно является эвфемизмом с метафорическим значением, поскольку умерший человек представляется выцветшим на солнце тканым полотном или предметом, который высох, засох. Иногда некоторые эвфемизмы древних табуированных имен сохраняются в

16

Цит. по: [Содном, 1981, С. 112].

употреблении в течение долгого времени. Например, Рашид ад-Дин в своём «Сборнике летописей» записал о запрете на произнесение имени четвёртого сына Чингисхана: «Четвёртый сын является *Толуй*, и его зовут *Их Ноён*, *Улс Ноён*... *Толуй* значит *толь* ‘зеркало’. После того как *Толуй* хан скончался, *Толь* стало табуированным именем. Зеркало на тюркском называется *Кузгу*. Ввиду этого монголы также называют зеркало *кузгу*»¹⁷. До сих пор среди ордосских монголов сохраняется традиция называть зеркало *гэрэл* ‘свет’.

Интересно, что не обнаруживается табу на произнесение имён покойников у современных бурят. У них не существует запрета называть в беседе имена покойников. Между тем, в бурятском языке не употребляются, как в монгольском, эвфемизмы, называющие покойников. Словари бурятского языка фиксируют описательные словосочетания *нүгшэһэн хүн* и *наһа бараһан хүн* в значении ‘покойник’. Разговорная бурятская речь богата эвфемизмами, обозначающими усопших: *мордоһон хүн* ‘покойник’, букв. ‘тот, кто уехал верхом на коне’, *бурхандаа ябаһан хүн* букв. ‘человек, ушедший к богам своим’ и т.д.

«Бурятский же язык начал складываться как самостоятельный несколько раньше. Археологические, фольклорные и другие материалы свидетельствуют о том, что монголоязычные кочевники, которые впоследствии стали первыми протобурятскими племенами, переселились в пределы Байкальского региона в X—XI вв. н.э.» [Бураев, 2004, С. 227]. Согласно этому, у нас есть основания полагать, что табу на произнесение имён покойников у монголов появилось после XI века, когда некоторые монголоязычные племена переселились в пределы Байкальского региона, отдалившись в некоторой степени от единого монгольского мира.

---

17 Цит. по: [Содном, 1981, С. 112].

3.3. Проблема стандартизации антропонимов монгольского языка АРВМ КНР и бурятского языка

АРВМ КНР и Республика Бурятия едины в отношении проводимой языковой политики, в обоих субъектах принято два государственных языка: китайский и монгольский языки в Автономном районе Внутренняя Монголия, русский и бурятский — в Республике Бурятия. В АРВМ и Бурятии развивалась билингвальная номенклатура фиксации личных имен, имеющая свои специфические особенности.

Монголы из АРВМ принимают билингвальную номенклатуру, учитывая систему наименования китайского языка. Поэтому самая главная проблема возникает в написании официальных имен на китайском языке. Монгольский язык является агглютинативным языком, а китайский язык представляет собой изолирующий язык, в котором тоны выполняют смыслоразличительную функцию. Кроме того, в китайском языке каждый иероглиф соответствует отдельному слогу и отдельной морфеме. Поэтому каждое монгольское имя может записываться на китайском языке по-разному, поскольку это фонетическое транскрибирование, передающее звучание монгольского имени, при котором возможны вариации слогов. И эти разные варианты транскрибирования монгольского имени могут отличаться друг от друга и графически (используются разные иероглифы), и фонетически (используются иероглифы, близкие по чтению), и семантически (каждым иероглифом записывается одна морфема, а в китайском языке почти все морфемы лексемы). К примеру, личное имя *Баатар* может иметь варианты иероглифической записи на китайском языке 巴特尔 *Bātè'ěr*, 巴特日 *Bātèrì*, 巴图尔 *Bātúěr*. Эти три имени в системе антропонимии китайского языка уже считаются как три разных имени. Применительно к именам, которые представляют собой фонетическое транскрибирование, значение отдельных иероглифов в составе имени не важно. Но есть и

семантически значимые имена, когда по созвучию выбирают иероглифы с определенным смыслом.

По закону Республики Бурятии, «при государственной регистрации рождения ребёнка органы записи актов гражданского состояния по желанию родителей обязаны записывать фамилию, имя и отчество ребенка в соответствии с бурятскими национальными обычаями» [Закон РБ, 1999]. Впрочем, бурятские антропонимы чаще всего в официальных документах пишутся в соответствии с русской орфографией. Благодаря тому, что русский и бурятский языки используют кириллицу, бурятские антропонимы пишутся на русском языке, без больших искажений, сохраняя свою словообразовательную структуру и семантику. Изменения в бурятских антропонимах неизбежно появляются в части обозначения некоторых специфических звуков фонетических явлений. Например, не учитываются, за крайне редким исключением, долгие гласные, обозначаемые в бурятском языке двойными гласными буквами: *Оюун* → *Ою́н*, *Бабаасан* → *Баба́сан*, *Сэсэгмаа* → *Сэсэгма́*. Нивелированные долгие гласные в русском произношении обретают признак ударного гласного, так же, как и русские ударные в бурятской речи теряют свои динамические характеристики и превращаются в соответствующие долгие гласные: *заво́д* → *завоод*, *машы́на* → *машина*, *клу́б* → *клууб*. Таким же образом нивелируются или заменяются близкие по звучанию или написанию специфические бурятские буквы (звуки): *ө*, *ү*, *һ*, например, *Бүтид* → *Бутит*, имя персонажа комедии Цырена Шагжина «Будамшу» *Һорнии* в русском переводе дается как *Порни́*. Последнее также связано с тем, что *һ* по форме близко к рукописной строчной *п*. По поводу этих неизбежных в делопроизводстве и бюрократических процедурах трансформаций А. Г. Митрошкина заметила: «Поскольку делопроизводство у бурят в настоящее время ведется на русском языке, в официальных документах имена и фамилии бурят обычно даются в русском оформлении: *Доржи* (бурятское *Доржо*), *Цыден* (бурятское *Цэдэн*) и т. д. Что касается бурятских написаний, то они в основном должны быть

рекомендованы для употребления в художественных произведениях» [Митрошкина, 2013, С. 12].

Монгольская номенклатура записи имен в соответствии с нормами государственного (китайского) языка рассматривается с позиций словообразования, семантики, фонетики и функции, ввиду особенностей китайского языка. Бурятская номенклатура исследуется на фонетическом и функциональном уровнях.

1) Словообразование

В отношении словообразования монгольские антропонимы фиксируются китайской иероглифической системой двумя способами.

1. При транскрипции частотны случаи передачи одного и того же монгольского имени разными иероглифами. Ввиду объективной разницы в фонетике китайского и монгольского языков, транскрибированные имена в подавляющем большинстве случаев имеют отклонения в произносительном аспекте, которые передаются в китайском варианте посредством близких по звучанию иероглифов. Например: монг. *Сайнаа* ‘хороший’ — кит. 赛娜 Sai na / 赛音娜 Sai yin na; монг. *Тунглаг* ‘чистый, прозрачный’ — 通拉嘎 Tong la ga / 通格拉嘎 Tong ge la ga. При этом редко происходит подбор иероглифов, которые образуют знаменательное слово, чаще всего существительное с каким-либо осмысленным значением, например, бурятское имя *Оюна* передается иероглифами 乌云 Wūyún ‘темная тучка’.

2. Разные по значению и происхождению монгольские имена фиксируются одними и теми же иероглифами. К примеру, монг. *Төмөр* ‘железо’ / *Тэмүүл* ‘мечтай’ — 特木勒 Te mu le; *Арслан* ‘лев’ / *Аслан* ‘правдивый, прямодушный’ — 阿斯兰 A si lan.

Кроме того, отмечаются случаи, когда современные монголы, особенно молодое поколение, массово получают собственно китайские имена. Данное явление наиболее частотно в среде хорчинов¹⁸. По структуре такие имена разделяются на двух-, трёх- и четырёхкомпонентные единицы. Некоторые китаизированные личные имена монголов содержат фамилии и, в связи с этим, их можно разделить на имена с фамилией и имена без фамилии.

Двухкомпонентные имена не содержат фамилии. Они обычно образуются из двух разных слов или посредством повторения одного слова. Например, имена, состоящие из двух слов: 海青 Hai qing ‘амурский орёл’, 金虎 Jin hu ‘золотой тигр’; имена-повторы: 玲玲 Lin lin, 东东 Dong dong. Повторение слова является популярным способом для образования китайских имен. Очевидно, что некоторые современные монголы АРВМ заимствовали этот способ для имяназвания своих детей.

В трёхкомпонентных именах основное место занимают личные имена в сочетании с фамилией. Что касается фамилии в трёхкомпонентных именах, многие монголы используют в качестве фамилии начальный слог или инициаль своего родового имени в качестве фамилии, как 白 Bai — от *Баягууд*, 包/鲍 Bao — от *Боржигин*. Кроме того, также есть и не привязанные или не исходящие от какого-либо этнонима и т.п. фамилии, которые связаны с каким-либо случаем или фактом. Например, Сунь 孙 sun, Чжан 张 zhang, которые произошли от названий посёлков. Ниже посмотрим примеры трёхкомпонентных имен с фамилией и без фамилии. Примеры с фамилией в составе: 白 Bai ‘фамилия’, 铁柱 Tie zhu ‘имя’; 包 Bao ‘фамилия’, 美荣 Mei rong ‘имя’; 韩 Han ‘фамилия’, 铁锁 Tie suo ‘имя’; без фамилии,

---

18 Хорчины (*монг.* хорчин) — монголоязычная этнографическая группа, живущая в Китае, на востоке Внутренней Монголии, западе Хэйлунцзяна и северо-западе Гирина.

состоящие только из личного имени: 宝龙山 Bao long shan ‘имя’, 找不着 Zhao bu zhao ‘имя’.

Четырёхкомпонентные имена встречаются мало, и почти все они содержат фамилию. Например, 曹 Cao (фамилия) 六十三 Liu shi san (имя).

2) Семантика

Китайские транскрипции монгольских имен и китаизированные имена монголов являются ценным объектом исследования с точки зрения семантики. Наши наблюдения показали, что большинство китайских транскрипций передают содержательный аспект монгольских имён. В связи с этим монголы АРВМ часто пользуются этой особенностью и регистрируют свои имена в китайских официальных документах. Преимуществом таких имен является то, что в них сохраняются значения оригинальных исконных монгольских имён, но из-за того, что транскрипции составных имен составляют более трёх иероглифов, они неудобны при коммуникации. Например, 额日登阿古拉 E ri deng a gu la — от *Эрдэнэ-уул* ‘чудесная гора’, 苏德格日乐 Su de ge ri le — от *Содгэрэл* ‘выдающийся свет’.

По мере того, как монгольско-китайский билингвизм распространялся среди монголов АРВМ, все чаще фиксируются случаи наречения монгольских детей китайскими именами и регистрации их в соответствующих органах записи актов гражданского состояния. При этом по возможности используются иероглифы, имеющие положительную семантику. Естественно, транскрипции таких имен имеют значительные фонетические отклонения от оригинальных имен. В связи с этим затруднительным представляется выявление семантики этих имен при незнании собственно монгольских имен. Например, 伊赛琳 Yi sai lin —

Есулин от *ес* ‘девять’, 索丽雅 *Suo li ya* — *Сурья* ‘(давайте) учиться’, 铁木龙 *Tie mu long* — *Тэмүүлэн* ‘наилучший, отличный’.

В ходе исследования выявлено наличие китаизированных, переводных имен у значительного числа монголов. Такие имена не имеют словообразовательных отличий от исконно китайских имен. Однако по семантике они соответствуют монгольским антропонимам. Например, 银花 *Yin hua* — монг. *Мөнгөнхуар* ‘серебряный цветок’, 石柱 *Shi zhu* — монг. *Чулуунбагана* ‘каменный столб’, 金泉 *Jin quan* — монг. *Алтанбулаг* ‘золотой источник’.

3) Фонетика

Общеизвестно, что типологически монгольский язык относится к агглютинативным языкам с элементами аналитизма, а китайский — изолирующим с аналитическим словоизменением и словообразованием. Поэтому попытка привести монгольские личные имена в китайской записи хоть к какому-то фонетическому соответствию, является одной из острых проблем стандартизации монгольских антропонимов.

Как показало наше исследование, монгольские антропонимы передаются на китайском языке согласно следующим фонетическим принципам трансформации.

В монгольском языке 7 основных гласных звуков: [a], [e], [i], [ɔ], [u], [o], [u]. Из них 5 гласных [a], [e], [i], [o], [u] в принципе соответствуют гласным *a, e, i, o, u* китайского пиньиня (системе романизации для путунхуа). Для монгольских звуков [ɔ], [u] соответствий в китайском языке не существует. Кроме того, в китайском пиньине звуки *i, o, u* в изолированном виде не имеют способности к образованию слогов. В связи с этим, китайский пиньинь для передачи отсутствующих звуков прибегает к использованию

отдаленно схожих по звучанию гласных или сочетаний гласных и согласных. Далее посмотрим, какие существуют корреспонденты между гласными монгольских антропонимов и китайских транскрипций.

Между прочим, мы здесь только рассматривали начальные гласные монгольских антропонимов, в связи с тем, что в монгольском языке гласные непервого слога вследствие сингармонизма часто изменяются.

[a] = a, *Алдар* — 阿拉德日 A la de ri, *Асхан* — 阿斯汉 A si han.

[e] = e, *Эрдэм* — 额日德木 E ri de mu, *Эрдэнэ* — 额日德尼 E ri de ni; [e] = a, *Нэмүүн* — 娜木贡 Na mu gong, *Нэмэх* — 那木呼 Na mu hu (в китайском пиньинь отсутствует ne).

[i] = yi, *Ивээл* — 伊伯勒 Yi bo le, *Итгэл* — 伊特格勒 Yi te ge le.

[ɔ] = ao, *Оргил* — 敖日格勒 Ao ri ge le, *Орчлон* — 奥尔其楞 Ao er qi leng; [ɔ] = wu (u), *Оюун* — 乌云 Wu yun, *Оюу* — 乌玉 Wu yu, *Соёл* — 苏依拉 Su yi la; [ɔ] = e, *Очир* — 额其尔 E Qi Er, *Одончимэг* — 额敦其木格 E dun qi mu ge; [ɔ] = uo, *Норжин* — 诺尔金 Nuo er jin, *Оюунтана* — 欧英塔娜 Ou ying ta na.

[ʊ] = wu, *Уран* — 乌仁 Wu ren, *Урьхан* — 乌日汗; [ʊ] = ao, *Буян* — 宝音 Bao yin, *Цуурай* — 朝日雅 Chao ri ya;

[o] = ou, *Өвөлцэцэг* — 欧布勒其其格 Ou bu le qi qi ge; [o] = wu, *Өргөн* — 乌日根 Wu Ri Gen, *Өлзий* — 乌力吉 Wu li ji .

[u] = wu, *Үзэмж* — 乌吉木吉 Wu Ji Mu Ji, *Үлэмжин* — 唔伦金 Wu lun jin.

В отношении соответствий в системах консонантизма, самым сложным является соотношение аффрикативных согласных монгольского и китайского языков. В принципе монгольские аффрикативные согласные [dʒ], [tʃ] могут соответствовать следующим консонантам пиньина: *zh, j, q / c, ch, q, s*. Кроме того, ффрикативный согласный монгольского языка *s* также может соответствовать консонантам пиньина: *s, sh, x, ch*. Например,

[dʒ] = *zh, j, q*: *Жаргал* — 扎日嘎拉 *Zha ri ga la* / 吉日嘎拉 *Ji ri ga la*,
Энхжин — 恩和沁 *En he qin*, *Арвижих* — 阿日布其哈 *A ri bu qi ha*.

[tʃ] = *c, ch, q, s*: *Чэчэг (Цэцэг)* — 策策格 *Ce ce ge*/ 澈澈格 *Che che ge* /
其其格 *Qi qi ge*, *Сайханцэцэг* — 赛汗斯其格 *Sai han si qi ge*, *Бүрэнцэцэг* —
布仁斯其格 *Bu ren si qi ge*.

[s] = *s, sh, x, ch*: *Сарна* — 萨日娜 *Sa ri na*/ 莎日娜 *Sha ri na*/ 夏日娜 *Xia ri na*,
Сээвэлма — 车普勒玛 *Che pu le ma*.

В связи с тем, что в китайском языке, а соответственно, и в системе пиньинь отсутствует дрожащий согласный [r], этот монгольский звук передается такими согласными пиньинь, как *r [ʒ], l [l], er [ər]*. К примеру,
Баяр — 巴亚日 *Ba ya ri* / 巴义拉 *Ba yi la* / 巴雅尔 *Ba ya er*, *Очир* — 奥奇日 *Ao qi ri*/
敖其拉 *Ao qi la*/ 奥其尔 *Ao qi er*.

По нашим наблюдениям, в состав фонетических соответствий входят выпадение и замена согласных. Так, чаще прочих согласные [r] и [n] выпадают или заменяются на другие согласные. Например, *Дэлгэр* — 德力根 *De li gen*,
Инжир — 伊恩吉 *Yi en ji*; *Номинтуяа* — 敖敏图雅 *Ao min tu ya*,
Цагаанхой — 查干敖海 *Cha gan ao hai*.

По сравнению с выпадением, замена согласных наблюдается гораздо чаще. В основном замена происходит между согласными, близкими по месту образования и дифференциальным признакам. По нашим наблюдениям, существуют следующие корреспонденции: [n] = l, [l] = r, [g] = k, [x] = g, k, f. Например,

[n] = l: *Навч* — 拉布其 La bu qi, *Наранманлай* — 娜仁芒乃 Na ren mang nai.

[l] = r: *Чингэлтэй* — 清格尔泰 Qin ge er tai, *Алтай* — 阿尔泰 A er tai.

[g] = k: *Цэнгэл* — 青克乐 Qin ke le, *Тогос* — 陶克素 Tao ke su.

[x] = g: *Хүсэл* — 古舍乐 Gu she le, *Хишигдүүрэн* — Ge shi ge du ren.

[x] = k: *Мөнх* — 孟克 Meng ke, *Цагаанхүүхэн* — 查干扣肯 Cha gan kou ken;

[x] = f: *Шилийнхүү* — 锡林夫 Xi lin fu, *Хүүдүүт* — 夫都特 Fu du te.

«Очень часто заимствованное слово не сразу обретает искомую форму. Ей могут предшествовать различные промежуточные варианты звучания и написания» [Суперанская, 1969, С. 10]. Таким образом, бурятские, монгольские, тибетские и др. собственные имена были записаны разными способами на русском языке (*Ганчжур, Ганджур, Ганжур, Канджур* ‘первая часть тибетского буддийского канона — собрания буддийских текстов’; *Мункэ, Мунхе, Мунку, Мунхэ, Мунке, Мунко* ‘монгольское имя — вечный’; *Цянь-лун, Цян-лун, Цялун, Цяньлун* ‘имя цинского императора’). Бурятские антропонимы в русской записи также необходимо было адаптировать к фонетико-грамматическим и орфографическим закономерностям русского языка. Звуки [θ], [ɣ], [h], которые отсутствуют на русском языке, передаются другими подходящими звуками в случае транслитерации на русский язык. Кроме того, наблюдаются прочие орфографические закономерности русского языка для передачи бурятских антропонимов. В

своём исследовании Л. Д. Шагдаров [Шагдаров, 1976, С. 93-110] разделил принципы унификации слов и названий из бурятского и монгольского языков при передаче на русский язык на пять групп. На основании этого нами описана специфика русской орфографии бурятских антропонимов в соответствии с принципами передачи на русском языке кратких и долгих гласных, некоторых согласных и аффрикат.

Передача кратких гласных

Мягкорядные гласные *ү*, *үү* бурятского языка, отсутствующие в русском языке, передаются гласными *о* и *у*. Например, *Пурбэ* / *Пурбе* / *Пурбо* — от *Пүрбэ*, *Мунхэ* / *Мунко* — от *Мүнхэ* ‘вечный’, *Убо* — от *Убөө* ‘белый’, *Сэнду* — от *Сэндүү*.

Гласные первых слогов монгольских антропонимов при транслитерации на русский сохраняются без изменения. Но у бурятских антропонимов встречаются случаи замен одних гласных другими. После аффрикативных согласных гласный *э* передаётся через *ы*. Например, *Цыден* — от *Цэдэн* ‘полный жизни’, *Цырен* — *Цэрэн* ‘долгая жизнь’.

Гласный *э* конечных слогов передаётся через *е* или *о*. Например, *Цыбен* — от *Цэбэн* ‘владыка жизни’, *Мунке* — от *Мүнхэ* ‘вечный’, *Лыгден* — от *Лигдэн* / *Лэгдэн* ‘преисполненный всем, что хорошо’, *Улзыто* — от *Үлзытэ* ‘счастливый’.

После шипящих гласные в конечных слогах передаются через *и*, *е*. Например: *Доржи* — от *Доржо* ‘алмаз’, букв. ‘князь камней’, *Аюши* — от *Аюша* ‘продлитель жизни’, *Даши* — от *Даша*.

Гласный *а* конечных слогов передаётся через *о*. Например, *Бато* — от *Бата* ‘крепкий’, *Батор* — от *Баатар* ‘богатырь’, *Буянто* — от *Буянта* ‘благодетельный’, *Баярто* — от *Баярта* ‘преисполненный радости’.

Передача долгих гласных

Бурятский язык характеризуется наличием долгих гласных, имеющих смыслоразличительную функцию, например: *урлаха* ‘мастерить’ — *уурлаха* ‘сердиться, злиться’, *ула* ‘подошва’ — *уула* ‘гора’, *үдэн* ‘перо’ — *үүдэн*

‘дверь’. Таким же образом протяжённость гласных выполняет смыслоразличительную функцию и в сфере антропонимов бурятского языка. Однако долгие гласные при транслитерации на русский язык не передаются, в виду отсутствия последних в фонетике и орфографии русского языка. Все долгие гласные на русском языке передаются одной гласной буквой с частой заменой их, как было указано выше. При этом долгие гласные исходных бурятских имен в русском языке становятся ударными. Например, *Батор* — от *Баатар* ‘богатырь’, *Бабасан* — от *Бабаасан*, *Саган / Цаган* — от *Сагаан* ‘белый’. В то же время в элементе тувинских фамилий *оол* ‘сын’ с долгим гласным звуком [о], сохраняется написание двойной гласной.

Передача согласных

Бурятские звонкие согласные перед глухими и в абсолютном исходе (ауслауте) оглушаются, но на письме не заменяются на свои пары по оппозиции «звонкий – глухой»: б — п, г — к и т.д., например: *шагта* ‘засов’, *хабхаг* ‘крышка’, *удха* ‘смысл, значение’, *хэб* ‘форма’, *булаг* ‘ключ, родник’, *арад* ‘народ’. В то же время при записи бурятских имен со звонкими согласными в данных позициях в органах записи актов гражданского состояния практически всегда производятся замены, например: *Цокто* — от *Цогто* ‘искристый, живой’, *Зорикто* — *Зоригто* ‘смелый, волевой’, *Бэлик* — от *Бэлиг* ‘ум, разум’, *Булат* — от *Булад* ‘сталь’, *Цыцык* — от *Цэцэг* ‘цветок’.

В некоторых именах наблюдается достаточно регулярное чередование согласных *х* и *к*. Например, *Мункэ* — от *Мунхэ* ‘вечный’, *Санкир(ов)* — от *Санхир* ‘светлый; белёсый’ и т.д. Если *х* в бурятских именах при русской транслитерации сменялся согласным *к*, то согласный *к* в русских именах, заимствованных в далеком прошлом в бурятский антропонимикон, передавался через *х*, например: *Алёошхо* — *Алёшка*, *Антиипха* — *Антипка*, *Гаалха* — *Галка*, *Бааиша* — *Васька*, *Махаар* — *Макар*, *Хоостя* — *Костя*.

Передача фарингального h

Фарингальный, щелевой, слабый, твердый звук *h* в составе антропонимов бурятского языка встречается в заимствованных из тибетского

языка именах. В русской орфографии этот звук передается согласными *х, с, п* или сочетанием согласных *лх*. Например, бур. *Хама хугиэн* — рус. *бабушка* *Лхама*, бур. *Хамажаб* — рус. *Саможан*, бур. *Хамаевтан* — рус. *Хамаевы*.

4) Функциональный анализ

Известно, что монголы АРВМ в официальных документах обычно используют только свое личное имя, без родового имени, а система наименования Китая состоит из двух частей — фамилии и имени. Поэтому это неизбежно вызывает конфликт антропонимических категорий. Некоторые монголы, особенно те, кто зарегистрирован под китаизированными именами, выбрали инициаль своего родового имени в качестве фамилии либо выбрали фамилию ситуативно. Тем не менее, большинство монголов не имеют фамилий. Поэтому в официальных документах первый иероглиф транслитерированного монгольского имени выполняет функцию фамилии. То есть часть имени, выступая вместо фамилии, выполняет идентификационную функцию. Например, *Ba* — от *Ba te er* (монг. *Баатар*), *Na* — от *Na la* (монг. *Нар*).

В бурятском языке подобных случаев не могло быть, в связи с принятием русской модели именования, как двухкомпонентной (имя и фамилия), так и трехкомпонентной (имя, отчество и фамилия).

Если до принятия системы русской модели именования у бурят личное имя выполняло идентифицирующую функцию, то после принятия этой модели вместо личного имени фамилия становилась самым ярким репрезентатом одного человека, позволяющим отличать его от другого. Об этом свидетельствует то, что при подписании официальных документов требуется указывать фамилию и инициалы (имени и отчества), а для более точной идентификации личности требуется указание полного имени, т.е. фамилии, имени и отчества (при наличии).

3.4. Современное состояние детского и юношеского антропонимикона монголов АРВМ Китая и бурят России

Для изучения современного состояния антропонимикона монголов АРВМ Китая и бурят России нами проведено сплошное исследование имен учащихся средних школ в г. Улан-Удэ, Иволгинском и Кижингинском районах Республики Бурятия (Россия) и в г. Тунляо, г. Шилин-хот и районе Шилингол АРВМ (Китай). В ходе этой работы нами были проанализированы имена детей, обучающихся в разных по составу и расположению школах: национальная городская, рядовая городская, сельская пригородная, сельская школа.

Интерес для исследования представляет Республиканский бурятский национальный лицей-интернат №1 (ГБОУ РБНЛИ №1), в котором учатся учащиеся только бурятской национальности, что следует из самого названия учебного учреждения. Тем не менее, в отношении имен учащихся здесь наблюдаются вкрапления бурятских детей с русскими / интернациональными (иноязычными именами). Вторая школа г. Улан-Удэ (Гимназия № 14) относится к школам, где, кроме территориально закрепленных учащихся, учатся дети с высоким уровнем обучаемости, отобранные по уровню предшкольной подготовки. Иволгинская средняя школа, расположенная в с. Иволгинск Иволгинского района Республики Бурятия, относится к пригородным (районным) школам с большим количеством учащихся (более 1600 детей). «Школа Поселья» (средняя общеобразовательная школа) также расположена в том же районе, но имеет уклон в сторону углубленного изучения бурятского языка и бурятской национальной культуры, и этим отличается от Иволгинской средней общеобразовательной школы. И, наконец, «Кижингинская школа-интернат среднего общего образования» расположена в глубокой сельской местности и имеет бурятское национально-культурное направление.

Иволгинская школа находится в районном центре с большим населением – около 10 тыс. чел. При этом в двух этих населенных пунктах Иволгинского района(с. Иволгинск и с. Поселье) и в районе разная социолингвистическая ситуация. В первом проживают те, кто давно обосновался в этом селе, а во втором – переселенцы из дальних районов Республики Бурятия, прибывшие сюда в 1990-х – начале 2000-х годов. Значительная часть этих переселенцев являются бурятами по национальности, выходцами преимущественно из «бурятских районов».

В Республике Бурятия количество охваченных исследованием учащихся составляет 5982 учащихся. Среди них носителями бурятских имен являются 2780, занимают 45% всех учащихся. В современных условиях тибетские и санскритские имена, связанные с основной конфессией – буддизмом – воспринимаются как бурятские национальные антропонимы. По происхождению, в составе бурятских имен простые бурятские имена составляют 1627, или 27% всех учащихся, санскритские имена — 319 (5%), тибетские имена — 821 (13%).

В бурятских по происхождению именах нами выделены некоторые наиболее частотные имена, приведенные ниже, в порядке убывания: *Тамир* (84) ‘сила (физическая); энергия; здоровье’, *Алтана* (79) жен. от *алтан* ‘золото; золотой’ (это имя присваивается только девочкам и употребляется с русским формантом женского рода -а), *Алдар* (74) муж ‘известность, популярность, слава’, *Номин* (70) / *Номина* (6) жен. от *номин* ‘лазурит; лазурный, лазоревый’, *Аяна* (60) жен. от *аян* ‘дальний путь, дальняя дорога; путешествие, поездка’ и *Арсалан* (58) ‘лев’, *Мэргэн* (37) / *Мэргэна* (1) ‘меткий стрелок’; в последнем случае исключительно мужское имя получило и женскую форму посредством атнропоформанта -а, *Бато* / *Бата* (23) муж. ‘твёрдый, крепкий, прочный’, *Айдар* (34) муж. ‘милый’, *Эрдэни* / *Эрдыни* (19) муж. ‘драгоценность’, *Амгалан* / *Амагалан* (15) муж. ‘мирный, спокойный, безмятежный; благополучный’, *Булат* / *Булад* (15) муж. ‘сталь, булат’,

Жаргал (12) ‘счастье’, *Баир* (12) / *Баяр* (4) муж. / *Баира* (1) жен. ‘радость, веселье’, *Батор* (11) муж. от *баатар* ‘богатырь, герой’.

Как видно из приведенного выше перечня наиболее популярных имен и в целом из списка имен бурятского происхождения, в них преобладают простые (несоставные) имена. Среди них нет ни одного составного имени как, например, *Бата-Мунхэ* (варианты: *Бата-Мунко*, *Бато-Мунко*) ‘букв. крепко-вечный’ при наличии *Мунко* (6) муж. ‘вечный’, *Батажаргал* (варианты: *Бата-Жаргал*, *Бато-Жаргал*), за исключением: (*Буянтуев*) *Бато-Далай* ‘букв. крепкое-море’ (*Доржиева*) *Арюн-Сэсэг* ‘перен. чистый, честный; священный, святой + цветок’, (*Самданов*) *Эрдэм-Баян* муж. ‘наука + богатый’, (*Цырендоржиев*) *Баяр-Сайхан* муж. ‘радость + прекрасный’. Встречаются также составные имена с компонентом *Туя(а)* ‘луч, света’: *Наран-Туя* ‘солнце луч’ (4), *Саран-Туя* ‘луна луч’ (1). Составные конструкции все еще фиксируются в именах тибетского происхождения: (*Сондуев*) *Нима-Доржо* (*Юрьевич*), (*Цыренжапов*) *Цырен-Гарма*, (*Будаева*) *Дари-Сурун*, (*Доржиева*) *Цырен-Дулма* и т.д. Всего нами зафиксировано 76 с дефисным оформлением, что составляет минимальную долю от всех имен бурятских детей. Например, имя *Дашинима* записано с дефисом: *Даши-Нима*, а в слитном написании в 13 случаях, *Бальжинима*, зафиксированные 4 раза, записаны в слитном написании. Примечательно, что дефисные написания — *Даши-Нима* → *Даши-Нимаевич* / *Даши-Нимаевна*, *Даши-Нимаев(а)* — встречаются преимущественно в отчествах и фамилиях детей. При этом существует правило слитного написания имен с дефисами в случае употребления их в качестве патронимов – отчеств и фамилий.

Среди имен санскритского происхождения популярностью пользуются такие имена, как: *Аюр* (76) муж. ‘жизнь, возраст’; бурятским аналогом является имя в монголизированном оформлении *Насан*, *Арья* (муж) / *Арьяна* (жен.) (70) ‘возвышенный, благородный святой’; в этом имени также наблюдается русский антропоформант, указывающий на гендерную принадлежность носителя -на, *Дари* (64) ‘освободительница. Бурятская

форма *Дара* и *Дари* от санскритского *Тара*, по именам буддийских божеств Зеленой и Белой Тар, наиболее чтимых женских бодхисаттв, воплощающих беспредельное сострадание [Тайна вашего имени, 1991, С. 30]', *Адис / Адиса* (53) *рел.* 'благословение'. В последнем случае оба имени носят девочки. Менее распространены имена: *Радна* (9) 'драгоценность', *Аюша* (17) 'продлевающий жизнь. Имя божества долголетия [Там же, С. 16]', *Дарима* (16), *Зандан* (4) 'снадоловое дерево, почитаемое буддистами' [Там же, С. 39].

Наиболее популярными именами тибетского происхождения являются имена: *Ардан* (81) 'сильный могучий', *Юмжана* (44) 'украшение матери или око интуиции', *Цырен* (38) 'долгая жизнь', *Сойжина* (20) 'дарующая исцеление, целительница', *Намсалма* (19) 'Блистательная (имя одной из богини буддийского пантеона)', *Янжима* (18) 'владычица мелодии, обладающая мелодичным голосом (имя сарасвати)', *Доржи / Доржо / Доржима* (16) 'алмаз; алмазный', *Дашима* (8) 'счастливая (имя богини)', *Сурэн / Сурен / Сурун* (8) 'охрана, амулет', *Буда* (7) 'будда, просветленный', *Чимит* (7) / *Чимита* (6) 'бессмертный / бессмертная'.

Данные, полученные нами в ходе обследования современного состояния бурятского антропонимикона на материале имен учащихся разных школ в Республике Бурятия, показывают одну прагматическую тенденцию – родители стремятся давать своим детям короткие не более 2-3 слогов.

Кроме того, интересно то, что нами зафиксировано 299 русских имен, сопровождающихся бурятскими отчествами, например: *Дмитрий Алдарович*, *Дина Эрдэмовна*, *Александр Арсаланович*, *Екатерина Зоригтеевна*, *Артём Алдарович*.

Также обращают на себя внимание бурятские имена детей с русскими фамилиями. В наших материалах 2530 имен записаны полными формами (фамилия, имя, отчество), из них 151 ребенок с бурятскими именем носит русские фамилии и отчества. К примеру, *Семенов Золто Зориктеевич*, *Михайлов Соёл Алексеевич*, *Вахрамеев Данзан Валерьевич*, *Купцов Дандар Тимурович*. Важно отметить, что смешение русских фамилий с бурятскими

именами указывает на уникальную мультикультурную идентичность. Это также может быть проявлением гармоничного соседства и взаимного влияния между разными этносами.

В Автономном районе Внутренняя Монголия (Китай) также исследованы списки имен детей учащихся разных по типу школ: городские, районные и сельские. К городским школам относятся Средняя монгольская школа г. Тунляо и Средняя монгольская школа г. Шилин-хот (Шилийнхот). Население г. Тунляо, по последним данным, составляет более 3 млн. человек, по меркам КНР – не крупный город регионального значения. Национальный состав представлен преимущественно китайцами (ок. 52 %) и монголами (более 45 %), единицами и долями процентов представлены маньчжуры (ок. 3 %), корейцы, дауры и др. г. Шилин-хот – городской уезд с населением ок. 350 тыс. чел., значительную часть которого уже представляют монголы. Районная школа представлена Средней монгольской школой Шилингольского района, а сельская — Первой средней школой хошуна Шулун-Хух (Шулун-Хөх).

Во Внутренней Монголии нам проанализированы имена 4470 учащихся-монголов, из них монгольские имена составляют 3027, или 67,7 % от всего количества. Из числа имен 429 представляют собой составные имена.

В составе не китайских имен исконные монгольские имена составляют 2866 единиц (64 % от количества всех учащихся), санскритские имена — 55 (1,23 %), такие, например, как *Адьяа* ‘солнце’, *Аюш* ‘долговечный, вечный, долговременный; бессрочный’, *Зандан* ‘Санда́л’, *Сансар* ‘мир материального бытия; вселенная’, *Санчир* ‘суббота; Сатурн’, тибетские — 73 (1,63 %): *Ананда* от *ананд* ‘вся радость’, *Ангир* ‘турпан’, *Жалсан* ‘символ, знак победы’, *Нандин* ‘святой, священный; честный, дорогой’, *Сэрэн* ‘букв. *Цырен*: долгая жизнь’, английские — 21 (0,47 %): *Анчил* от англ. слова *angel* ‘ангел’, *Анна* от имени *Anna*, *Атлант* от англ. слова *Anlantic* ‘Атлантика’, *Метал* от слова *metal* ‘металл’, русские — 10 (0,22 %) как *Алмас* ‘алмаз’, *Азия* ‘Азия’ и японские 2 (0,04 %) как *Сакура* ‘сакура’.

Из всех 4470 детей 1443 носят китайские имена (32,3 % всех учащихся). У 1139 детей с именами с фамилиями, а у 274 — нет фамилий.

Кроме того, стоит отметить, что определенная часть из вышеупомянутых китайских имён происходят из смешанных семей, где один родитель — хань (китаец / китайка), а другой — монгол / монголка. В прошлом, около 20 лет назад, такие смешанные семьи были довольно редки.

В части исконных монгольских имен нами выделены наиболее частотные имена, которые распределены по степени убывания частотности: *Хайр* 'любовь' (24), *Хайрхан* 'милостивый, священный (почтительное название гор)' (27), *Асана* от *ас* 'перен. откровенный, чистосердечный' (21), *Аяс* 'благоприятные обстоятельства, удобный случай; условие' (24), *Аруухан* 'премудрый, вещий; мудрый, умный' (31), *Аялгуу* 'возглас, мелодия' (16) и т.д. Также среди исконных монгольских имен встречаются и элементы древнемонгольской антропонимии. Так, нами обнаружены такие древние имена, как: *Сорхон* 'историческая личность, который спас Тэмдужина, когда тот был схвачен Тайчиутом', *Агучу* 'богатырь из Тайчиута в XII веке', *Есүлүн* 'королева, жена Цагаадая', *Тэмүлүн* 'младшая сестра Чингисхана', *Хачигун* 'младший брат Чингисхана' и т. д.

В целом среди бурятс сохраняется тенденция наречения детей именами не из национального именника, но все более частотными становятся имена исконно бурятские, появляются и монгольские имена, связанные с активным туризмом в этой стране: *Оэлун*, *Амарсан* / *Амарсана*, *Тунгалаг*, *Аяна*, *Нарана*, *Сарана*, и становятся ходовыми. Появление новых монголо-бурятских имен может отражать не только культурный обмен, но и возможные изменения в общественных предпочтениях. Лингвистический аспект монгольских языков в антропонимии играет ключевую роль в раскрытии культурных, исторических и социологических аспектов общества, предоставляя уникальный взгляд на мозаичную природу языка и имен.

Примечательно, что более предпочтительными становятся краткие имена, состоящие 1-3 слогов, которые, как считают родители, легче произносятся и запоминаются лицами не владеющими бурятским языком.

Выводы по главе 3.

В состав антропонимикона бурят активно вошли имена, связанные с именами фольклорных, литературных персонажей, исторических личностей или какими-нибудь значимыми событиями в жизни общества, страны и т.д. А в именнике монголов АРВМ легендарные и событийные имена получили распространение лишь в последнее время. По нашим наблюдениям, монголы и буряты при имянаречении предпочитают соблюдать принципы рифмования, а именно применять соименование, которое принципиально разделяется на горизонтальное и вертикальное. Как показало наше исследование, в антропонимике бурят существуют обе вышеизложенные категории соименования, а в составе антропонимикона монголов АРВМ отсутствует вертикальное соименование в связи с тем, что на данной территории распространяется табу наречения. Антропонимы с нумеративным компонентом также являются одной из ярких особенностей имянаречения монголов АРВМ и бурят.

Имянаречение тесно связано с запретами при именовании, которые разделяются на табу наречения и табу обращения. Табу наречения используется во время наречения именем, а табу обращения, как следует из названия, используется в ситуациях обращения, в особенности при обращении молодых людей к старшему поколению. По сравнению с бурятскими, в монгольских антропонимах вышеупомянутые обычаи всё ещё занимают важное место. В современных бурятских антропонимах помимо понятия «жёстких» имён, следы табуирования практически не наблюдаются. Монгольская номенклатура записи имен в АРВМ в соответствии с нормами

государственного (китайского) языка затрагивает аспекты словообразования, семантики, фонетики и функции.

В данной главе в целях изучения современного состояния антропонимикона монголов АРВМ Китая и бурят России мы провели сплошное исследование имен учащихся средних школ в г. Улан-Удэ, Иволгинском и Кижингинском районах Республики Бурятия (Россия) и в г. Тунляо, Шилин-хот и районе Шилингол АРВМ (Китай). По нашим данным среди учащихся-бурят Республики Бурятия наиболее популярными именами стали простые имена. В АРВМ Китая монголы также предпочитают короткие имена, но сложные имена всё ещё занимают определённую долю. В связи с ростом национального самосознания и возросшим интересом к общемонгольской культуре появляются новые монголо-бурятские имена. В АРВМ нами зафиксированы некоторые древнемонгольские антропонимы. Также в списке имен учащихся в Бурятии мы обратили внимание на русские имена сопровождающиеся бурятскими отчествами и бурятские имена с русскими фамилиями.

Заключение

Проведенное исследование позволило на обширной источниковой базе из опубликованных научных работ как отечественных, так и зарубежных монголоведов, а также собранных материалов по антропонимической лексике монгольского языка в Автономном районе Внутренняя Монголия КНР и бурятского языка в Республике Бурятия, выявить сходные и уникальные черты антропонимикона исследуемых языков.

Ономастические исследования в целом, и антропонимические, в частности, в монгольском языкознании Автономного района Внутренняя Монголия и бурятском языкознании находятся на разных стадиях развития. Бурятская антропонимика имеет более длительную историю, и развивалась она под влиянием российской ономастической науки. Изучение антропонимов во Внутренней Монголии развивалось, во многом опираясь на подобные исследования в Монголии. Следует отметить, что Монголия шла в русле бурятской антропонимики. Тем не менее, работа по изучению личных имен в монголоведении АРВМ также достигла определенных успехов.

Современные монгольские (АРВМ) и бурятские антропонимы в определенной степени сохранили некоторые характеристики и формулы древней монгольской антропонимики. Но с течением времени, под влиянием внешних лингвистических, экстралингвистических, общественно-политических факторов претерпели изменения, которые имеют свои особенности в зависимости от конкретного региона. Так, бурятская антропонимия подверглась сильному влиянию русской системы именования после вхождения территорий расселения бурят под ведение Российской империи и в ходе дальнейшего развития в составе Советского Союза. Личные имена монголов АРВМ, способы их образования составных имен (имя + фамилия, имя + отчество) претерпели серьезное влияние со стороны китайского языка, государственной системы Китая.

Следует также отметить, что наследие древнемонгольской антропонимической системы отразилось на уровне личных имен. Так, в

настоящее время к собственно имени в ситуации обращения присоединяются термины родства *ах / аха (ахай)*, *ав / аба*, названия должностей, титулов и т.д., например, *Даваа ах*, *Мягмар багша* и т.д. В среде монголов Внутренней Монголии остаются в частом употреблении формы личных и родовых имен, имевшие хождение в раннее время, а среди современных бурят распространены фамилии и отчества, образованные от исконных бурятских и иных имен.

Имена монголов и бурят в древнем периоде подразделялись на простые и сложные образования, где преобладали сложные имена. Сложные имена состояли из личного имени и названия титула, должности или профессии (рода деятельности), а простые не имели в своем составе таковых. Кроме того, в состав сложных имен входили и родовые имена, указывающие на происхождение человека, на род, из которого он произошел.

Чем сложнее имя или наименование чего-либо, тем большей идентифицирующей способностью оно обладало, их носителей можно было выделить в более широком публичном контексте, тогда как одно личное имя — в узком: в роду, одном кочевье, определенной местности и т.д. Особую роль в различении человека в большем окружении играло родовое имя. Оно также имело большое значение в правиле экзогамии во избежание кровосмешения в браке. Последний фактор представляет собой яркое отражение социальной организации монгольского общества.

Каждое время диктует свои условия. Так, в современных условиях родовое имя монголов АРВМ под влиянием китайской антропонимической системы имеет тенденцию к превращению в фамилию, выполняющую в обществе функцию идентификации человека в большом коллективе, широком контексте. У бурят в условиях существования в русской государственной системе и системе именования по русской модели, вместо родового имени появились фамилии, а затем и отчества, образованные от имени отца или деда.

В древности у бурят и монголов не было четкой границы между

официальными и неофициальными личными именами, но в настоящее время мы наблюдаем проявление этой границы с введением понятия «фамилия». В современных условиях в состав официальных имен монголов Внутренней Монголии входят имя и фамилия, полное имя бурят России состоит из фамилии, имени и отчества.

К неофициальным именованиям относятся личное имя (обиходное, семейное), прозвища, никнеймы, почтительное именование. При этом прозвища подразделяются на нейтральные и насмешливые прозвища и на родовое прозвище. В этом же ряду могут стоять и прозвища, берущие начало от названия местности, где проживает прозванный. В составе официальных имен бурят входят имя, отчество и фамилия. Второе, в крайне редких случаях, может и отсутствовать. Трехчленная формула официального именования получила распространение с введением на территории СССР практики записи актов гражданского состояния (ЗАГСов), в которых стала практически обязательной запись имени, отчества и фамилии.

При сравнительном рассмотрении имен в языке монголов АРВМ и бурят выявлены некоторые отличительные особенности, например, в официальном личном имени наблюдается несовпадение аффиксов гендерного различия. В бурятском языке под влиянием русской грамматической системы появился гендерный аффикс *-а*, *Чимит* (муж.), *Чимита* (жен.). В бурятском языке также получили распространение составные антропоформанты, редко встречающиеся в антропонимиконе АРВМ. Также в обоих языках есть свои специфические антропоформанты, например, в образовании антропонимов бурятского языка участвуют аффиксы, которые в монгольском языке АРВМ употребляются только для образования апеллятивных основ. Кроме того, в бурятский антропонимикон проникли некоторые аффиксы из русского языка с соответствующими сингармоническими вариантами.

В АРВМ монгольские фамилии образуются тремя способами: 1) фамилии из первого слога личных имен; 2) китаизированные фамилии; 3)

полная форма родового имени. Формирование фамилий бурят происходило поэтапно в первые годы советской власти шло от имени отца, при этом это же имя могло применяться и в качестве отчества, далее фамилия образовывалась от имени деда, а имя отца занимало соответствующее место отчества.

В то же время отчество у монголов АРВМ образовалось двумя путями: 1) сокращением имени отца до одного слога или 2) употреблением имени отца в форме родительного падежа. Первый способ имеет китайские корни и появился именно под влиянием китайского языка, а второй относится к исконно монгольской модели. Большинство отчеств у бурят образуется от имени отца при помощи суффиксов русского языка: *-евич/-ович*, *-евна/-овна*, реже — *-ич / -ична*. Ещё наблюдаются случаи, когда отчество образуется от имени деда (дедичество) или матери (матроним). Отчества у монголов АРВМ и у бурят России выполняют в определённой степени идентифицирующую функцию, неофициально — в АРВМ, официально — в Бурятии. Кроме того, использование у бурят отчества вместе с личным именем обычно выражает уважительное отношение к человеку.

Неофициальные именные формулы, прозвища монгольского и бурятского языков образуются морфологическим и неморфологическим способами. К морфологическому способу образования монгольских прозвищ относятся деривация, основосложение. В отличие от монгольских прозвищ в состав морфологического способа бурятских прозвищ входят не только деривация, но и суффиксация, усечение, аббревиация и способ сложения основ. Деривация характерна для обоих языков. Неморфологические способы образования монгольских и бурятских прозвищ представлены онимизацией и трансонимизацией. По нашим наблюдениям, для неофициальных личных имен в обоих языках чаще всего используется гипокористические формы, которые образуются в монгольском языке при помощи усечения, аббревиации, повторения и аффиксации, в бурятском языке дополнительно применяются деминутивы. В отличие от прозвищ, неофициальные личные

имена имеют уменьшительно-ласкательный характер, поэтому данные имена помимо идентификационной функции, выполняют коммуникативную функцию при обращении.

Имена, связанные с именами фольклорных, литературных персонажей, исторических личностей, широко представлены в антропонимиконе бурят и монголов АРВМ, также часты имена, связанные с какими-нибудь значимыми событиями в жизни общества, страны и т.д. В результате анализа принципов именования выявлено, что монголы и буряты при имянаречении предпочитают соблюдать принципы рифмования, а именно применять соименование, которое категориально разделяется на горизонтальное и вертикальное. В антропонимике бурят существуют обе вышеизложенные категории соименования, а в составе антропонимикона монголов АРВМ отсутствует вертикальное соименование в связи с тем, что у данного народа распространено табу наречения именами умерших предков.

Антропонимы с нумеративным компонентом также являются одной из ярких особенностей имянаречения монголов АРВМ и бурят. Наиболее традиционными являются имена, связанные с возрастом отцов на момент рождения ребенка, например, бур. *Табита*, *Табинтай* 'пятидесятый', т.е. мальчик родился, когда его отцу было пятьдесят лет. В нумеративных именах и именах с таким компонентом чаще всего встречаются числительные до десятка. Среди бурят популярно имя *Түмэн* букв. 'десять тысяч'.

Имянаречение тесно связано с запретами при именовании, которые разделяются на табу наречения и табу обращения. Табу наречения используется во время наречения именем, а табу обращения, как следует из названия, используется в ситуациях обращения, в особенности при обращении молодых людей к старшему поколению. По сравнению с бурятскими, в монгольских антропонимах вышеупомянутые обычаи всё ещё занимают важное место. В современной бурятской антропонимии помимо понятия «жестких» или «тяжелых» имён, почти не наблюдается табуирование. Монгольская номенклатура записи имен в АРВМ в

соответствии с нормами государственного (китайского) языка затрагивает аспекты словообразования, семантики, фонетики и функции. Бурятская номенклатура имеет особенности на уровнях фонетики и функции, часто определяемыми нормами русского именования. На основании статического исследования имен учащихся в Республики Бурятия и АРВМ Китая, нам посчитаны в основном имена по бурятским, монгольским, тибетским и санскритским происхождениям, также по нашим данным выявлены, среди бурятских учащихся Республики Бурятия наиболее популярными именами стали односложные имена. А в АРВМ Китая монголы также предпочитают краткие в написании и звучании имена, но сложные имена всё ещё распространены. По мере того, что среди бурят усиливается) интерес к своей культуре и укрепляются связи между бурятами и монголами, постепенно появляются новые монголо-бурятские имена, которые становятся популярными. Соответственно, в АРВМ нами зафиксированы некоторые древнемонгольские антропонимы. Также, из имен учащихся в Бурятии, русские имена сопровождающиеся бурятскими отчествами и бурятские имена с русскими фамилиями являются интересным проявлением в плане антропонимики. (это предложение непонятно)

Следует сказать, что тема предпринятого исследования нуждается в дальнейшей научной разработке в лингвистическом, социолингвистическом и культурологическом аспектах. Имеются перспективы для продолжения работы в плане дальнейшего исследования ономастической лексики монгольского и бурятского языков.

Литература

1. Алдарова, Н.Б. Дифференциация исконных личных имен бурят / Н.Б. Алдарова // Исследования по бурятской филологии. — Улан-Удэ, 1978. — С. 32-46.
2. Лувсандэндэв, А. и др. Большой академический монгольско-русский словарь: в четырех томах. Том I. А–Г / Амгаагийн Лувсандэндэв, Григорий Церенович Пюрбеев, Институт языкознания (Российская академия наук). — М.: Academia, 2001. — 502 с.
3. Лувсандэндэв, А. и др. Большой академический монгольско-русский словарь: в четырех томах. Том II. Д–О / Амгаагийн Лувсандэндэв, Григорий Церенович Пюрбеев, Институт языкознания (Российская академия наук). — М.: Academia, 2001. — 506 с.
4. Лувсандэндэв, А. и др., Большой академический монгольско-русский словарь: в четырех томах. Том III. Ё–Ф / Амгаагийн Лувсандэндэв, Григорий Церенович Пюрбеев, Институт языкознания (Российская академия наук). — М.: Academia, 2001. — 440 с.
5. Лувсандэндэв, А. и др. Большой академический монгольско-русский словарь: в четырех томах. Том IV. Х–Я / Амгаагийн Лувсандэндэв, Григорий Церенович Пюрбеев, Институт языкознания (Российская академия наук). — М.: Academia, 2001. — 506 с.
6. Ангархаев, А.Л. Этимологическое исследование древнемонгольских онимом / А.Л. Ангархаев. — Новосибирск: Наука, 2003. — 159 с.
7. Ахманова, О.С. Словарь лингвистических терминов [Текст] : ок. 7000 терминов / О.С. Ахманова. — 2-е изд. стереотип. — М.: Советская энциклопедия, 1969. — 607 с.
8. Бадмаева, Л.Б. Антропонимы в бурятской летописи Вандана Юмсунова / Л.Б. Бадмаева // Исследование по ономастике Прибайкалья. Сб.

статей. — Улан-Удэ: Бурятский научный центр СО АН СССР, 1990. — С. 83-89.

9. Бадмаева, Л.Б. Язык бурятских летописей / Л. Б. Бадмаева. — Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2005. — 216 с.

10. Батчулуун, Д. Монгольская антропонимия конца девятнадцатого и начала двадцатого веков / Д. Батчулуун // ВЕСТНИК АлтГТУ им. И.И. Ползунова, 2009. № 1-2. — С. 115-117.

11. Башкуев, Б.В. Своеобразие личных имен предбайкальских бурят / Б.В. Башкуев // Бурятские антропонимы и топонимы : Сб. ст. — Улан-Удэ: БФ СО АН СССР, 1981. — С. 23-40.

12. Басаева, К.Д. Современные тенденции в употреблении личных имен у бурят // Ономастика Бурятии. — Улан-Удэ, 1976. — С. 85-92.

13. Балдаев, С.П. Родословные предания и легенды бурят. Ч.1. булагаты и эхириты. [Электронный ресурс] / С.П. Балдаев. — Улан-Удэ, 1970. — 362 с. — Режим доступа: <http://irkipedia.ru/sites/default/files/pdf/automat/baldaev-predanija-buryat.pdf> (дата обращения: 1 декабря 2021).

14. Балдаев, С.П. Родословные предания и легенды. Забайкальские буряты / С.П. Балдаев. — Улан-Удэ, 2010. — 368 с.

15. Белецкий, А.А. Лексикология и теория языкознания (ономастика) [Текст] / А. А. Белецкий. — Киев: Изд-во Киевского ун-та, 1972. — 209 с.

16. Библиография литературы по бурятскому языкознанию. Составитель Н.Б. Дугаров. — Улан-Удэ, 1964. — 166 с.

17. Борисов, И.В. Антропонимы, как картина личности / И.В. Борисов. Научное издание. — М.: 2016. — 100 с.

18. Бураев, И.Д. О бурятских личных именах / И.Д. Бураев, Л.Д. Шагдаров // К изучению бурятского языка. — Улан-Удэ, 1969. — С. 106-116.

19. Бураев, И.Д. Образование бурятского языка / И.Д. Бураев, Л.Д. Шагдаров // Буряты. М.: Наука. — 2004. — С. 227-232.

20. Буркова, Т.А. Общие и дифференциальные признаки официальных и неофициальных именований лица / Т. А. Буркова // Иностранные языки в высшей школе (Научный журнал), — Рязань, 2011. — Вып. 1(16). — С. 46-57.
21. Бурятские антропонимы и топонимы: сб. ст. / Акад. Наук СССР, Сиб. отд-ние, Бур. фил., Ин-т обществ. наук. — Улан-Удэ: БФ СО АН СССР, 1981. — 101 с.
22. Буряты / Отв. ред. Л.Л. Абаева, Н.Л. Жуковская. Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. — М.: Наука, 2004. — 633 с.
23. Васильева, Д.Н. Личные имена монголов и бурят / Д.Н. Васильева, С.С. Батодариева // Вестник Бурятского государственного университета, 2015. — № 8. — С. 30-34.
24. Владимирцов, Б.Я. О прозвище 'Dayan'-qagan (Даян-хан) / Б.Я. Владимирцов // Доклады российской академии наук. — Ленинград, 1924. — июль-сентябрь. — С. 119-121.
25. Владимирцов, Б.Я. Упоминание имени Теб-тенгри в монгольской письменности / Б.Я. Владимирцов // Докл. АН СССР. Сер. В. — Л., 1924. — С. 116-117.
26. Владимирцов, Б.Я. Монгольские титулы *beki* и *begi* / Б.Я. Владимирцов // Доклады АН СССР. Сер. В. — Л., 1930. — № 9. — С. 119-121.
27. Владимирцов, Б.Я. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм / Б.Я. Владимирцов. — Л.: Изд-во АН СССР, 1934. — 273 с.
28. Гарвалик, М.К. вопросу о современной ономастической терминологии [Текст] / М. Гарвалик // Вопросы ономастики. — Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2007. — № 4. — С. 5-13.

29. Гармаева, А.Э. Числовая символика в монгольском языке: семантика и функции / А.Э. Гармаева // Вестник Бурятского государственного университета. — Улан-удэ, 2008. — №10. — С. 105-110.
30. Гируцкий, А.А. Введение в языкознание: Учеб. пособие / А.А. Гируцкий. — 2-ое изд., — Мн.: «ТетраСистемс», 2003. — 288 с.
31. Горбаневский, М.В. В мире имен и названий / М.В. Горбаневский. — М.: Знание, 1987. — 208 с.
32. Грамматика бурятского языка / Ред. колл. Г. Д. Санжеев, Т.А. Бертагаев, Ц.Б. Цыдендамбаев. — М.: Издательство восточной литературы, 1962. — 336 с.
33. Дариева, Ц.А. Тайна вашего имени: именослов – словарь / Ц.А. Дариева, Ю.Ж. Жабон, Б.Ж. Жабон. — Улан-Удэ. — 1991. — 78 с.
34. Дашеева, В.В. Ономастические универсалии [Текст]: на материале монгольских и китайских антропонимов / В.В. Дашеева. — Улан-Удэ: Изд-во госуниверситета, 2015. — 186, [1] с.
35. Дашеева, В.В. Ономастические универсалии монгольского и китайского языков: морфологический аспект / В.В. Дашеева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — Тамбов: Грамота, 2016. — №5 (59): в 3-х ч. Ч. 2. — С. 79–83.
36. Денисова, В.В. Универсалии монгольских антропонимов: Монография / В.В. Денисова. — Улан-Удэ: Издательско-полиграфический комплекс ГОУ ВСГАКИ, 2004. — 159 с.
37. Динганорбоева, Ц.Г. Варианты-эвфемизмы в бурятской антропонимике / Ц. Г. Динганорбоева, А.Г. Митрошкина // Уральский государственный университет, 1982. — № 1. — С. 127-130.
38. Дондуков, У-Ж.Ш. Словообразование монгольских языков [Текст] : (монография) / У-Ж.Ш. Дондуков. — Улан-Удэ : БГПИ, 1993. — 196 с.

39. Дондуков, У.-Ж.Ш. Аффиксальное словообразование частей речи в бурятском языке / Дондуков У.-Ж.Ш. — Улан-Удэ: Бурят, кн. изд-во, 1964. — 246 с.
40. Дугаров, Н.Б. Библиография литературы по бурятскому языкознанию [Текст] / Н.Б. Дугаров. — Улан-Удэ: Акад. наук СССР. Сиб. отд-ние. Бурят. комплексный науч.-исслед. ин-т, 1964. — 164 с.
41. Дьяченко, В.В. Основные способы образования субстандартных антропонимов в английском и русском языках / В.В. Дьяченко // Вестник Ставропольского государственного университета, 2007. — № 48. — С. 58-65.
42. Жамбалова, С.Г. Сохранение и возрождение генеалогической традиции у бурят / С.Г. Жамбалова // Мир Центральной Азии – 2: Сб. науч. ст. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2008. С. 68–76
43. Жамбалова, С.Г. Исторические тенденции в имянаречении бурят. К постановке вопроса / С.Г. Жамбалова // Восток-Запад: аксиолингвистическое представление о мире. Сб. мат-лов Междунар. российско-польской конф. (г. Улан-Удэ, 24–25 сентября 2009 г.). — Улан-Удэ: Восточно-Сибирск. гос. ун-т, 2010. — С. 150–163.
44. Жамбалова, С.Г. Антропонимы бурят в исторической динамике / С.Г. Жамбалова // Oriental Studies. — 2020. — Т. 13. — № 2. — С. 422–435.
45. Жамсаранова, Р.Г. Личные имена бурят Цаганского рода с антропоосновой Саб(а)- / Р.Г. Жамсаранова // Вестник Северо-Восточного федерального уни. — 2020. — № 5 (79). — С. 56-64.
46. Жанузаков, Т.Ж. Обычаи и традиции в казахской антропонимии / Т.Ж. Жанузаков // Этнография имен. — М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1971. — С. 100–103.
47. Жапова, Д.Н-Д. Функциональная эволюция монгольских антропонимов / Д.Н-Д. Жапова. — Улан-Удэ: Издательство Бурятского госуниверситета, 2005. — 154 с.

48. Жеребило, Т.В. Словарь лингвистических терминов. — Изд. 5-е, испр. и доп. / Т.В. Жеребило. — Назрань: ООО «Пилигрим», 2010. — 486 с.
49. Жуковская, Н.Л. Кочевники Монголии: Культура. Традиция. Символка: Учебное пособие / Н.Л. Жуковская. — М.: Вост. лит., 2002. — 247 с.
50. Забанова, Л.Е. Дистрибуция антропонических моделей в бурятском и английском языках [Текст]: дис. ...канд. филол. наук: 10.02.16 / Л.Е. Забанова. — Улан-Удэ, 2000. — 161 с.
51. Залкинд Е.М. Присоединение Бурятии к России / Е. М. Залкинд. — Улан-Удэ: Бурятское книжное издательство, 1958. — 321 с.
52. Зимин, Ж.А. Имена и фамилии аларских бурят / Ж.А. Зимин // Бурятские антропонимы и топонимы : Сб. ст. — Улан-Удэ: БФ СО АН СССР, 1981. — С. 18-22.
53. Золтоева, О.Ф. Онимическая лексика современного монгольского языка (семантический анализ) : монография / О.Ф. Золтоева. — Улан-Удэ: Изд-во ВСГТУ, 2006. — 172 с.
54. Золтоева, О.Ф. Особенности антропонимии монголов Китая / О.Ф. Золтоева // Научное обозрение: гуманитарные исследования. — 2015. — №. 12. — С.149-152.
55. Ивалга голдо нуудалтай зоной угай бэшэг (Родословная иволгинских бурят). — Улан-Удэ, 2012. — 424 с.
56. История Бурятии. В 3 т. Т. II. XVII – начало XX в. — Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2011. — 624 с.
57. Карнович Е. П. Родовые прозвания. — СПб.: Изд-во МФИН, 1991.— 100 с.
58. Карпенко, А.Ю. Деминутивное антропонимическое словообразование (на материале русских говоров юга Украины) / А. Ю. Карпенко // Вопросы ономастики. — Свердловск : [УрГУ], 1980. — Вып. 14 : Собственные имена в системе языка. — С. 99-110.

59. Кожевникова, Л.Ю. Онимия художественного текста в современном монгольском языке : автореферат дис. ... кандидата филологических наук : 10.02.22 / Л.Ю. Кожевникова. Ин-т монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. — Улан-Удэ, 2003. — 20 с.
60. Козин, С.А. Сокровенное сказание Юань Чао би ши Том I / С.А. Козин. — М.: Издательство академии наук СССР, 1941. — 619 с.
61. Кручин, Ю. Большой современный русско-монгольский — монгольско-русский словарь = Орос монгол — монгол орос орчин үеийн дэлгэрэнгүй толь бичиг / Ю. Кручин. — М.: АСТ: Восток–Запад, 2006. — 921, [7] с.
62. Лазарева, А.А. Типологические проблемы номинации (на материале онимической лексики бурятского и китайского языков : автореферат дис. ... кандидата филологических наук : 10.02.16 / А.А. Лазарева. — Улан-Удэ, 1999. — 18 с.
63. Ламожапова, И.А. Исконные личные имена у монгольских народов структура, семантика: Учебное пособие. — 2-е изд., исправл. и доп. / И.А. Ламожапова. — Чита: Изд-во ЗабГГПУ, 2008. — 139 с.
64. Ламожапова, И.А. Фонетическое освоение буддийских личных имен в современном бурятском языке / И.А. Ламожапова // Вестник ЗабГУ. — 2013. — № 8. — С. 100-108.
65. Ламожапова, И.А. Антропонимические изоглоссы в монгольских языках / И.А. Ламожапова // Учёные записки ЗабГУ. — 2015. — № 2 (61). — С. 151-157.
66. Лубсандоржиева, П.-Н.Б. Родословные росписи хурамшинских бурят / П.-Н.Б. Лубсандоржиева. — Улан-Удэ, 2010. — 203 с.
67. Мадиева, Г.Б. Антропонимы как средство выражения национальной культуры / Г.Б. Мадиева, В.И. Супрун // Проблемы ономастики. — 2010, — С. 96-102.

68. Маюрова, Ж.Д. Сложные прозвища у бурят: структура и семантика [Текст]: дис. ...канд. Филол. наук: 10.02.16 / Ж.Д. Маюрова. — Иркутск, 2001. — 170 с.
69. Маюрова, Ж.Д. Типология монгольских и бурятских основ прозвищ / Ж.Д. Маюрова // Вестник ИрГТУ. — 2013. — С. 274-278.
70. Маюрова, Ж.Д. Словарь бурятских прозвищ. Опыт лингво-социально-локального описания / Ж.Д. Маюрова. — Иркутск: Изд-во Иркутского гос. технического ун-та, 2014. — 81с.
71. Митрошкина, А.Г. Бурятская антропонимия / А.Г. Митрошкина. — Новосибирск: Наука, 1987. — 220 с.
72. Митрошкина, А.Г. Личные имена бурят / А.Г. Митрошкина. — Иркутск, 2007. — 377 с.
73. Митрошкина, А.Г. Словарь бурятских личных имен Опыт лингво-социально-локально-хронологического словаря часть 1 / А.Г. Митрошкина. — Иркутск, 2008. — 384 с.
74. Митрошкина, А.Г. Словарь бурятских личных имен / А.Г. Митрошкина. — Улан-Удэ: Издательство Бурятского государственного университета, 2013. — 200 с.
75. Монраев, М.У. Калмыцкие личные имена (семантика) / М. У. Монраев. — Элиста : АУ РК Издательский Дом «Герел», 2012. — 256 с.
76. Монраев, М.У. Некоторые вопросы калмыцкой антропонимии / М.У. Монраев // В кн.: Ономастика Поволжья. — Вып.2. — Горький, 1971. — С. 63-69.
77. Никонов, В.А. Имя и общество. Очерки по ономастике / В.А. Никонов. — М., 1974. — 278 с.
78. Нимаев, Д.Д. К проблеме этногенеза бурят / Д.Д. Нимаев // Советская этнография. 1979, — № 4. — С. 80-89.
79. О праве граждан на присвоение фамилии, имени и отчества в соответствии с бурятскими национальными обычаями при регистрации рождения ребенка: Закон РБ // Бурятия: Офиц. вестник. — 1999. — 22 июня.

80. Окладников, А.П. История и культура Бурятии [Текст] : Сборник статей / А. П. Окладников. АН СССР, Сиб. отд-ние, Бурят. филиал, Бурят. ин-т обществ. наук. — Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во, 1976. — 458 с.
81. Олзоева, В. Что объединяет бурятские имена с названиями дней недели и планет? [Электронный ресурс] / В. Олзоева // Агинская правда. — 26. 01. 2015. — Режим доступа: http://www.aginsk-pravda.ru/news/chto_obedinjaet_burjatskie_imena_s_nazvaniyami_dnej_nedeli_i_planet/2015-01-26-3087-987 (дата обращения: 1 декабря 2021)
82. Ономастика и норма [Текст] : [сборник статей] / АН СССР, Ин-т рус. яз. ; [отв. ред. Л. П. Калакуцкая]. — Москва : Наука, 1976. — 255 с.
83. Подольская, Н.В. Словарь русской ономастической терминологии / Н.В. Подольская. — М.: Издательство «Наука», 1978. — 199 с.
84. Рассадин, В.И. Антропонимы у тофаларов / В.И. Рассадин // Ономастика Бурятии. — Улан-Удэ, 1976. — С. 111-140.
85. Рассадин, В.И. Монголо-бурятские заимствования в сибирских тюркских языках / В.И. Рассадин. — М.: Наука, 1980. — 115 с.
86. Рассадин, В.И. Очерки по исторической фонетике бурятского языка / В.И. Рассадин. — М.: Наука, 1982. — 198 с.
87. Рассадин, В.И. Присяянская группа бурятских говоров / В.И. Рассадин. — Улан-Удэ, 1996. — 217 с.
88. Рассадин, В.И. Очерки по морфологии и словообразованию монгольских языков [Текст] / В.И. Рассадин. — Элиста : Изд-во КГУ, 2008. — 234 с.
89. Рашид-Ад-Дин. Сборник летописей. — Т. 1. — Кн. 2 / Пер. с перс. О.И. Смирновой, прим Б.И. Панкратова, О.Н. Смирновой; АН СССР, Ин-т востоковедения. — М.; Л.: АН СССР, 1952. — 316 с.
90. Реформатский, А.А. Введение в языковедение / А.А. Реформатский. — М.: Аспект Пресс, 1996. — 536 с.
91. Ринчинова, Ц. Имянаречение детей в бурятских семьях: традиция и современность / Ц. Ринчинова // Генеалогическая культура бурят:

современный научно-образовательный дискурс: материалы заоч. науч. симпозиума с междунар. участием. — Улан-Удэ: Изд-во ГУП ИД «Буряад үнэн», 2009. — 180 с.

92. Ромашко, С.А. Андре Мартине / С. А. Ромашко // сборник Европейские лингвисты XX века, серия Теория и история языкознания. — М.: Изд-во ИНИОН РАН, 2001. — С. 45-58.

93. Рут, М.Э. Антропонимы: размышления о семантике [Текст] / М. Э. Рут // Известия Уральского государственного университета. — Екатеринбург, 2001. — № 20. — С. 59–64.

94. Рут, М.Э. Образная номинация в русской ономастике / М.Э. Рут. — М.: Издательство ЛКИ, 2008. — 192 с.

95. Сеничкина, Е.П. Эвфемизмы русского языка: Спецкурс [Электронный ресурс]: учеб. пособие / Е.П. Сеничкина. — 2-е изд., стер. — М.: Флинта, 2012. — 120 с.

96. Семенова, В.И. Личные имена эхиритских бурят / В.И. Семенова. Иркутск : Иркутский гос. ун-т, 2005. — 189 с.

97. Сергеева, Л.А. Об аксиологической природе прозвищ / Л.А. Сергеева // Вопросы Ономастики. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1991. Вып. 19. Номинация в ономастике. С. 147-151.

98. Системы личных имен у народов мира : 2-е изд. / Редкол.: Р.Ш. Джарылгасинова, М.В. Крюков (отв. ред.), В.А. Никонов, А.М. Решетов; АН СССР. Ин-т этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. — М.: Наука, 1989. — 383 с.

99. Справочник личных имен народов РСФСР: Рек. М-вом юстиции РСФСР в качестве практ. пособия для работников органов записи актов граждан. состояния РСФСР / Под ред. А. В. Сперанский (отв. ред.), Ю. М. Гусева. — 3-е изд., испр. — М.: Рус. яз., 1987. — 656 с.

100. Сундуева, Е.В. Проприальное словообразование в современном монгольском языке : монография / Е.В. Сундуева. — Улан-Удэ: Издательско-полиграфический комплекс ФГОУ ВПО ВСГАКИ, 2005. — 128 с.

101. Сундуева, Е.В. Аффиксация образных слов в монгольском языке / Е.В. Сундуева // МИР НАУКИ, КУЛЬТУРЫ, ОБРАЗОВАНИЯ, 2010. — № 1 (20). — С. 91-94.
102. Суперанская, А.В. Структура имени собственного / А.В. Суперанская. — М.: Издательство «Наука», 1969. — 207 с.
103. Суперанская, А.В. Современные русские прозвища / А.В. Суперанская // FOLIA ONOMASTICA CROATICA, 2003–2004. — 12–13. — С. 485- 498.
104. Суперанская, А.В. Общая теория имени собственного / А.В. Суперанская. — М.: Издательство «Наука», 1973. — 366 с.
105. Суперанская, А.В. Имя — через века и страны / А.В. Суперанская. — М.: Издательство ЛКИ, 2007. — 192 с.
106. Суперанская, А.В. Теория и методика ономастических исследований / А.В. Суперанская, В.Э. Сталтмане, Н.В. Подольская, А.Х. Султанов. Изд. 2-е. — М.: Издательство ЛКИ, 2007. — 256 с.
107. Сызранова, Г.Ю. Ономастика : учеб. пособие / Г.Ю. Сызранова. — Тольятти : Изд-во ТГУ, 2013. — 248 с.
108. Ульзетуева, З.Д. Современный монгольский язык: учеб. пособие / З.Д. Ульзетуева. — Чита: ЧитГУ, 2010. — 230 с.
109. Хамаева А.А. К семантике антропонимов бурятских личных имён / А.А. Хамаева // Бурятские антропонимы и топонимы. Сб. ст. — Улан-Удэ: БФ СО АН СССР, 1981. — 101 с.
110. Хамаева Е.А. Китайские антропонимы : монография / Е.А. Хамаева. — Иркутск : МГЛУ ЕАЛИ, 2015. — 308 с.
111. Цыдендамбаев, Ц.Б. Бурятские исторические хроники и родословные Историко-лингвистическое исследование / Ц.Б. Цыдендамбаев. — Улан-Удэ: Бурят, кн. изд-во, 1972. — 662 с.
112. Цыдендамбаев, Ц.Б. Изучение ономастики Бурятии и исторически связанных с ней регионов — одна из актуальных задач

современного бурятоведения / Ц.Б. Цыдендамбаев // Ономастика Бурятии / Отв. ред. Ц.Б. Цыдендамбаев. — Улан-Удэ, 1976, — С. 3-22.

113. Шагдаров, Л.Д. К принципам унификации слов и названий из восточных языков при передаче их на русском языке // Ономастика Бурятии. — Улан-Удэ, 1976. — С. 93-110.

114. Шастина, Н.П. Алтын-ханы Западной Монголии XVII в. / Н.П. Шастина // Советское востоковедение. — Т.6. — М.: 1949. — С. 383-395.

115. Шенявская, Т.Л. Полное имя современного исландца и исландца «века саг»: к проблеме традиционности антропонимической модели // Вестник Московского университета. — Сер. 9. Филология. — 2008. — № 4. — С. 68–80.

116. Шмелева, Т.В. Ономастика : учеб. пособие / Т. В. Шмелева ; Филиал ФГБОУ ВПО «КубГУ» в г. Славянске-на-Кубани. — Славянск-на-Кубани : Издательский центр филиала ФГБОУ ВПО «КубГУ» в г. Славянске-на-Кубани, 2013. — 161 с.

117. Шойбонова, С.В. Имена собственные в художественной литературе: на материале прозаических произведений бурятских писателей : автореферат дис. ... кандидата филологических наук : 10.02.16. / С.В. Шойбонова. — Улан-Удэ, 1999. — 15 с.

118. Шулунова Л.В. Прозвища бурят улуса Куйта Аларского района Иркутской области // Бурятские антропонимы и топонимы. — Улан-Удэ, 1981. — С.54-59.

119. Шулунова, Л.В. Прозвища в антропонимии бурят / Л.В. Шулунова. — Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1985. — 96 с.

120. Шулунова, Л.В. Ономастика Прибайкалья : монография / Л.В. Шулунова. — Улан-Удэ: Бурят, кн. изд-во, 1995. — 204 с.

121. Щербак, А.С. Общая специфика имени собственного [Текст] / А. С. Щербак // Вестник ТГУ. — 2005. — № 3 (39). — С. 85-90.

122. Ярцева, В.Н. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева, — М.: Сов. энциклопедия, 1990. — 685 с.

На бурятском языке

123. Бабуев, С.Д. Буряад зоной урданай нуудал байдалай тайлбари толи / С.Д. Бабуев, Ц.Ц. Бальжинимаева. — Улаан-Үдэ: «Бэлиг» хэблэл, 2004. — 352 х.
124. Бальжинимаева, Н.Н. Минии уг гарбал / Н.Н. Балжинимаева. — Улан-Удэ: НоваПринт, 2017. — 112 с.
125. БРС, 2006 — Шагдаров, Л.Д. Буряад-оруд толи. Бурятско-русский словарь. В двух томах. Т I. А-Н. / Л.Д. Шагдаров, К.М. Черемисов. — Изд-во ОАО «Республиканская типография». — Улан-Удэ, 2006. — 636 с.
126. БРС, 2008 — Шагдаров, Л.Д. Буряад-оруд толи. Бурятско-русский словарь. В двух томах. Т II. О-Я. / Л.Д. Шагдаров, К.М. Черемисов. — Изд-во ОАО «Республиканская типография». — Улан-Удэ, 2008. — 708 с.
127. Норбоев, А.Ш. Захааминай хүрхүүд изагууртанай угай бэшэг / А.Ш. Норбоев, А-З. Ж. Тудунов. — Улан-Удэ: ПАО «Республиканская типография», 2019. — 104 с.

На монгольском языке

128. Ариун, Бао. Найман хушууны монголчуудын хүний нэрийн нэрлэлтийн онцлог ба хувиралтын байдлыг шинжлэх нь [Текст] : магистрийн ... дисс. / Бао Ариун. Өвөр Монголын их сургууль, 2010. — 54 с.
129. Баатар, Д. Хөххотод суугаа монголчуудын гурван үеийн нэрийн харицууллаас сэдсэн нь / Д. Баатар // Монгол хэл утга зохиол, 1986. — № 5. — С. 96-108.
130. Баатар, М. Монгол хүний нэрийн тухай дөхөм ажиглалт / М. Баатар // Монгол хэл бичиг, 1999. — № 9. — С. 28-33.
131. Баянбаатар. Монгол нэр хайралхын учир ёсон / Баянбаатар. — Хөх-хот: Өвөр Монголын ардын хэвлэллийн хороо, 2004. — 230 с.

132. Бүрэнбилэг. Монгол хүний нэрийн дэлгэрэмэл хөгжилтийн ажиглалт / Бүрэнбилэг, Ч. Сарнаа // Монгол хэл утга зохиол, 2003. — Т. 31.— № 4. — С. 75-78.
133. Гавир. Шинэ барга баруун хошууны монголчуудын хүний нэрийн хувиралтанд тусхагдсан адил бус соёлтоны нэвтрэлцлийн нөлөө шинжилгээ [Текст] : магистрийн ...дисс. / Гавир. — Өвөр Монголын их сургууль, 2016. — 103 с.
134. Гончиг, Б. Монголчуудын овгийн тухай товч өгүүлэх нь / Б. Гонцог // Монгол хэл бичиг, 1983. — № 6. — С. 53-65.
135. Гэгэнтана. Сөнөд зүүн хошууны монголчуудын нэрийн судлал [Текст] : магистрийн ...дисс. / Гэгэнтана. — Өвөр Монголын их сургууль, 2007. — 64 с.
136. Нарантунгалаг. Өвөр монголын их сургуулийн монгол оюутадын нэрсийн судалгаан [Текст] : магистрийн ...дисс. / Нарантунгалаг. — Өвөр Монголын их сургууль, 2019. — 105 с.
137. Начиншонхор. Хорчин монголчуудын хүний нэрийн тухай / Начиншонхор // Бугтын оч. 1989. — № 3. — С.53-55.
138. Норжин, Ц. Монгол хэлний толь / Ц. Норжин нар. — Өвөр Монголын ардын хэвлэлийн хороо. — Хөх-хот, 1997. — 3142 с.
139. Өвөр Монголын их сургуулийн монгол судлалын дээд сургуулийн монгол хэл бичиг судлах газар, Одоо үеийн монгол хэл / — Хөх-хот, Өвөр монголын арлын хэвлэлийн хороо. 1964. — 965 с.
140. Ринчин, Б. Монгол бичгийн хэлний зүй: гутгаар дэвтэр — хэлбэр судлал / Б. Ринчин. — Хөх-хот: Өвөр Монголын ардын хэвлэлийн хороо, 2016. — 296 с.
141. Рэгзэндорж, Р. Монгол ёс заншил (Хоёр дахь хэвлэл) / Р. Рэгзэндорж, Р. Ганзориг. — Улаанбаатар: NEPKO Publishing, 2008. — 161 с.
142. Содном, Ч. Монгол хүний нэрийн тухай / Ч. Содном // Монгол хэл бичиг, 1981. — № 1. — С. 99-117.

143. Содномдорж. Монголчуудын нэр цээрлэх удамшил / Содномдорж // Өвөр Монголын багшийн их сургуулийн эрдэм шинжилгэний сэтгүүл, 1986. — №. 3. — С.85-97.
144. Содномдорж. Монголчуудын хүний ижил нэрийн ажиглалт / Содномдорж // Өвөр Монголын багшийн их сургуулийн эрдэм шинжилгэний сэтгүүл, 1989. — № 4. — С. 113-124.
145. Сэржигоцоо, Д. Хоч овгийн тухай зарим түүхэн учир / Д. Сэржигоцоо // Өвөр монголын нийгмийн шинжлэх ухаан, 1992. — №. 4. — С. 128-131.
146. Сэржээ, Ж. Монгол хүний нэр / Ж. Сэржээ. — Улаанбаатар : Шинжлэх ухааны Хэвлэлийн Эрдэм пүүсийн хэвлэх үйлдвэр, 1992. — 125 с.
147. Сэржээ, Ж. Монгол овгийн нэр үүсэх зарим онцлог / Ж. Сэржээ // Өвөр монголын нийгмийн шинжлэх ухаан, 1993. — №. 4. — С. 48–54.
148. Сэржээ, Ж. Монгол хүний нэрийн утга учир / Ж. Сэржээ // Монгол хэл бичиг. — 1995. — №7. — С. 52–59.
149. Сэцэнбаатар. Чахарчуудын дөт нэрийн тухай / Сэцэнбаатар // Монгол хэл бичиг, 1994. — № 12. — С.26-32.
150. Сэцэнцогт. Монгол үгсийн язгуурын толь / Сэцэнцогт. — Хөх-хот: Өвөр монголын ардын хэвлэлллийн хороо, 1988. — 647 с.
151. Тавингурав. Монгол хүний нэрийн тухай / Тавингурав // Монгол хэл бичиг. — 1983. — № 5. — С. 95–104.
152. Тогоо. Монгол хүний нэрийн судлалд холбогодох асуудал / Тогоо // Монгол хэл бичиг, — 1993. — №2. — С. 44-50.
153. Төмөрцэрэн, Ж. Монгол хэлний үгийн сангийн судлал / Ж. Төмөрцэрэн. — Хөх-хот: Өвөр Монголын сургаан хүмүүжлийн хэвлэлийн хороо, 2004. — 369 с.
154. Тунгаа. Шулуун хөвөөт цагаан хошууны монголчуудын овог нэрийн шинжлэл [Текст]: магистрийн дис. / Тунгаа. — Өвөр монголын их сургууль, 2017. — 68 с.

155. Туяа. Хорчин монголчуудын хүний нэрийн шинжлэл [Текст]: магистрийн дис. / Туяа. — Өвөр монголын багшийн их сургууль, 2007. — 53 с.
156. Түмэн, А. Монголын овог аймаг нийгэмийн байгууллын нэрсийн тайлбар / А. Түмэн. — Хөххот: Өвөр монголын ардын хэвлэлийн хороо, 1999. — 350 с.
157. Ургамал. Юуаны Түүх дэх монгол хүний нэрийг хятад үсгээр галиглан буулагсан онцлогийн шинжлэл [Текст] : магистрийн ...дис. / Ургамал. — Өвөр монголын багшийн их сургууль, 2011. — 74 с.
158. Үндэс. Отог хушууны монголчуудын нэрийн хувиралтын байдлыг шинжлэх нь [Текст] : магистрийн ...дис. / Үндэс. — Өвөр монголын их сургууль, 2014. — 77 с.
159. Хан чунь ин. Монголчуудын ихэр хүүхдэд нэр хайрлах сэтгэхгүйн онцлог / Хан чунь ин, Цзя Чи // Дундад улсын монгол судлал, 2017. — № 3. — С. 99–102.
160. Хөгжилт. Дан. Монгол ардын харьцааны нэрийдэл дуудлагийн учир / Хөгжилт // Өвөр Монголын нийгмийн шинжлэх ухаан, 2019. — №2. — С. 45-48.
161. Хүүдагуул. Байран монголчуудын хүний нэрийн судлал [Текст] : магистрийн ... дис. / Хүүдагуул. — Өвөр монголын багшийн их сургууль, 2010. — 57 с.
162. Чоймаа, Ш. Монгол хүний нэрийн тайлбар толь / Ш.Чоймаа [и др.]. — Соёмбо пресс хэвлэлийн газар, 2017. — 826 с.
163. Шагдар, Мягмарсүрэн. Монгол хүний нэрийн түүхэн харьцуулал / Мягмарсүрэн Шагдар // Актуальные проблемы монголоведения и тюркологии : материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 75-летию бурят. отд-ния ИГУ. Иркутск, 2 нояб. 2019 г. // ФГБОУ ВО «ИГУ» ; отв. ред. В. И. Семенова, Э. А. Яманова – Иркутск : Изд-во ИГУ, 2019. — С. 96-100.
164. Элдэнтэй. Монголын Нууц Товчоон — Сийрүүлэл. Тайлбар / Элдэнтэй, Ардажав. — Улаанхад: Өвөр Монголын сургаан хүмүүжлийн хэвлэлийн хороо, 1997. — 1044 с.

165. Эрдэмт. Монголчуудын нэр авах ёс заншил жич нэр цээрлэх ёсон / Эрдэмт, Гэгэнхас // Өвөр Монголын үндэстний их сургуулийн эрдэм шинжилгээний сэтгүүл (нийгмийн шинжлэх ухааны монгол хэвлэл), 2006. — № 3. — С. 47–54.

166. Энхбат, Х.Д. Хүмүүний зохист нэр / Энхбат, Х.Д. — Улаанбаатар: Зууны ном хэвлэх үйлдвэр, 2004. — 112 с.

На китайском языке

167. 敖日格乐. 内蒙古蒙古族人命名研究 (硕士论文) / 敖日格乐. 内蒙古师范大学, 2017. — 46 с.

168. 段鸣皋. 译名例谈 / 段鸣皋 // 南昌高专学报, 1999. № 1. — С. 24-27.

169. 菜志纯. 略述蒙古人的姓名 / 菜志纯 // 内蒙古民族师院学报, 1989. № 4. — С. 86-90.

170. 菜志纯. 元明蒙汉间赐名赐姓初探 / 菜志纯 // 民族研究, 1989. № 4. — С.86-91.

171. 高文德. 蒙古世系 / 高文德, 菜志纯. 中国社会科学出版社, 1979. — 283 с.

172. 范玉梅. 我国少数民族的人名 / 范玉梅 // 民族语文, 1981. № 5. — С. 63-75.

173. 冯志伟. 现代语言学流派 / 冯志伟, 陕西人民出版社, 1999. — 398 с.

174. 何晓明. 姓名与中国文化 / 何晓明. 人民出版社, 2001. — С. 460 с.

175. 贾晞儒. 蒙古族人名的语言特征 / 贾晞儒 // 西北民族研究, 1990. № 2. — С. 103-106.

176. 莫·巴特尔. 试析蒙古族人名文化内涵 / 莫·巴特尔 // 内蒙古师范大学学报 (哲学社会科学版), 2005. № 4. — C. 8-12.
177. 纳日碧力戈. 民族姓名的语言制约因素析要 / 纳日碧力戈 // 民族语文, 1990. № 4. — C. 66-69.
178. 纳日碧力戈, 姓名论 / 纳日碧力戈. 社会科学文献出版社, 1997. — 200 c.
179. 南文渊. 蒙古人名中的“巴图” / 南文渊 // 柴达木开发研究, 2004. № 5. — C. 55-56.
180. 罗伊果. 元朝人名录 (全三册) / 罗伊果, 楼占梅. 南天書局有限公司, 1988. — 2786 c.
181. 吕倩. 通名与专名及其转换关系 [本文]: 硕士研究生论文 / 吕倩. 黑龙江大学, 2015. — 80 c.
182. 齐心. 蒙古人名论析 / 齐心 // 解放军外国语学院学报, 1998. № 5. — C. 63-67.
183. 吴春娟. 试析满族人名与文化 / 吴春娟 // 满语研究, 2004. № 1. — C. 107-110.
184. 萧遥天. 中国人名研究 / 萧遥天. 新世界出版社, 2007. — 303 c.
185. 许光烈. 汉语人名琐谈 / 许光烈 // 内蒙古民族师院学报, 1988. № 3. — C. 82-84.
186. 姚薇元. 北朝胡姓考 / 姚薇元. 1958. — 454 c.

187. 尹黎云. 中国人的姓名文化与命名艺术 / 尹黎云. 华艺出版社, 2005. — C. 268.
188. 张惠英. 语言与姓名文化: 东亚人名地名族名探源 / 张惠英. — 北京: 中国社会科学出版社, 2002. — 298 c.
189. 张同胜. 水浒人的绰号与蒙古族的取名习俗 / 张同胜 // 中国古代小说戏剧研究 (第十四辑), 2018. — C. 3-11.
190. 张亚光. 蒙古族人名称谓习俗 / 张亚光 // 黑龙江民族丛刊, 1988. № 4. — C. 71-72.
191. 周清树. 内蒙古历史地理 / 周清树. — 内蒙古大学出版社, 1993. — 306 c.

Приложения

Таблица 1.

Монгольские антропоформанты, не употребляющиеся в бурятском антропонимиконе

	Старомонгонльски е форманты	Кириллические форманты	Примеры
1	-м-а/-м-е	-м	Цэлгэм, Ундрэм
2	-γun/-gün	-уун	Намуун, Цэлмүүн
3	-jil	-жил	Батжил, Бэхжил
4	-ja	-я/-яа	Сурья, Намьяа
5	-ngγui/-nggüi	-нгуи / -нгүй	Цацарангуй, Хичээнгүй
6	-ltu/-ltü	-лт	Давшилт, Учралт

Таблица 2.

Бурятские антропоформанты, которые отсутствуют в монгольском языке Внутренней Монголии

	Бурятские форманты	Примеры		Бурятские форманты	Примеры
1	-аа/-оо/-өө/-уу/-үү/-ээ/-ии/-и/-э	Бурзаа, Мондоо, Габии	2 2	-рхан	Мандархан, Истархан
2	-аад/-оод/-өөд/-ууд/-үүд	Балхраад, Мантаад, Хулууд	2 3	-саа/-суу	Питансаа, Барансуу
3	-баа/-боо	Ашабаа, Борбоо	2 4	-саан	Бурхисаан, Дурхисаан
4	-бал/-бол/-бэл	Матбал, Бэжэбэл	2 5	-саб	Яраасаб, Түрүүшэб
5	-bti	Зорообти	2 6	-сгой	Хобоосгой
6	-бшэ/-бша	Алгабша, Эрхэбшэ	2 7	-схэн	Үбөөсхэн
7	-даа/-доо/-дөө/-дуу/-дээ	Даадуу, Баадуу, Үхиндөө	2 8	-туу	Бартуу, Бортоо, Маатуу
8	-даан/-доон/-дуун	Дугардаан, Мухардаан, Харлуудаан	2 9	-таан/-тоон/-туун/-түүн/-тиин	Онгогтоон, Бартаан, Мунтуун
9	-дии	Баадии, Мандии, Хоодии	3 0	-ти/-тии	Омһооти, Сабтии
10	-дха/-дхо/-дхэ/-дхи	Пирнаадха, Хорноодхо, Мээдхэ	3 1	-туй	Хабитуй
11	-жаа/-жуу/-жи/-жээ	Анжаа, Малжуу, Мүнхэжээ	3 2	-тха/-тхо/-тхан	Жаабатха, Манжуутха, Муутхан
12	-жаан от тюрк. -жан	Мухаржаан, Тугжаан, Хабхаржаан	3 3	-уунай	Дашуунаэ, Доржуунаэ
13	-лаа/-лээ/-луу	Харлаа, Бадлуу	3 4	-ууха	Батууха, Жарбууха, Халзууха
14	-лка/-	Унталка	3 5	-ууша	Дахууша, Мihuуша
15	-лхай	Баталхай	3 6	-ха русского проис.	Баасха, Сааньха, Алексаха
16	-лхан	Баталхан, Шаралхан,	3 7	-хаа/-хоо/-хөө/-хуу/-хүү	Баярхоо, Бүтүүхээ, Үбхөө
17	-муу	Маамуу	3 8	-хаан/-хоон, вариант -хан/-хон	Мандархаан, Мухархаан, Зоодхоон
18	-нуу	Мархнуу, Мухнуу, Парнуу	3 9	-һаан/-һоон	Шабһаан, Борһоон
19	-нти/-нхи	Ашанти, Шаажанти, Моонхи	4 0	-һаани	Шабһаани, Жабһаани
20 0	-нсай	Тархансай	4 1	-шха/-шка/-шхэ, рус. прои.	Бахруушха, Дахаашка, Бүмбөөшхэ
21	-рхан	Мандархан, Истархан	4 2	-шаан	Абагашаан

Таблица 3.

Бурятские антропоформанты, которые употребляются в монгольском языке АРВМ для образования апеллятивных слов

1	-аан/-оон/- өөн/-ээн/- ууд	Агнаан Дэрээн	-yan/- gen/-yan/- yen	umdayan, idegen	21	-мшэ	Эрхэмшэ	-mši	idemši nuqumši
2	-аал	Үбгэжээл хамгажаал	-□al/-gel/- yal/-yel	ma□ta□al emegjiyel	22	-на/-ни	Забхана Боони	-n-a/-n-e	ba□an-a dün-e
3	-аас/-оос/- ээс	Ангаас, Мадаас	-□asu/- gesü/- □usu/- güsü/-yasu/- yesü	qada□asu nökügesü	23	-наг/-нэг	Адуунаг Бүтүүнэг	-na□/-neg	qorqona□ ergineg
4	-ай/-ой	Бахай, Хогой	-ai/-ei/-ii/- oi/-ui	surma□ai keltegei	24	-нар	Хусанар Ухаанар	-nar/-ner	qunar tuner
5	-аар/-оор/- өөр/-уур/- үүр/-ээр	Мохоор Төөргөөр	-□ar/-ger/- gir/-□or/- gör	ani□ar ertegei	25	-нга/-нгэ	Байнга Бүрхэнгэ	-ng□a/-ngge	arang□a körengge
6	-б/-бо/-бу	Түрүүшэб, Шоёобо	-b	sedüb qalib	26	-нха/-нхи/- нси/-нти	Хилаанха Харлаанси	-ngqai/- ngkei/- ngqu/-ngküi	uqilangqai bögerengkei
7	-гаа/-гуу/- гээ	Баханагаа Баагуу	-□a/-ge/- y-a/-y-e	alda□-a döröge	27	-раа/-руу	Бахруу Мандраа	-rau/-reü	amarau Köbereu
8	-гай	Алсгай Батгай	-□ai/-gei/- □oi/-□ui/goi/- güi	ama□ai geltegei	28	-рай/-рой/- рээ	Ботрой Саярай	-rai/-rei/- roi/-rui	tu□urai čuurai
9	-гал/-гол/- гэл/-гил	Хуагал Боргол	-□al/-gel/- qal/-kel	šar□al nisgel	29	-ри	Бадри Алари	-ri	da□uri qabčiyari
10	-ган	Ябган хамган	-□an/-gen	tangkil□a n türgen	30	-са/-со/-сэ	Бунса Мэнгэсэ	-ča/-če	□arča čögöče
11	-гар/-гэр/- гор	Хулагар Халзагар	-□ar/-ger/- gir/-□or/- □ur/-götr/- gür	□ang□ar tönggör	31	-сан/-сэн/- хан/-хэн	Хайрсан Боохон	-su/-sü/- sun/-sün	sigüsün qabtasu
12	-д	Манжад Сагаад	-d	dörköd Jörigüd	32	-тан	Мантан Хултан	-tan/-ten	nasutan küčüten
13	-дан/-дон/- дэн	Баадан Моодон	-dan	qundan uidan	33	-ха/-хо/- хэ/-ка	Бааха Хотхо	-q-a/-ke/-ki/- qo/-qu	qabq-a büleke
14	-жа/-жо/- жи	Адуужа Галуужа	-ji/-jin	bagaji čegeji	34	-хай	Адуухай Манжуухай	-qai/-kei/- kii/-qoi/-koi	jira□aqai degdegekei
15	-жаа/- жуу/-жи/- жээ	Анжаа Малжуу	-jiy-a	barimjiy-a Qomjiy-a	35	-хи/-ти/-хы	Бархи Шүрхы	-ki/-kin	qolaki erteki
16	-за/-зо/-зэ	Бүрээ, Могзо	-ja/-je	□aruja, olja,	36	-хин родовое имя	Хархин	-ki/-kin	manaikin sur□a□uli- kin
17	-зай	Бизай Анзай	-jai/-jei	ula□ajai ča□ajai	37	-шаг/-шог/- шэг	Аншаг Хүбүүншэг	-si□/-sig	qarasi□ eresig
18	-лии	Шалии	-li/-lid	üyeli qayali	38	-шаа/-шуу	Баршуу Хүнишөө	siu/-si□u/- sigü	ersigü daruusi□u
19	-маг	Таармаг Эрхэмэг	-ma□/- meg/-mo□/- mög	qa□urma □ egedemeg	39	-шаал	Эмэгшээл хамгашаал	-jiyal/-jiyel/- jiyar/-jiyer	ebügejiyel emegejiyer
20	-маан/- моон	Хульмаан Хурмаан	-man/-men/- mon/-mön	širaman doliman	40				

Список информантов

1. Раднаева Мэдэгма Александровна - 1982 г. р., С. Верхняя Иволга, Иволгинский район, Республика Бурятия.
2. Цыренова Галина Раднаевна, 1970 г. р., С. Кижинга, Кижингинский район, Республика Бурятия.
3. Гунзынова Доржоханда Дамбиевна, 1954 г. р., С. Кижинга, Кижингинский район, Республика Бурятия.
4. Дашиева Дунмэрма Раднаевна, 1958 г. р., С. Кижинга, Кижингинский район, Республика Бурятия.
5. Баяндуева Лариса Цыденовна, 1976 г. р., С. Кижинга, Кижингинский район, Республика Бурятия.
6. Цыдендамбаев Жамьян Дашиевич, 1973 г. р., С. Кижинга, Кижингинский район, Республика Бурятия.
7. Доржиева Дашима Дугаровна, 1960 г. р., С. Кижинга, Кижингинский район, Республика Бурятия.
8. Дамбаева Бэлигма Аюшеевна, 1978 г. р., С. Кижинга, Кижингинский район, Республика Бурятия.
9. Ианзанова Очирханда Найдановна, 1969 г. р., Нарын-Ацагат, Заиграевский район, Республика Бурятия.
10. Чимитова Маргарита Митыповна, 1965 г. р., Нарын-Ацагат, Заиграевский район, Республика Бурятия.
11. Чимитова Жалма Дармаевна, 1957 г. р., Нарын-Ацагат, Заиграевский район, Республика Бурятия.
12. Хасбагана, 1963 г. р., С. Тэмээнхудаг, п. Сангийндалай, Шулуун Хөх хошун, Шилийнгол аймак, АРВМ, Китай.
13. Наранчимэг, 1964 г. р., С. Тэмээнхудаг, п. Сангийндалай, Шулуун Хөх хошун, Шилийнгол аймак, АРВМ, Китай.
14. Мэндбаяр, 1988 г. р., п. Шанд, Шулуун Хөх хошун, Шилийнгол аймак, АРВМ, Китай.

15. Нандин, 1987 г. р., п. Улаан, Отогийн өмнөд хошун, Ордос аймак, АРВМ, Китай.
16. Зуна, 1992 г. р., Отог хошун, Ордос аймак, АРВМ, Китай.
17. Учралт, 1967 г. р., село Хэрэнгэт, п. Нанс, Отгийн өмнөд хошун, г. Ордос, АРВМ КНР.
18. Тулгуур, 1988 г. р., г. Тунляо, АРВМ, Китай.
19. Цзинь Вэнцзин, 1987 г. р., г. Тунляо, АРВМ, Китай.
20. Мөшөөл, 1998 г. р., сомон Баянмод, п. Ганзага, Хорчин зүүн гаран хойт хошун, г. Тунляо, АРВМ, Китай.
21. Оюу, 1965, п. Баянхот, Алшаа зүүн хошуу, Алшаа аймак, АРВМ, Китай.
22. Бархасбадь, 1992, п. Баянхот, Алшаа зүүн хошуу, Алшаа аймак, АРВМ, Китай.